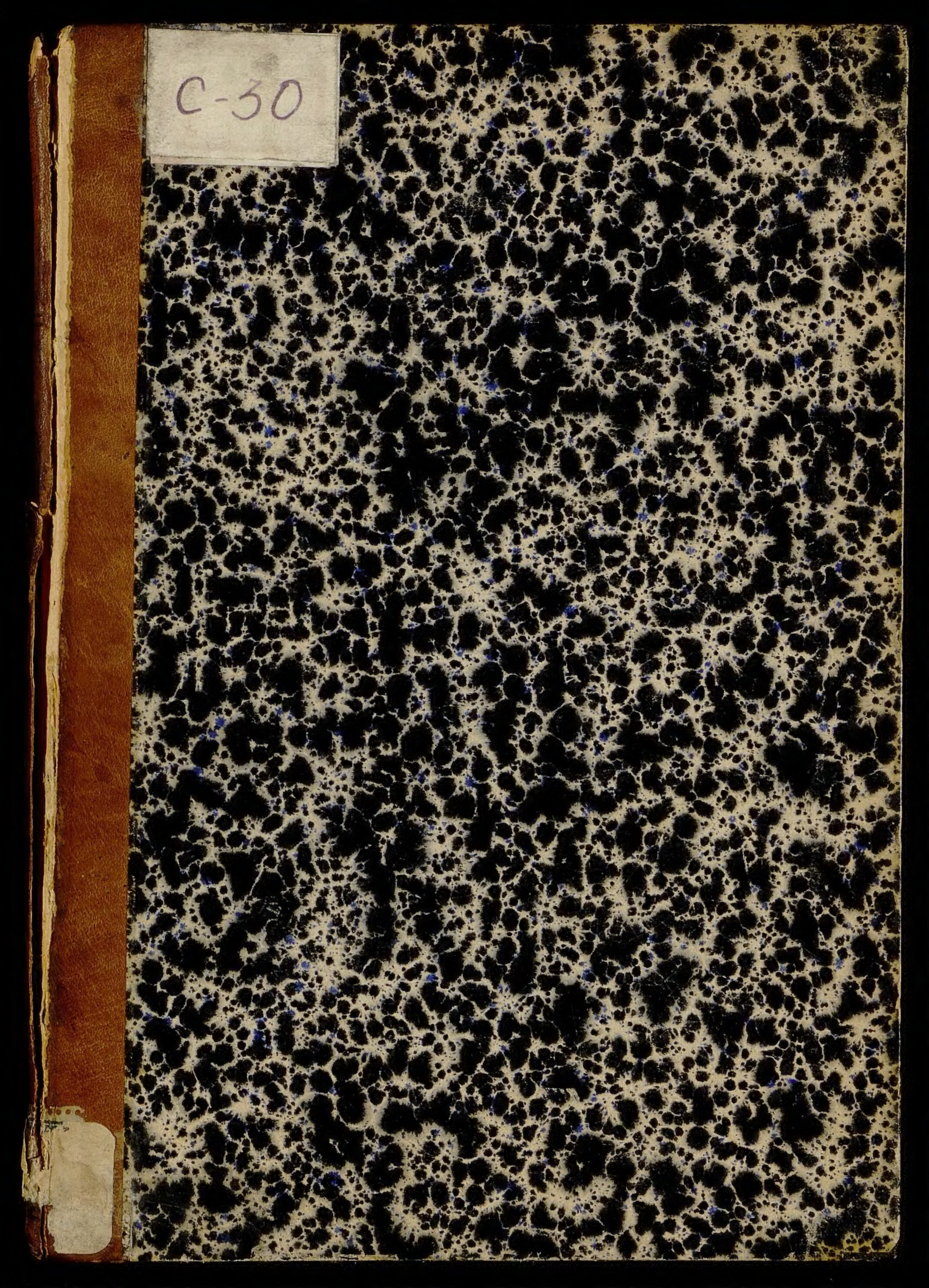
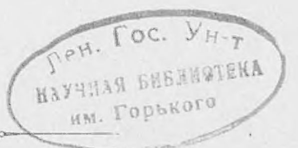

ВАСИЛІЙ ИВАНОВИЧЪ
ВОДОВОЗОВЪ.

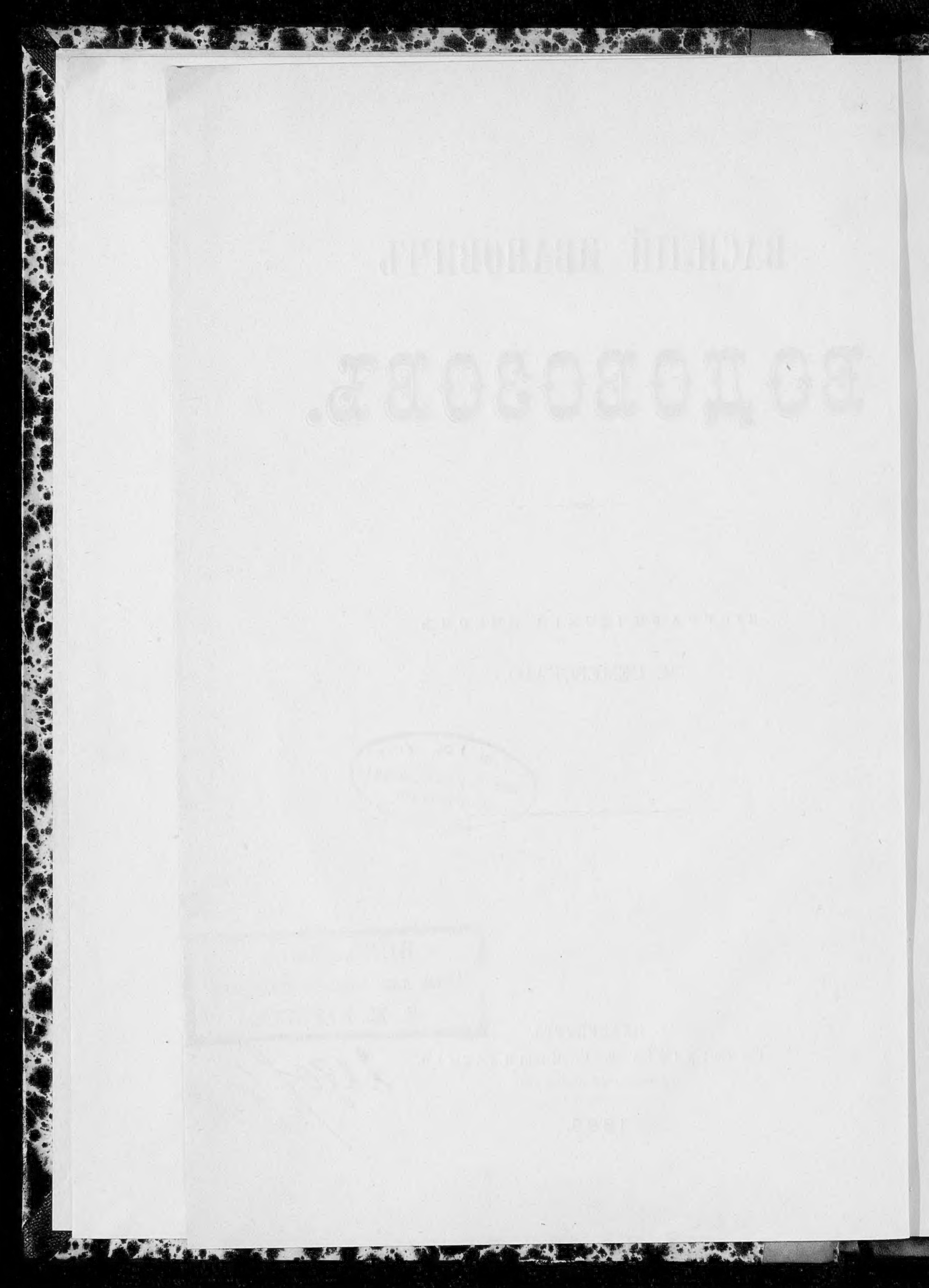
БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

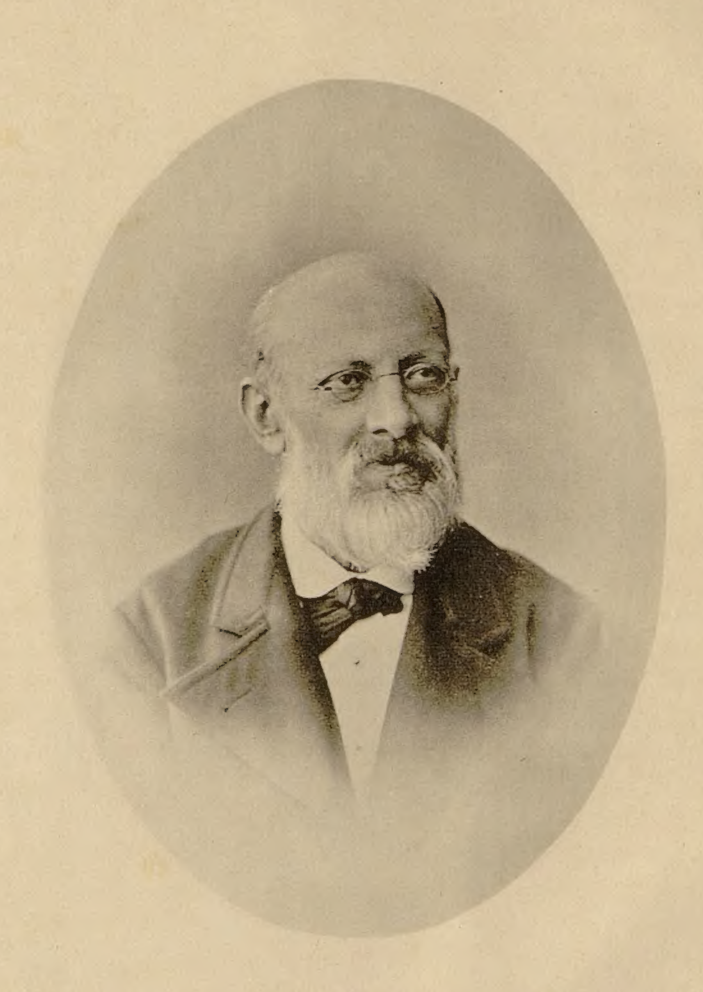
В. СЕМЕВСКАГО.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія Ф. С. Сущинскаго.
Екатерининскій каналъ, 168.

1888.

В. Водовозовъ

17 мая 1886 года скончался извѣстный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ. Въ исторіи нашей педагогіи его имя займетъ, безъ сомнѣнія, почетное мѣсто; самая дѣятельность его была чрезвычайно разнообразна; занимаясь въ теченіе почти 15-ти лѣтъ преподаваніемъ въ петербургскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, онъ оставилъ послѣ себя замѣчательные труды по русской словесности, произведшіе совершенный переворотъ въ методикѣ этого предмета; въ то же время онъ руководилъ воскресною школою, преподавалъ въ учительской семинаріи при таврической школѣ и позднѣе на аларчинскихъ женскихъ курсахъ (при V-й гимназіи), перевелъ въ стихахъ многія классическія произведенія съ древнихъ и новыхъ языковъ, составилъ нѣсколько книгъ для дѣтскаго и популярнаго чтенія, цѣлый рядъ трудовъ для народной школы, и во главѣ ихъ слѣдуетъ помѣстить имѣвшую громадный успѣхъ «Книгу для первоначальнаго чтенія»; сверхъ всего этого, онъ руководилъ тремя учительскими съѣздами. Не менѣе видное мѣсто онъ займетъ и въ исторіи новой земской народной школы въ Россіи; тутъ его имя можетъ быть поставлено непосредственно послѣ имени К. Д. Ушинскаго.

Но задача наша исключительно біографическая; полную оцѣнку трудовъ покойнаго дастъ историкъ нашего средняго образованія и нашей народной школы; поэтому, въ отношеніи его трудовъ, мы ограничились приведеніемъ отзывовъ извѣстныхъ спеціалистовъ въ дѣлѣ педагогіи.

При составленіи настоящаго очерка мы имѣли возможность воспользоваться всѣми бумагами, оставшимися послѣ покойнаго, его корреспонденціею, оффиціальными и другими документами, а близкое, давнишнее наше знакомство съ нимъ позволило намъ дополнить и объяснить многое въ его жизни изъ личныхъ воспоминаній.

Первоначально этотъ біографическій очеркъ появился въ печати въ «Вѣстникѣ Европы» 1887 г. №№ 11 и 12.

I.

Дѣтство Водовозова.—Нищета семьи.—Коммерческое училище.—Университетскіе годы.

Отецъ В. И. Водовозова, Иванъ Васильевичъ, купецъ первой гильдіи, велъ около 30-ти лѣтъ обширную внѣшнюю и внутреннюю торговлю при петербургскомъ портѣ. Выдѣляясь своимъ богатствомъ, онъ долженъ былъ нерѣдко нести тѣ или другія почетныя общественныя обязанности; между прочимъ, въ 1811 году онъ былъ избранъ строителемъ Екатерининской церкви (въ Кадетской линіи Васильевскаго Острова), на что имъ и было пожертвовано и безвозвратно истрачено около 90.000 руб. ассигнаціями. Онъ дѣлалъ также пожертвованія и въ Вольное Экономическое Общество, за что̀ былъ избранъ его корреспондентомъ; вслѣдствіе того онъ принималъ участіе и въ самыхъ трудахъ общества: при обсужденіи полезности какой-то, вновь изобрѣтенной тогда, машины для сахарнаго производства, модель ея была передана на заключеніе отца Водовозова, какъ сахарнаго заводчика. Портретъ его масляными красками, работы извѣстнаго художника Угрюмова, хранящійся нынѣ въ галереѣ г. Третьякова въ Москвѣ, рисуетъ намъ умное и вмѣстѣ типическое лицо русскаго купца, сильно напоминающее черты и его сына.

Съ одной стороны слишкомъ широкая благотворительность, а съ другой гибель отъ пожара амбаровъ съ хлѣбомъ, на покупку котораго были заняты значительныя деньги, совершенно разорили отца Водовозова; въ 1817 г. все его имущество было описано и продано съ публичнаго торга, а самъ онъ, какъ несостоятельный должникъ, посаженъ въ тюрьму. Хотя онъ и былъ скоро освобожденъ, но семья очутилась въ совершенной нищетѣ, и когда 2-го мая 1828 г. отецъ Водовозова умеръ, то для погребенія его «собираемо было благотворителями добровольное подаяніе». Семейство покойнаго, кромѣ жены его, Екатерины Ивановны, 42 лѣтъ отъ роду, состояло изъ четырехъ дочерей и трехъ сыновей; младшій, Василій, родился 27-го сентября 1825 года. Въ 1831 г. мать его подала прошеніе о перечисленіи ея съ двумя незамужними дочерьми въ петербургское купечество безъ платежа гильдейскихъ повинностей, но и безъ права вести торговлю, а малолѣтняго сына Василія просила причислить въ мѣщанское общество.

До семи лѣтъ Водовозовъ былъ крайне слабымъ ребенкомъ, и, по причинѣ болѣзни глазъ, его почти не выпускали изъ комнаты [1]). Первоначальнымъ своимъ обученіемъ онъ былъ обязанъ родному дядѣ, брату матери; это былъ большой чудакъ, любившій въ часы досуга кропать стишки и разныя поздравительныя вирши. По словамъ Водовозова, «еще въ малолѣтствѣ онъ полюбилъ стихи, легко уча наизусть поздравительныя рацеи». Мальчикъ не только поздравлялъ такимъ образомъ мать, но, кромѣ того, въ виду полной нищеты семьи, его заставляли выпрашивать въ праздничные дни по нѣскольку копѣекъ у разныхъ знакомыхъ и «благодѣтелей», которымъ онъ принужденъ былъ произносить «поздравительныя рацеи»; одна изъ нихъ, которую онъ часто вспоминалъ до конца жизни, оканчивалась скромною просьбою—«наградить хоть пятачкомъ» [2]). Въ мартѣ 1835 г., когда ея младшему сыну шелъ уже десятый годъ, Екатерина Ивановна обратилась съ просьбою въ петербургскій биржевой комитетъ о назначеніи ей постояннаго пособія и объ опредѣленіи сына Василія пансіонеромъ петербургской биржи въ коммерческое училище. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ обѣ ея просьбы были исполнены, и 29-го апрѣля 1835 г. Водовозовъ поступилъ въ коммерческое училище.

«Вотъ, наконецъ, пришло время разстаться съ матерью,— разсказываетъ Водовозовъ въ своихъ неизданныхъ автобіографическихъ замѣткахъ: «меня отвезли въ училище. Я пла-

---

[1]) «Отъ природы слабый и хворый,—разсказываетъ Водовозовъ въ своихъ неизданныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, набросанныхъ во время жизни въ Варшавѣ,—до семи лѣтъ я почти не зналъ Божьяго свѣта... Убитая несчастіемъ мать моя безпрестанно повторяла мнѣ одно: «молись Богу, молись Богу; Онъ тебя не оставитъ». Малѣйшій порывъ дѣтской свободы карали во мнѣ жестоко страхомъ Божіимъ... Семи лѣтъ я привыкъ уже считать себя преступникомъ, и каждый день со слезами молилъ Бога о томъ, чтобы онъ послалъ мнѣ смерть, покуда душа моя еще сколько-нибудь достойна рая».

[2]) Въ своемъ неизданномъ разсказѣ: «Новая жизнь», полномъ автобіографическихъ подробностей, Водовозовъ говоритъ: «Александръ Петровичъ (подъ этимъ именемъ авторъ изображаетъ себя) выросъ въ большой нуждѣ. Онъ не помнилъ своего отца и принадлежалъ къ числу тѣхъ бѣдныхъ дѣтей, которыя ходятъ съ родителями въ гости не играть и веселиться, а смирно сидѣть, показывая примѣръ благопристойности, чтобы тѣмъ разжалобить сердце покровителей. И странно! Вмѣсто привычки заискивать и выслуживать ласки, въ немъ рано пробудилась гордость, не свойственная дѣтямъ. Этому содѣйствовала и мать, часто разсказывавшая, какъ тяжелы ласки многихъ благодѣтелей... Она говорила ему: «Саша! не надѣйся ни на друга, ни на покровителя, а трудись самъ; съ трудомъ да съ вѣрою въ Бога всего достигнешь».

калъ долго, плакалъ упорно, и ни увѣщанія родныхъ, ни лакомства, ни игрушки не могли меня утѣшить. Шутки и насмѣшки товарищей совершенно меня ожесточили... Не участвуя въ веселыхъ играхъ и шалостяхъ товарищей, я жилъ всегда одинъ съ самимъ собою... Тоска овладѣла мною; душа рвалась на свободу; я полюбилъ звѣзды и даль небосклона. Тогда, по ночамъ, тайкомъ отъ всѣхъ, я началъ записывать свои мечты и думы полу-стихами, полу-прозой, и эти листки пряталъ, какъ воръ краденую вещь. Но какъ ни прекрасно было ночное небо... нуженъ былъ человѣкъ, съ которымъ я могъ бы раздѣлить... сердце, и человѣкъ нашелся. Это былъ одинъ изъ моихъ товарищей, по крови итальянецъ, характера живого и положительнаго... Его вліяніе не осталось безъ пользы: онъ первый внушилъ мнѣ любовь къ труду и страсть къ искуству». Онъ умеръ за нѣсколько мѣсяцевъ до выпуска Водовозова изъ училища.

Въ статьѣ Водовозова: «Тезисы по русскому языку» [1]), мы находимъ слѣдующія свѣдѣнія относительно обученія автора въ этомъ заведеніи: «Я, конечно, долбилъ грамматику Греча, какъ и другіе, но ни одного живого впечатлѣнія не осталось въ моей памяти изъ обученія родному языку... Жалкая словесность, которую мы заучивали въ высшихъ классахъ, состояла изъ однихъ безсмысленныхъ фразъ; я помню изъ нея только одно мѣсто о Ломоносовѣ, потому что имъ безпрестанно дразнили меня товарищи, жужжа въ уши чепуху, отъ которой я страшно бѣсился. Занятіе литературой ограничивалось тѣмъ, что мы списывали запрещенные стишки, и у кого было больше подобныхъ стишковъ, тотъ считался литературнѣе. Я читалъ безъ разбора всякія книги и не спалъ ночи отъ романовъ Булгарина и Поль-де-Кока. Усерднѣе всего занимался я французскимъ языкомъ. Французскій учитель пріучилъ насъ къ краснобайству, заставляя насъ писать сочиненія на тэмы: «Дѣвушка у ручья»... Я писалъ и товарищамъ подобныя сочиненія за гречневую кашу, которую очень любилъ и которую у насъ послѣ ужина выносили изъ столовой и сохраняли въ фуражкахъ».

Еще бо̀льшія подробности объ этомъ періодѣ сообщаетъ Водовозовъ въ своемъ неоконченномъ и неизданномъ разсказѣ подъ заглавіемъ: «Новая жизнь», написанномъ въ пятидесятыхъ годахъ и, какъ уже было замѣчено, несомнѣнно имѣю-

---

[1]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1861 г., т. 109.

щемъ автобіографическое значеніе: «Уже въ дѣтствѣ слышалъ онъ не мало сказокъ отъ разныхъ бабушекъ и тетушекъ, его няньчившихъ. Когда послѣ радостнаго отпуска на воскресенье приходилось возвращаться въ училище, Сашу (подъ этимъ именемъ Водовозовъ изображаетъ себя) провожала бойкая деревенская дѣвушка, бывшая тогда въ услуженіи у его матери; она всякій разъ умѣла развеселить печальнаго мальчика своей веселою болтовнею, и Саша, наконецъ, зналъ, какъ своихъ пріятелей, Жаръ-Птицу, и Еруслана, и Конька-Горбунка, и Илью-Муромца. Въ школьномъ саду обыкновенно собиралась около него кучка товарищей, и онъ пересказывалъ имъ эти волшебныя повѣсти, безъ конца разнообразя и распространяя разсказъ собственными вымыслами. На годъ и болѣе достало ему этихъ разсказовъ, которые подъ-конецъ уже ничѣмъ не походили на сказки, имъ слышанныя. Другихъ воспоминаній мало или почти совсѣмъ не оставили первые годы воспитанія. Саша не участвовалъ въ школьныхъ затѣяхъ, имѣвшихъ цѣлью подсолить какому-нибудь нелюбимому учителю или гувернеру, или просто удовлетворить потребности въ дѣтской шалости и рѣзвости: онъ не залѣзалъ передъ классомъ въ печку, чтобы кричать оттуда пѣтухомъ; не пристегивалъ билетиковъ и бумажныхъ хвостовъ къ фалдамъ начальника; не задавалъ вмѣстѣ съ другими при его входѣ реву и стуку, извѣстнаго подъ именемъ *бенефиса*, и т. д. Вообще онъ принадлежалъ къ числу смирныхъ дѣтей, надъ которыми товарищи не пропустятъ случая посмѣяться, но которыхъ способностями вѣчно пользуются... когда нужно написать сочиненіе или объяснить трудный урокъ...

«Переходъ въ высшіе классы ознаменованъ былъ новымъ развитіемъ чувствительности, которая и безъ того сильно вредила нашему герою... Онъ сталъ перечитывать и сочинять стишки, вчитываться въ романы... Пустымъ, безцвѣтнымъ сномъ прошли послѣдніе годы училищнаго заключенія. Замкнутый въ очарованномъ кругу своихъ туманныхъ грезъ, онъ не видѣлъ никакого выхода въ дѣйствительной жизни. Товарищи не прощали ему исключительности положенія въ ихъ обществѣ, имѣвшемъ свой уставъ и свои, часто очень непохвальныя, цѣли; наука представлялась въ видѣ мертваго собранія буквъ и цифръ, тяжко налегающихъ на память,—все отчуждало его отъ окружающаго міра и развивало въ немъ

печальную привычку пренебрегать настоящимъ, чтобы ожидать чудесъ отъ будущаго».

Заучиваніе дядюшкиныхъ виршей въ дѣтствѣ и чтеніе разныхъ книгъ безъ всякаго разбора вызвали въ молодомъ Водовозовѣ нѣкоторую способность къ нанизыванію риѳмъ; слушаніе множества сказокъ въ дѣтствѣ и въ первые годы пребыванія въ училищѣ возбуждало фантазію, а благочестивыя чувства, привитыя матерью, дали религіозную окраску одному изъ первыхъ опытовъ юнаго стихотворца: мы разумѣемъ—сохранившееся въ бумагахъ Водовозова стихотвореніе на текстъ: «Аще бо добрыхъ дѣлъ нѣсть, вѣра въ Бога мертва есть», на которомъ самимъ авторомъ поставленъ 1839-ый годъ. Нельзя не замѣтить, что это дѣтское произведеніе четырнадцати-лѣтняго автора навѣяно горькими воспоминаніями о нуждѣ, испытанной его матерью, и печальной необходимостью искать помощи «благодѣтелей» и «покровителей».

Приведемъ начало этого стихотворенія:

«Скажите: можетъ ли быть вѣра
Въ словахъ пустого лицемѣра,
Который говоритъ, что вѣритъ въ Бога онъ,
Ни бѣдной братіи не зная
И хладнокровно презирая
Вдовы несчастной жалкій стонъ?
Скажите: можетъ ли словами
Своими Богу угодить
И такъ блаженство получить,
Не заслуженное дѣлами?..» и т. д.

Иногда юный Водовозовъ старался выразить въ стихахъ свое пламенное стремленіе поскорѣе вырваться на волю изъ «противнаго» училища; въ другихъ стихотвореніяхъ онъ пытается изображать природу или обращается къ соловью. Какимъ образомъ отъ этихъ мечтаній при лунѣ онъ перешелъ къ мысли продолжать свое образованіе и рѣшился готовиться къ университетскому экзамену,—недостаточно ясно изъ его автобіографическихъ замѣтокъ.

Послѣдніе дни пребыванія въ коммерческомъ училищѣ были употреблены товарищами Водовозова на то, чтобы написать другъ другу на память по нѣскольку строкъ. Молодой Водовозовъ для воспріятія этихъ товарищескихъ чувствъ, за неимѣніемъ альбома, употребилъ тетрадку торговаго права, гдѣ мы и находимъ записи 17 человѣкъ. Самая любопытная изъ нихъ слѣдующая: «Прощай, любезный товарищъ! Прощай, Вася Водовозовъ, знаменитый философъ новѣйшихъ

и древнѣйшихъ временъ! Дай Богъ, чтобы твои всѣ желанія исполнились какъ можно скорѣе и съ излишествомъ. Сидя иногда съ латинскою грамматикою Кошанскаго, вспомни объ одномъ человѣкѣ, который тебя любилъ отъ всей души, хотя и надоѣдалъ нѣкогда словами изъ литературы знаменитаго Благодарева: «но эти занятія были не для него», или: «въ одномъ нагольномъ тулупѣ, на мерзлой рыбѣ, и т. к.» [1])».

6-го іюня 1842 года Водовозовъ окончилъ курсъ въ коммерческомъ училищѣ. Ему не было тогда еще 17-ти лѣтъ, но какими добрыми стремленіями былъ проникнутъ этотъ юноша, видно изъ слѣдующаго письма, написаннаго имъ вскорѣ послѣ выпуска кому-то изъ своихъ бывшихъ преподавателей или воспитателей: «...Пересмотрѣвъ всѣ житейскіе проходы и переходы къ вѣчному, я нашелъ только *одинъ* себѣ по сердцу... Труденъ путь, избранный мною, я это хорошо знаю; но, слѣдуя сердцу, я уже сказалъ: воля Божія, и готовъ идти съ терпѣніемъ, услаждая горести и печали *занятіями, родными сердцу*... Благословите ли вы мое стремленіе, какъ благословилъ его я; вѣрите ли вы мнѣ, что я желаю вступить не въ университетъ, а въ познаніе всего того, что̀ тамъ проходятъ по моему предмету. *Польза общественная* [2]) будетъ всегда моимъ девизомъ, и я надѣюсь принести хоть каплю пользы при стараніяхъ, которыя, если только они сообразны съ разсудкомъ, никогда не могутъ быть тщетными, а у меня кромѣ стараній есть еще любовь къ наукѣ. Я поспѣшу всѣми силами оправдать слова мои на дѣлѣ... Я болѣе всего боюсь терять дорогое время, и потому нынѣшній же годъ, приготовя нѣсколько греческій языкъ (латинскій почти болѣе не требуетъ приготовленій), вступить въ число вольнослушающихъ... На будущій годъ—что̀ Богъ дастъ! Мнѣ надо признаться, что я долженъ необыкновенно успѣвать, потому что у меня есть мать, которая всѣмъ *возможнымъ* жертвуетъ для меня, сердечно вѣря искренности моихъ желаній.

Любопытно, какъ въ этомъ письмѣ, несмотря на то, что опущенное нами его начало проникнуто романтизмомъ, навѣяннымъ Жуковскимъ, уже сказываются трезвыя и благотворныя стремленія: «*польза общественная* будетъ всегда

---

[1]) Это, очевидно, тѣ слова о Ломоносовѣ, которыми товарищи дразнили Водовозова.

[2]) Курсивъ подлинника.

моимъ девизомъ», твердо пишетъ юноша, которому не исполнилось еще семнадцати лѣтъ, и этому девизу Водовозовъ былъ дѣйствительно вѣренъ въ теченіе всей своей литературной и педагогической дѣятельности.

Черезъ годъ по окончаніи курса въ коммерческомъ училищѣ т.-е. въ 1843 г., Водовозовъ вступилъ въ университетъ. Собираясь поступить на филологическій факультетъ, но чувствуя, что онъ не можетъ еще выдержать требуемаго для этого экзамена по греческому языку, онъ рѣшился сдѣлаться студентомъ юридическаго факультета, съ тѣмъ, чтобы потомъ, при первой же возможности, перейти на филологическій. Экзамены были выдержаны успѣшно, что̀ дѣлаетъ честь способностямъ и трудолюбію юноши, получившаго въ училищѣ весьма недостаточную подготовку. Въ своихъ печатныхъ воспоминаніяхъ Водовозовъ говоритъ: «Помню только экзаменъ логики и русскаго языка. Изъ логики экзаменовался я по вдохновенію; по русскому языку задана мнѣ была тэма: «Петръ Великій». Я ей очень обрадовался и безъ труда нагородилъ двѣ страницы самыхъ торжественныхъ фразъ, наставивъ какъ можно больше тире и восклицаній. Къ моему величайшему удивленію, почтенный профессоръ, который вскорѣ потомъ назвалъ меня своимъ пріятелемъ (и эта пріязнь продолжается донынѣ [1]), началъ жестоко распекать меня: «Откуда вы взяли такой слогъ? кто такъ пишетъ? гдѣ вы это читали?» Я очень смутился, потому что считалъ себя ужъ очень опытнымъ литераторомъ, но, наконецъ, помирился и на томъ, что получилъ: три». Съ перваго же дня своего пребыванія въ университетѣ Водовозовъ сталъ посѣщать лекціи не юридическаго, а филологическаго факультета и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подалъ прошеніе о переводѣ его на этотъ послѣдній. Такъ какъ профессора уже успѣли замѣтить, съ какою добросовѣстностью онъ посѣщаетъ ихъ лекціи, то они ничего не имѣли противъ этого въ принципѣ, но предписали Водовозову довольно суровыя условія: а именно, онъ долженъ былъ въ концѣ академическаго года сдать вступительный университетскій экзаменъ по греческому языку и, вмѣстѣ съ тѣмъ, выдержать переводные экзамены изъ перваго курса во второй. Несмотря на то, что выполнить это условіе, относительно греческаго языка, было особенно трудно, Водовозовъ, благодаря своимъ

[1]) Александръ Васильевичъ Никитенко; писано въ 1861 г.

замѣчательнымъ филологическимъ способностямъ, сдалъ экзамены не только не хуже, а даже лучше многихъ другихъ однокурсниковъ, поступившихъ въ университетъ изъ гимназій, гдѣ они уже обучались греческому языку въ теченіе четырехъ лѣтъ. Такимъ образомъ онъ добился своей цѣли и сдѣлался не только de facto, но и de jure студентомъ филологическаго, или, какъ тогда говорили, I-го отдѣленія философскаго факультета.

Каѳедру греческой словесности занималъ тогда заслуженный профессоръ и академикъ Грефе, уже давно пріобрѣвшій почетную извѣстность въ ученомъ мірѣ многими замѣчательными изданіями и объясненіями греческихъ поэтовъ [1]). Профессоромъ римской словесности былъ Фрейтагъ, отличный знатокъ своего предмета. Всеобщую исторію преподавалъ М. С. Куторга, закончившій свое научное образованіе въ заграничныхъ университетахъ. Преподаваніе русской исторіи находилось въ рукахъ Н. Г. Устрялова, человѣка трудолюбиваго и знающаго, но вовсе не даровитаго. Каѳедра русской словесности (предметъ наиболѣе близкій сердцу Водовозова) была раздѣлена между П. А. Плетневымъ и А. В. Никитенко.

А. В. Никитенко читалъ студентамъ первыхъ трехъ курсовъ «русскую словесность и исторію ея съ практическими упражненіями и филологическимъ и эстетическимъ анализомъ отечественныхъ писателей». Кромѣ того, онъ руководилъ «въ педагогическихъ занятіяхъ по русской словесности какъ казенно-коштныхъ, такъ и прочихъ студентовъ, готовящихся къ учительскому званію». По словамъ одного изъ его учениковъ, «проводя въ чтеніяхъ своихъ, путемъ философіи, исторіи и литературной критики, начало эстетическое и ограждая самостоятельность его въ средѣ другихъ дѣйствующихъ элементовъ человѣческой природы, проф. Никитенко всегда имѣлъ въ виду глубокое и высшее значеніе этого начала, дающее чувствовать себя въ нравственномъ образованіи и развитіи какъ цѣлыхъ обществъ, такъ и отдѣльнаго человѣка; видѣлъ въ немъ не просто интересъ чувства, услаждающагося красотою, а великую образовательную силу, одного

---

[1]) «При глубокомъ знаніи греческаго языка, при тонкомъ пониманіи его разнообразныхъ формъ, — говоритъ его ученикъ проф. Деступисъ, — Грефе одаренъ былъ сильнымъ поэтическимъ чутьемъ, помогавшимъ ему вникать въ особенности слога того или другого греческаго поэта.

изъ двигателей всякаго развитія и усовершенствованія». Когда съ 1850 г. въ университетѣ было прекращено преподаваніе философіи, лекціи Никитенко объ изящномъ, «сверхъ развитія эстетическаго чувства въ слушателяхъ, философскою стороною своею восполняли еще, насколько было это возможно, тотъ въ высшей степени важный пробѣлъ, какой оказывался въ университетскомъ образованіи». Такое «восполненіе» было весьма нелишнимъ и во время пребыванія въ университетѣ Водовозова, такъ какъ преподаваніе проф. философіи Фишера не пользовалось въ университетѣ популярностью.

Плетневъ, бывшій въ то же время и ректоромъ университета, читалъ на IV курсѣ «исторію русской литературы отъ первыхъ памятниковъ отечественной словесности до нынѣшняго времени». За основаніе своихъ лекцій, по собственнымъ словамъ Плетнева, онъ принялъ «историко-критическое объясненіе произведеній отечественной литературы, соединяя въ немъ взглядъ на успѣхи умственныхъ силъ вообще съ характеристикою самого искуства, въ перемѣнахъ котораго показывалъ развитіе духовной жизни націи». По воспоминаніямъ проф. Григорьева, располагала университетскихъ слушателей къ Плетневу и «производила вообще хорошее впечатлѣніе его симпатичная личность, его внимательность къ студентамъ, его желаніе быть имъ полезнымъ, мягкость его манеръ и умѣніе держать себя, какого они не видывали еще въ своихъ профессорахъ. Онъ умѣлъ возбудить въ слушателяхъ охоту пробовать силы свои въ разныхъ родахъ литературныхъ произведеній» [1]).

Этотъ краткій перечень наличныхъ преподавательскихъ силъ по нынѣшнему — историко-филологическаго, а по тогдашнему — разряда общей словесности I-го отдѣленія философскаго факультета ясно показываетъ, къ чему могли направиться симпатіи юнаго Водовозова. Въ виду проявившихся въ немъ литературныхъ наклонностей, самою интересною наукою для него должна была быть, конечно, русская словесность, и эстетическія воззрѣнія Никитенко не могли не имѣть на него глубокаго вліянія; а затѣмъ, и по достоинству преподавателей, и по связи этихъ предметовъ съ изученіемъ исторіи литературы, должны были всего болѣе

---

[1]) *Григорьевъ*. «Императ. Спб. унив. въ теченіе первыхъ 50-ти лѣтъ его существованія». Спб. 1870 г

заинтересовать Водовозова греческая словесность и всеобщая исторія, профессоръ которой, Куторга, былъ именно спеціалистомъ по греческой исторіи. Такимъ образомъ, изученіе русской и всеобщей литературы, а изъ міра древняго—изученіе греческаго языка и литературы и древне-греческой жизни,—вотъ что̀ должно было, въ концѣ концовъ, привлечь къ себѣ всѣ способности Водовозова при тѣхъ задаткахъ его предыдущаго развитія, на которые было указано выше, и при той научной средѣ, въ которой онъ очутился въ университетѣ. Такъ дѣйствительно и случилось.

«Въ университетѣ я продолжалъ свое безпорядочное чтеніе,—разсказываетъ Водовозовъ въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ [1]); — «прочтенное на русскомъ, на французкомъ, на нѣмецкомъ, на итальянскомъ и на англійскомъ языкахъ образовало въ головѣ моей страшный, одуряющій хаосъ. Иностранные языки вообще давались мнѣ легко: я не учился ни одному изъ нихъ систематически, а прямо составлялъ свою собственную грамматику при чтеніи, съ помощью лексикона. Такъ, почти совсѣмъ не выучившись нѣмецкому языку въ училищѣ, потому что у насъ безпрестанно мѣнялся учитель, ... я въ какой-нибудь годъ чрезъ простое усидчивое чтеніе усвоилъ его такъ, что могъ легко переводить Гёте. Я занимался преимущественно поэзіей и самъ сочинялъ стихи, въ которыхъ выражалъ свои сердечныя томленія о предметѣ, мнѣ совсѣмъ неизвѣстномъ, свою тоску о томъ, что прошли времена благороднаго рыцарства (эти послѣдніе стихи вышли особенно гармоничны, и я ими упивался), и свое разочарованіе при видѣ петербургской грязи, по которой я иногда отдѣлывалъ до 10 верстъ, ходя на уроки. Въ то время уже вышли «Мертвыя Души» Гоголя, и стремленіе къ реализму въ литературѣ высказывалось все сильнѣе. «Мертвыя Души» зналъ я наизусть; но это новое направленіе въ насъ какъ-то дико мѣшалось со старымъ нѣмецкимъ идеализмомъ; мы были реалисты въ нѣмецкомъ вкусѣ: охотно сближались съ толпою, даже наблюдали ее, но всегда съ забранной напередъ идеей, и, при удобномъ случаѣ, легко отрывались отъ твердой почвы, чтобы улетѣть въ заоблачныя страны. Въ университетѣ я писалъ и о Байронѣ, и о «Фаустѣ» Гёте, котораго первую часть перевелъ цѣликомъ въ прозѣ, и о Софоклѣ. Обрадовавшись въ

[1]) Въ статьѣ «Тезисы по русскому языку» (Журн. Мин. Нар. Просв., т. 109).

моихъ реально-идеальныхъ исканіяхъ чему-то болѣе положительному, я пристрастился къ греческой поэзіи. Знаніе греческой литературы замѣнило для меня естествовѣденіе, которымъ я въ университетѣ совсѣмъ не занимался, хотя и ходилъ на лекціи естественной исторіи о человѣкѣ. Я не могу безъ оглядки бросить камнемъ въ классическое знаніе: оно не одинъ разъ умѣряло мою прыть, останавливало и спасало на ложныхъ путяхъ идеализма».

Любопытныя подробности относительно личной, интимной жизни Водовозова находимъ также въ его неизданномъ разсказѣ: «Новая жизнь». «Весь обратившись въ слухъ и притаивъ дыханіе,—говоритъ авторъ, описавъ вступленіе своего героя въ университетъ,—теперь сидѣлъ онъ на университетской скамьѣ; онъ ждалъ откровенія истины... ждалъ, думалъ, хмуря и потирая лобъ,—и понялъ одно, — что наука мало доступна непосвященному смертному. Многое совсѣмъ казалось ему темнымъ, многое пролетало въ смутномъ видѣніи. «Безпредѣльна наука, а жизнь коротка», сказалъ онъ, и съ усердіемъ принялся за работу. Это было началомъ новой борьбы. Цѣль найдена, но гдѣ средства ея достигнуть?.. Тутъ въ первый разъ понялъ онъ всю неустойчивость своего первоначальнаго развитія, увидѣлъ всю дикость почвы, которую пришлось обработывать. Некому было выручить его изъ хаоса вновь наплывшихъ идей, и Александръ Петровичъ» (самъ авторъ) «скоро утомился блуждать среди безконечно нагроможденныхъ осколковъ знанія, двигая, какъ чернорабочій, тяжелый грузъ ихъ съ мѣста на мѣсто. Для диссертаціи со всѣмъ снарядомъ рудокопной учености еще не созрѣлъ онъ, а сердце говорило сильнѣе всякихъ доказательствъ логики и психологіи... Онъ сталъ неохотно посѣщать лекціи; пользуясь новой для него свободой, онъ окунулся въ шумный круговоротъ жизни... Байронъ и Шиллеръ одинаково проникли въ его воспріимчивую натуру; пламенная Жоржъ-Зандъ и здравомыслящій Гёте безразлично увлекали его то въ одну, то въ другую сторону, всегда заставляя свѣтлыхъ образовъ чуждой поэзіи искать въ окружающей его мутной дѣйствительности. Это была своего рода игра въ идеи, обманчивая, измѣнчивая и всегда неудачная... Александръ Петровичъ прошелъ всю многосложную кабалистику любви... Мать ухаживала за нимъ, какъ за больнымъ, вовсе не понимая его вѣчнаго сердечнаго недуга. Всетаки онъ утѣшался этимъ участіемъ и всегда рѣшалъ такъ: «кромѣ любви матери, нѣтъ

другой любви на свѣтѣ». Александру Петровичу помогли излечиться два, всегда очень полезные человѣку, друга: бѣдность и горе.

«Бѣдность вновь и вновь, въ самомъ жаркомъ пылу бездѣйствія, напоминала нашему герою о трудѣ... Какъ ни горекъ былъ этотъ, часто принужденный, трудъ за насущный кусокъ хлѣба, онъ умѣрялъ безполезныя волненія души и устанавливалъ волю. Иногда три или четыре версты случалось пройти Александру Петровичу, отправляясь на урокъ; послѣ такой прогулки и тяжкаго занятія съ какимъ-нибудь 20-ти-лѣтнимъ ребенкомъ, который, кромѣ игры на билліардѣ, не усвоилъ совершенно ни одного знанія, ему часто казалось, что должны изсякнуть и вымереть всѣ нравственныя силы. Но изъ глубины души вставала новая, свѣжая волна, и свободная мысль, отряхнувъ всѣ цѣпи, опять витала на просторѣ... И бѣдность, и горе дали, наконецъ, почувствовать Александру Петровичу несбыточность идеальныхъ надеждъ; но, указавъ прямую цѣль жизни въ трудѣ, въ борьбѣ за добро, возможное въ настоящее мгновеніе, сильнѣе прежняго утвердили въ немъ рѣшимость честно стоять за правду...»

Вотъ любопытная исповѣдь Водовозова за этотъ періодъ его развитія, рисующая намъ тяжелыя перипетіи его жизни въ студенческіе годы: и страданіе отъ бѣдности, и немалое разочарованіе въ университетской наукѣ, и временную апатію къ труду, и неоднократное увлеченіе призраками любви, и торжество сознанія, что онъ обязанъ трудиться на пользу общества, «честно стоять за правду», быть вѣрнымъ тому девизу, который онъ избралъ, вступая въ храмъ науки. Нѣкоторыя изъ чертъ, упомянутыхъ въ приведенномъ мѣстѣ изъ разсказа: «Новая жизнь», подтверждаются и автобіографическими замѣтками; а что касается увлеченій любовью, то намеки на нихъ мы находимъ въ нѣкоторыхъ письмахъ къ Водовозову въ непосредственно слѣдующій затѣмъ періодъ его жизни, когда друзья, оставленные имъ въ Петербургѣ, напоминали ему о прежнихъ знакомствахъ, о прежнемъ времяпрепровожденіи. Впрочемъ, нѣтъ худа безъ добра: если сердечныя увлеченія нерѣдко мѣшали университетскимъ занятіямъ,—за то они поддерживали тотъ огонекъ поэзіи, который началъ теплиться въ немъ еще въ училищѣ.

Въ автобіографическихъ замѣткахъ Водовозовъ не разъ упоминаетъ о томъ, что, будучи студентомъ, онъ «пописывалъ стишки». Отъ студенческаго періода жизни Водовозова

уцѣлѣли два оригинальныхъ стихотворенія, которыя еще яснѣе дорисовываютъ намъ то душевное состояніе юнаго автора, съ которымъ мы уже знакомы изъ его собственныхъ признаній. Первое стихотвореніе написано въ 1845 г., второе—въ 1846 г. Приведемъ ихъ цѣликомъ:

1.

Въ душѣ волненье и тревога,
Страданій горькихъ грудь полна,
И жизни бурная дорога,
Какъ ночь осенняя мрачна.
Давно утраченное счастье
Я со слезами проводилъ:
Возврата ждалъ, грустилъ, молилъ...
На встрѣчу грянуло ненастье!
Ахъ, божій міръ вездѣ блистаетъ
Разнообразной красотой,
Душа томится и пылаетъ
Неблагодарною тоской.
Но посреди страстей мятежныхъ.
Людей холодныхъ и могилъ,
Тѣхъ чувствъ восторженныхъ и нѣжныхъ
Я прежній пламень сохранилъ.
И жду... еще въ душѣ надежда
Привѣтнымъ теплится огнемъ,
И жизнь все манитъ въ даль, какъ прежде,
Мечтой о счастьи золотомъ.

2.

Мнѣ тяжело; старинная печаль
Проснулась вновь... тревожно сердце бьется...
Но изъ цѣпей душа напрасно рвется,
Чтобъ вновь на крыльяхъ грезъ умчаться вдаль.
Забота и нужда, и трудъ ума суровый
Ковали долго ей жестокія оковы;
Свою весну она ужъ прожила:
Блестящіе цвѣты надеждъ увяли,
Закрыли солнце облака печали;
Отъ холода она пріюта не нашла.
По поднебесью, легкокрылой птицѣ,
Ей съ быстрымъ вѣтромъ больше не летать;
Усталыхъ крыльевъ нѣту силъ поднять.
И воли ей не жаль: она къ своей темницѣ
Привыкла, нечего ей болѣе желать.
Да, я доволенъ тяжкимъ испытаньемъ
Въ борьбѣ томительной съ самимъ собой,
Минутнымъ счастьемъ, многихъ дней страданьемъ,
Ничтожности моей безтрепетнымъ сознаньемъ,
Всѣмъ, всѣмъ, что̀ мнѣ назначено судьбой.
Прости, надежда! пусть безъ дальнихъ хлопотъ
Умру, никѣмъ невѣдомый, въ глуши...
Засни-жъ и ты, унылый сердца ропотъ,
Ты, жало ядовитое души!

Вся эта внутренняя борьба, точно также какъ и необходимость, вслѣдствіе крайней нужды, тратить много времени на добываніе хлѣба насущнаго, не могли не вредить университетскимъ занятіямъ, и потому неудивительно, что Водовозовъ окончилъ въ 1847 г. курсъ не кандидатомъ, а дѣйствительнымъ студентомъ. «Что же вынесъ я изъ университета?»—спрашиваетъ Водовозовъ въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ. — «Много идей, бродившихъ безсвязно въ головѣ, но еще больше неопредѣленныхъ стремленій. Мечты тянули меня къ Западу; а я не имѣлъ средствъ чѣмъ жить, не только что ѣхать заграницу. Простодушно воображая нѣкоторымъ образомъ соединить и то, и другое, я съ радостью принялъ предложеніе ѣхать на мѣсто сверхштатнаго учителя въ Варшаву». Жалованья на этомъ мѣстѣ полагалось всего 300 руб. въ годъ (2.000 злотыхъ) [1]).

II.

Служба въ варшавской реальной гимназіи въ 1847—51 гг. — Частные уроки.—Тяжелое матеріальное положеніе.—Изученіе греческихъ и римскихъ авторовъ. — Мечтательное настроеніе.—Восторженная преданность учениць.—Переѣздъ въ Петербургъ.

Къ счастью для Водовозова, въ Варшавѣ служилъ старый знакомый его родителей, С. А. С—чъ, который принялъ въ немъ большое участіе, и, отчасти благодаря его содѣйствію, Водовозовъ скоро получилъ штатное мѣсто; уже въ сентябрѣ 1847 года онъ былъ утвержденъ младшимъ учителемъ русскаго языка въ реальной гимназіи въ Варшавѣ, съ жалованьемъ 1.500 руб. ассигн. (450 р. сер.) въ годъ. Въ первое время Водовозовъ, вслѣдствіе вычета изъ его жалованья выданной впередъ суммы и еще единовременнаго вычета 10% въ пользу инвалидовъ, очутился бы въ самой крайней нуждѣ, еслибы С—чъ не принудилъ его взять у него взаймы 100 руб. «Наконецъ, насталъ тотъ радостный день,—писалъ Водовозовъ матери 9-го октября,—когда я получилъ первое жалованье—12 р. сер.»; вычетъ 15 р. инвалидныхъ, по его словамъ, «подорвалъ» его финансы и заставилъ цѣлый мѣсяцъ проходить съ 10 грошами; въ слѣдую-

---

[1]) Въ половинѣ іюля 1847 г. попечитель с.-петербургскаго учебнаго округа сдѣлалъ предложеніе правленію университета объ отправленіи Водовозова въ Варшаву, съ выдачею ему *заимообразно* полугодоваго жалованья.

щій мѣсяцъ онъ получилъ 24 руб., а затѣмъ получалъ уже полный мѣсячный окладъ по 36 р. сер.

Служба Водовозова въ гимназіи оставила въ немъ самыя тяжелыя воспоминанія. Вотъ что̀ разсказываетъ онъ объ этомъ времени своей жизни въ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ: «Съ моими міровыми идеями, съ «Фаустомъ» Гёте, Байрономъ и Софокломъ въ головѣ, я очутился въ одной изъ варшавскихъ гимназій учителемъ грамоты. Мнѣ порученъ былъ низшій классъ, состоявшій изъ трехъ отдѣленій, чуть ли не по шестидесяти учневъ въ каждомъ. То была самая пестрая смѣсь: дѣти шинкарей, возныхъ и бѣдныхъ чиновниковъ, жиды и поляки [1]), для которыхъ русскій языкъ былъ хуже латинскаго. Почти половина класса проходила въ установленіи какого-нибудь порядка; единственною педагогическою мѣрою были—розги. Признаюсь со стыдомъ, я мало возмущался всѣмъ, что̀ видѣлъ: какое-то мертвое равнодушіе овладѣло мною послѣ первыхъ полученныхъ толчковъ, тѣмъ болѣе, что другіе испытывали то же и были довольны. Руководствомъ служила книжонка, заключавшая въ себѣ очень полезныя свѣдѣнія, напримѣръ: «Домъ имѣетъ окна, стѣны, трубы... Я—человѣкъ, потому что мыслю, обоняю, разсуждаю. Прилежный ученикъ слушаетъ своихъ наставниковъ; я прилежный ученикъ, потому что...» и проч. Преподавая по ней въ продолженіе четырехъ лѣтъ, я, наконецъ, зналъ ее отъ доски до доски наизустъ. Я училъ русскому произношенію, отчасти склоненіямъ и спряженіямъ. Задавъ однажды по всѣмъ отдѣленіямъ склонять слово «столъ», я сосчиталъ, что выслушалъ его въ разныхъ падежахъ до 2.000 разъ. Сначала затрудненіемъ для меня служилъ польскій языкъ, но я скоро усвоилъ его настолько, чтобы свободно объясняться съ учениками. Моею главною помѣхой въ преподаваніи было совершенное незнаніе педагогическихъ пріемовъ, а еще болѣе тотъ идеальный сумбуръ, которымъ набита была голова моя. Слова: «не отъ міра сего» мнѣ не на шутку нравились. Я былъ просто сухимъ учителемъ грамматики, и воспитанники меня не любили». Нужно полагать, что преподаваніе Водовозова было едва ли хуже преподаванія другихъ учителей, и его позднѣйшее самоосужденіе должно быть смягчено тѣмъ простымъ соображеніемъ, что

[1]) Плата за ученіе въ этой гимназіи была самая ничтожная: всего 25 злотыхъ, т. е. 3 р. 75 коп. сер. въ годъ.

ему и не откуда было набраться педагогической опытности. Къ тому же не слѣдуетъ забывать, что русскій языкъ былъ иностраннымъ для его учениковъ въ гимназіи; мы знаемъ, каково и до сихъ поръ отношеніе гимназистовъ ко многимъ преподавателямъ иностранныхъ языковъ, а въ данномъ случаѣ это былъ русскій языкъ, нелюбимый учениками. Къ счастію, занятій въ гимназіи было не слишкомъ много: двадцать часовыхъ уроковъ въ недѣлю, и притомъ справлялись праздники, какъ польскіе, такъ и русскіе. Училось у Водовозова около 200 человѣкъ. Хотя одно время въ его письмахъ къ матери и встрѣчается увѣреніе, что онъ привыкъ къ своей службѣ и относится хладнокровно ко всѣмъ приносимымъ ею непріятностямъ, но всякое терпѣніе лопнуло бы при тѣхъ условіяхъ, въ какія былъ поставленъ тамъ молодой учитель. Уже въ январѣ 1849 г. онъ проситъ мать наводить справки, не откроется ли какого-либо мѣста въ Петербургѣ. Съ какою завистью смотрѣлъ онъ на своихъ 12—13-лѣтнихъ учениць (на частныхъ урокахъ), которымъ удалось уже побывать за границей. «А я долженъ,—писалъ онъ матери,—корпѣть на одномъ мѣстѣ, бранясь съ глупыми школьниками, пока совсѣмъ не отупѣю... Бѣдному вездѣ, гдѣ бы онъ ни былъ, одна участь: трудиться и терпѣть. Ему не летать свободною птицею, а бѣгать, какъ лошадь въ упряжи».—«Дѣла мои все тѣ же,—писалъ Водовозовъ въ другомъ письмѣ: —учу и учусь, мучу другихъ и самъ мучусь».—«Ученики мои ужъ до того мнѣ насолили,—жаловался онъ матери вскорѣ послѣ того,—что радехонекъ былъ бы бросить совсѣмъ званіе учителя. Но дѣлать нечего! Надо терпѣть, покуда еще терпится».

Тяготясь преподаваніемъ въ гимназіи, Водовозовъ съ величайшею охотою давалъ частные уроки, какъ это видно изъ его печатныхъ автобіографическихъ замѣтокъ. «Съ большимъ удовольствіемъ вспоминаю о нѣкоторыхъ частныхъ урокахъ», разсказываетъ онъ: «тутъ занимался я совершенно наоборотъ, безъ малѣйшей схоластики; даже главною цѣлью моихъ занятій было внушить какъ можно болѣе отвращенія къ схоластикѣ. Впрочемъ, въ словесности я все еще толковалъ о неземномъ, о чистыхъ идеалахъ, обращалъ вниманіе на художественный разборъ писателей, хотя очень много читалъ, иногда цѣлые вечера безъ умолку, и главнымъ любимцемъ моимъ все-таки былъ Гоголь». У Водовозова бывали уроки въ одномъ частномъ пансіонѣ (по 9, по 12 часовъ въ не-

дѣлю) и въ разныхъ частныхъ домахъ, и преподаваніемъ его были обыкновенно чрезвычайно довольны.

Съ особеннымъ удовольствіемъ давалъ Водовозовъ уроки дѣтямъ С. А. С—ча, вся семья котораго относилась къ нему съ большою любовью и участіемъ. Такъ какъ дружба съ этимъ семействомъ составляла едва ли не самое свѣтлое воспоминаніе Водовозова изъ всего варшавскаго періода его жизни, то мы должны остановиться на его отношеніяхъ къ С—чамъ, для чего его письма къ матери даютъ богатый матеріалъ. «Время я провожу какъ и прежде»,—писалъ Водовозовъ матери въ концѣ сентября 1847 г. (дни самые тяжелые для него въ матеріальномъ отношеніи):—«обѣдаю въ Мостовскомъ дворцѣ, гдѣ Соломонъ Александровичъ директоромъ и имѣетъ большую квартиру отъ казны. Послѣ обѣда читаю Марьѣ Степановнѣ романы или повѣсти, вечеромъ обыкновенно всѣ играемъ въ дурачки; иногда, когда бываютъ гости, танцуемъ... Я у нихъ теперь человѣкъ совершенно домашній, и С. А—чъ называетъ меня не иначе, какъ племянникомъ». Хозяинъ дома увѣрялъ Вас. И—ча, что надо заниматься чѣмъ-нибудь болѣе существеннымъ; что Гомеръ (котораго усердно штудировалъ тогда молодой Водовозовъ) мало приноситъ пользы, а лучше сдѣлаться чиновникомъ»; хозяйка же поддразнивала его, говоря, что онъ «скоро совсѣмъ сойдетъ съ ума отъ своей учености», и убѣждала его, что «молодой человѣкъ долженъ немного поволочиться, а не корпѣть всегда надъ книгами».

Водовозовъ не оставался въ долгу за разныя одолженія, которыя ему оказывала семья С—чей: онъ иногда дѣлалъ для С. А—ча переводы съ польскаго, а главное постоянно занимался съ его дѣтьми (4-мя дѣвочками и 2-мя мальчиками), причемъ былъ особенно доволенъ вниманіемъ и успѣхами своихъ учениць; онъ училъ ихъ преимущественно русскому языку и словесности, но временами занимался съ ними даже латинскимъ и итальянскимъ языками. Уроки Водовозова не были сухимъ обученіемъ грамматикѣ или реторикѣ: онъ разсказывалъ цѣлыя повѣсти изъ разныхъ писателей, сообщалъ много свѣдѣній изъ миѳологіи и литературы. Ученики и ученицы горячо любили своего добраго учителя. «Когда я прихожу,—пишетъ онъ матери,—то едва увидятъ они меня, какъ бросаются всѣ ко мнѣ, берутъ подъ руки и тащатъ въ свою комнату, чтобы я непремѣнно тотчасъ разсказывалъ, и когда имъ понравится какая-нибудь повѣсть,

то провозглашаютъ меня и геніемъ, и чудомъ, и первымъ поэтомъ въ мірѣ, словомъ, самымъ необыкновеннымъ человѣкомъ. Меня это всегда очень забавляетъ, и я безъ конца говорю имъ, начиная съ Ломоносова и Шекспира до того, что̀ такое физика и химія, словомъ, говорю обо всѣхъ наукахъ, какія только есть на свѣтѣ»... «Мои ученицы и ученики,—писалъ Водовозовъ въ другомъ письмѣ,—чрезвычайно ко мнѣ предупредительны, стараются всѣми средствами услуживать и называютъ не иначе, какъ добрымъ». Дѣти повѣряли Водовозову свое горе и радости; онъ дѣлалъ для нихъ все, что̀ могъ: писалъ имъ стихи для поздравленія родителей, клеилъ фонари для елки, игралъ въ фанты, танцовалъ съ ними до упаду.

Когда Водовозовъ окончательно обжился въ Варшавѣ и пріобрѣлъ частные уроки, онъ заработывалъ иногда, вмѣстѣ съ гимназическимъ жалованьемъ, болѣе шестидесяти рублей въ мѣсяцъ (за урокъ, обыкновенно, платили тогда въ Варшавѣ всего 50 — 75 коп.). Но уроки бывали не всегда, а жалованье въ гимназіи выдавалось чрезвычайно неаккуратно, иной разъ нѣсколькими мѣсяцами позднѣе, чѣмъ слѣдуетъ [1]); поэтому, сплошь-и-рядомъ, Водовозовъ терпѣлъ крайнюю нужду, не имѣлъ денегъ, чтобы послать письмо матери, не имѣлъ дровъ, чтобы вытопить печь, вмѣсто обѣда питался однимъ кофе, не было пятиалтыннаго на извощика; а тутъ еще приходилось иногда дѣлать такія затраты, какъ изготовленіе мундира, стоившаго 45 р. (т. е. болѣе чѣмъ мѣсячное жалованье) и притомъ необходимаго всего раза два въ годъ. И несмотря на все это, Водовозовъ находилъ возможнымъ помогать матери, посылая ей то 5, то 6, то 10 рублей. Кромѣ того, нужно было копить деньги къ лѣту, чтобы повидаться съ родными. Немудрено, что Водовозовъ писалъ матери въ январѣ 1851 г., когда уже окончательно рѣшилъ покинуть чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ службу въ Варшавѣ: «Денегъ въ Петербургъ съ собою не привезу, говорю напередъ, и имущество мое будетъ болѣе умственное, состоящее изъ кипы тетрадей и другой дряни, уложенной въ кладовой моего мозга. Однако, обзаведусь платьемъ, въ которомъ всего новѣе будутъ карманы, потому что не изотрутся отъ употребленія».

---

[1]) Списки учителей, по которымъ выдавалось жалованье, посылали въ началѣ года въ Петербургъ, на утвержденіе министра.

Квартира и обстановка Водовозова была, разумѣется, болѣе чѣмъ скромная: такъ, въ мартѣ 1848 года онъ занялъ комнату, за которую платилъ 8 рублей 87 коп. въ мѣсяцъ, безъ дровъ и мебели, но съ прислугой [1]); нѣсколько позднѣе онъ нанялъ комнату на цѣлый годъ, по контракту, за 6 руб. 75 коп. въ мѣсяцъ. Современемъ онъ дошелъ до такой роскоши, что у него было даже 2 комнаты. Одно изъ писемъ къ матери вводитъ насъ въ его домашнюю обстановку: «Еслибы вы заглянули въ мой уголъ,—писалъ Водовозовъ,— то, вѣрно, порадовались бы отъ души: домъ какъ полная чаша; я уже совершенно устроился; не стыдно принять гостей, какихъ угодно. Одна комната разгорожена ширмою и служитъ мнѣ переднею; другая—кабинетъ и гостиная вмѣстѣ—и вся заставлена, чѣмъ бы вы думали? моими греческими богами-статуэтками изъ гипса: Аполлонъ, Венера и Граціи окружаютъ меня отовсюду. По душѣ я сдѣлался совершеннымъ грекомъ и хочу, чтобъ все напоминало мнѣ Грецію. Что же дѣлать? одни, которымъ Богъ далъ геній, могутъ ѣздить по Италіи, всю жизнь свою думать объ искуствѣ и создавать Геркулесовъ» (у Водовозова былъ знакомый скульпторъ Пименовъ); «другіе должны въ грязной Варшавѣ учить дѣтей азбукѣ 8 часовъ въ день, а остальные четыре украдкою гулять душою по прекрасному Олимпу Греціи и пережевывать фразы Эсхила да Софокла». Окна, комодъ и конторка были уставлены цвѣтами, за которыми онъ самъ ухаживалъ; но, какъ бы то ни было, обстановка квартиры не принадлежала къ числу роскошныхъ. Окончательно рѣшивъ переѣхать въ Петербургъ, онъ писалъ, что мебель ему придется распродать за самый безцѣнокъ: «и не знаю, получу ли отъ всего болѣе 10 рублей».

Какъ мы видѣли, прежде всего въ Варшавѣ Водовозовъ сошелся съ семействомъ С—чей, и во всѣ 4 года тамошней жизни сохранялъ съ ними самыя дружескія отношенія. Были у него и нѣкоторые другіе знакомые, всего чаще тѣ дома, гдѣ онъ давалъ уроки: вездѣ скоро чувствовали расположеніе къ этому доброму и честному человѣку; вездѣ, какъ онъ выражается, «любили и баловали его». Расположеніе дамъ, отчасти, объясняется необыкновеннымъ усердіемъ Водовозова въ танцахъ: ему случалось одному исполнять обязанности

[1]) Впрочемъ, сапоги чистилъ и зашивалъ платье онъ самъ; также самъ топилъ печку, и научиться этому ему стоило большого труда.

дюжины кавалеровъ и отплясывать до того, что потомъ приходилось ходить, «переваливаясь съ боку на бокъ».

Очень нравился Вас. И—чу варшавскій театръ, особенно комедіи и балетъ; но денежныя обстоятельства рѣдко позволяли ему доставить себѣ это удовольствіе, несмотря на то, что, по его выраженію, варшавскимъ балетомъ «можно такъ увлечься, что сами ноги ведутъ въ театръ противъ воли».

Посѣщеніе гостей и нѣкоторыя развлеченія не заставили. однако, Водовозова покинуть и серьезныя занятія. «Въ Варшавѣ,—говоритъ онъ въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, — я имѣлъ случай ознакомиться съ польскою литературою; кромѣ того перевелъ Антигону и почти всѣ трагедіи Эсхила и Софокла въ прозѣ». Въ одномъ изъ писемъ къ матери онъ замѣчаетъ: «занимаюсь *десятью разными языками*, перевожу съ греческаго, англійскаго и итальянскаго»; въ числѣ этихъ языковъ нужно, безъ сомнѣнія, считать русскій и церковно-славянскій, которыми онъ занимался научно, принявшись за составленіе русской грамматики. «Для одного очень способнаго ученика,—разсказываетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—я вздумалъ составлять курсъ грамматики. Туда вошло все, начиная отъ Аделунга и Греча до Боппа и Буслаева; тутъ говорилось о преимуществахъ человѣческаго голоса, въ сравненіи съ голосомъ животныхъ. и о значеніи юсовъ, и о мѣстоименныхъ окончаніяхъ, и о томъ, какъ части рѣчи рождаются изъ самыхъ нѣдръ мысли. При всей моей скромности я никакъ не полагаю, чтобъ эта грамматика была чѣмъ-нибудь хуже той, какая впослѣдствіи издана академіей подъ редакціей Давыдова; но она гдѣ-то затерялась, и я объ этомъ не слишкомъ жалѣю». Ранѣе этихъ грамматическихъ занятій Водовозовъ употребилъ три мѣсяца на составленіе реторики для своихъ учениц.

Изъ произведеній древняго міра нашъ молодой классикъ сначала преимущественно штудировалъ Гомера, а затѣмъ принялся за прозаическіе переводы Эсхила и Софокла. Мать Водовозова нѣсколько озабочивали эти усиленныя занятія греческими авторами, и она писала ему: «Будетъ ли толкъ въ твоихъ переводахъ или выгода; чтобъ не пропали труды даромъ, и отъ большихъ занятій не потеряй здоровья». С. А. С—чъ также, какъ мы видѣли, совѣтовалъ промѣнять занятіе Гомеромъ на мѣсто чиновника; но Водовозовъ не покидалъ любимыхъ авторовъ даже на пути между Варшавою и Петербургомъ (такъ, однажды, на дорогу съ собою онъ

взялъ Пиндара). Мало надѣясь извлечь изъ всего этого практическую пользу, онъ, въ виду гнетущей его нужды, былъ бы, разумѣется, не прочь гдѣ-нибудь напечатать свои переводы [1]); но это пока оставалось мечтою. Подводя въ одномъ письмѣ къ матери итогъ всему своему времепрепровожденію, Водовозовъ говоритъ: «Я поживаю по-прежнему. Въ праздники—танцы, въ будни — хожденіе по урокамъ или занятія на дому, рисованіе и чтеніе греческихъ сочиненій, иногда сытный обѣдъ съ шампанскимъ и венгерскимъ на какихъ-нибудь именинахъ» (иногда,—могъ бы онъ прибавить, еслибы не боялся обезпокоить мать, — голоданіе и холоданіе дома безъ обѣда и дровъ), «иногда — слушаніе сплетенъ, иногда—ссора съ учениками или дружба съ ученицами, смѣхъ или скука—все это разнообразитъ мое время» [2]).

Въ одномъ изъ писемъ къ матери Водовозовъ упоминаетъ о своихъ занятіяхъ рисованіемъ [3]). Наклонности Вас. И—ча въ этомъ отношеніи, быть можетъ, объясняются тѣмъ, что въ числѣ родныхъ и знакомыхъ его родителей были извѣстные художники Угрюмовъ и Воробьевъ, картины которыхъ уцѣлѣли у матери Водовозова и послѣ катастрофы, постигшей его отца. Этотъ художественный элементъ въ обстановкѣ Водовозова могъ подѣйствовать на воспріимчиваго мальчика, а любовь молодого человѣка къ природѣ довершила остальное. Онъ иногда занимался рисованіемъ карандашемъ и позднѣе.

Не мало времени употреблялъ Вас. И—чъ на переписку съ матерью, которой онъ былъ горячо преданъ; передъ нами большая коллекція его писемъ къ ней изъ Варшавы; старушка свято хранила ихъ, перечитывала по нѣскольку разъ

---

[1]) «Есть у меня теперь,—писалъ онъ какъ-то матери, — переводы 3 греческихъ трагедій и нѣсколькихъ сатиръ Горація. Когда бы могъ сбыть ихъ съ рукъ, хотя не дорого, былъ бы очень доволенъ».

[2]) Среди рукописей, оставшихся послѣ Водовозова, мы нашли прозаическіе переводы трагедій Эсхила: «Прометей скованный», «Персы», «Семь противъ Ѳивъ», и большую часть трагедіи Софокла «Эдипъ-царь». Рукописи переводовъ нѣкоторыхъ другихъ трагедій могли быть подарены, какъ показываетъ одно изъ писемъ къ матери, А. В. Никитенко. Что касается переводовъ нѣкоторыхъ сатиръ Горація и пѣсенъ Анакреона, то въ это время они, быть можетъ, также были сдѣланы еще прозою.

[3]) Подробнѣе онъ говоритъ объ этомъ въ письмѣ къ брату Александру: «купилъ себѣ краски, и въ свободное время все только рисую. Хочу на память снять всѣ замѣчательныя мѣста въ окрестностяхъ Варшавы. Трудно это сдѣлать, никогда не учившись рисовать, но я сдѣлалъ нѣсколько пробъ, и мнѣ довольно удалось. По крайней мѣрѣ, всѣ говорятъ, что у меня есть способность къ рисованію. Теперь всѣ альбомы знакомыхъ и незнакомыхъ мнѣ дѣвицъ наполнены издѣліями моей кисти или карандаша».

и давала для прочтенія роднымъ и знакомымъ. Писемъ этихъ было бы еще больше, еслибы и тутъ нужда не стояла поперекъ дороги: пересылка письма стоила тогда 25 коп. и лишь съ 1851 г. плата была понижена до гривенника. Разсказывая матери подробнѣйшимъ образомъ о всѣхъ своихъ дѣлахъ, Водовозовъ входилъ и во всѣ ея интересы, спрашивалъ, какіе у нея жильцы, безпристрастно обсуждалъ ея маленькія распри съ прислугой, наконецъ, какъ мы уже упоминали, безпрестанно помогалъ ей деньгами. За эту искреннюю преданность и мать платила ему горячею любовью; замедленіе въ полученіи писемъ отъ сына приводило Екатерину Ивановну просто въ отчаяніе.

Въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ Водовозовъ говоритъ, что въ варшавскій періодъ жизни его голова была «набита», по его позднѣйшему опредѣленію, идеальнымъ сумбуромъ. Для характеристики его настроенія за это время можно привести отрывки изъ его письма къ А. В. Никитенко и изъ дневника, веденнаго зимою 1849 г. «Жду среды,—читаемъ въ письмѣ къ Никитенко,—когда есть надежда получить частицу жалованья, а до тѣхъ поръ питаюсь изслѣдованіями Шлегеля о драматическомъ искуствѣ. На жизнь я, какъ и прежде, смотрю съ точки (зрѣнія) идеалистической школы и радуюсь по крайней мѣрѣ, тому, что нисколько ничѣмъ не разочарованъ. По моимъ понятіямъ, даже среди захолустныхъ и необозримыхъ болотъ жизни всегда можно найти предметъ для благородной цѣли. Стоитъ только не упадать духомъ и вѣрить желѣзной волѣ необходимости, какъ вѣрили ей греки». Менѣе бодрое настроеніе находимъ мы въ дневникѣ. Отмѣтивъ окончаніе чтенія «Леліи» Жоржъ-Занда, Водовозовъ продолжаетъ: «много думалъ и плакалъ. Какъ сходна судьба лицъ этой поэмы съ судьбою многихъ изъ насъ! Страданія, испытанныя въ «Леліи», мнѣ самому пришлось не разъ испытывать. Углубляясь въ прошедшее и озирая настоящее, я со слезами подымалъ глаза къ небу и просилъ Бога сохранить мнѣ непоколебимыми вѣру и любовь къ добру и прекрасному. «Прочтя романъ Жоржъ-Занда: «Жакъ», Водовозовъ пишетъ: «я нашелъ въ идеальномъ характерѣ Жака нечаянно свой двойникъ, и горько плакалъ. О чемъ? Я готовъ сомнѣваться во всемъ: въ собственныхъ слезахъ своихъ, въ силѣ и доблести сердца, даже въ искренности моего невѣрія... Я чувствую, что готовъ къ добру, готовъ сдѣлать великую жертву, еслибы ея отъ меня

требовала судьба, и довольствоваться однимъ воздаяніемъ своего чувства. Но отчего же вѣчно скорбитъ душа моя и падаетъ твердость рѣшимости передъ страшнымъ равнодушіемъ свѣта. Правъ ли я, уединяясь въ своемъ страданіи? правъ ли, считая страданіе свое благороднымъ? Я безсиленъ, безсиленъ какъ рабъ, прикованный къ желѣзу». При такомъ восторженномъ, романтическомъ настроеніи нельзя было разумѣется, не влюбиться: это и случилось, какъ видно изъ слѣдующихъ страницъ дневника ;хотя Водовозовъ, повидимому, и встрѣтилъ сочувствіе, но денежныя обстоятельства его были таковы, что о бракѣ нечего было и думать; быть можетъ этимъ объясняется грустный тонъ дневника. Приведемъ нѣкоторыя мѣста:

«Умчались пламенныя грезы,
Но сердце къ нимъ стремится вновь.
Мой Богъ, спаси мою любовь,
Мой Богъ, пошли мнѣ слезы!

«...Молю у тебя слезъ, Господи! вѣрую, что путь, по которому Ты ведешь меня,—путь добра и истины. Когда разразится новое горе надъ усталою головою и сила муки одолѣетъ душу, о, Боже, пусть тогда въ горячихъ слезахъ растопится окаменѣвшее отчаяніемъ сердце!.. Ты знаешь: ту любовь, которую Ты послалъ мнѣ, я сохранилъ ее чистою и непорочною, я питалъ ее въ сердцѣ, какъ пламень, возженный тобою. То былъ восторженный гимнъ, то была благодатная молитва Тебѣ, Господи... и Ты знаешь: ту любовь, данную мнѣ Тобою, я снова возвратилъ къ Твоему престолу. О, Боже! еще и еще пошли мнѣ слезы. Спаси мою вѣру, спаси мою силу! Спаси мою вѣру, Господи! Отъ холода сомнѣнья защити мою душу»...... Впрочемъ уже тогда Водовозовъ зналъ одно вѣрное лекарство отъ одолѣвавшей его хандры. Вотъ что̀ просилъ онъ свою мать передать одному общему знакомому, котораго постигло какое-то личное горе: «Пусть онъ не тоскуетъ много... Сколько бы мы ни думали, ни гадали, всегда придемъ къ одному результату, что надо трудиться, что надо жить не для себя, а для пользы общей. Трудъ — самое лучшее лекарство отъ всякой скуки, самое лучшее утѣшеніе въ несчастіи. Онъ всегда насъ чѣмъ-нибудь награждаетъ: если не деньгами, то, по крайней мѣрѣ, спокойствіемъ, увѣренностью, что и мы что-нибудь сдѣлали... Дружба, любовь, удовольствія, общество, разсѣянность—хороши только на время. Всѣ эти радости покупаются

дорогою цѣною и потомъ еще оплачиваются жидовскими процентами. Трудъ же, какъ запасный капиталъ, хранитъ свою цѣнность и тогда, когда все въ мірѣ для насъ теряетъ цѣнность... Мы все ищемъ счастія, а высочайшее счастіе... есть *способность забывать несчастія.* Лучшаго же къ этому средства нѣтъ, какъ работа, которая безпрестанно отвлекаетъ насъ отъ самихъ себя»... Какъ мы видѣли, Водовозовъ постоянно прибѣгалъ къ этому средству, и всего болѣе благодаря ему терпѣливо перенесъ всѣ злоключенія своей варшавской жизни. Не даромъ его называли «философомъ» еще въ коммерческомъ училищѣ; не даромъ это прозваніе примѣняли къ нему нѣкоторые товарищи и въ университетскіе годы. Любимый и уважаемый имъ А. В. Никитенко поддерживалъ Водовозова въ его идеалистическомъ настроеніи; вотъ что̀ писалъ онъ ему еще въ сентябрѣ 1847 г.: «Вкушайте жизнь, но не засматривайтесь на нее слишкомъ; на высотѣ мерцаютъ еще идеи безсмертныя: нужды нѣтъ, что слишкомъ высоко. Съ ними только и знаешь, что и вселенная широка, и человѣкъ великъ, несмотря на то, что выростаетъ изъ грязи и пресмыкается въ грязи. Храните вѣру въ вѣчную гармонію, въ вѣчную красоту и доблесть... такая вѣра есть сила, а съ силою не страшны ни горе, ни обольщенія».

Мечтательному настроенію нисколько не противорѣчитъ поклоненіе земной красотѣ, и Водовозовъ нерѣдко предавался ему, какъ мы знаемъ, еще въ Петербургѣ. Въ Варшавѣ онъ пережилъ, повидимому, болѣе серьезное чувство, но и послѣ того очень часто увлекался [1]).

Мы знаемъ, какъ тяготился Водовозовъ своею службою въ варшавской гимназіи; весьма естественно, что онъ рано сталъ обсуждать вопросъ о переходѣ въ Петербургъ, тѣмъ болѣе, что его мать страстно этого желала. Въ началѣ 1849

---

[1]) Въ одномъ письмѣ къ Никитенко, написанномъ въ послѣднюю зиму, проведенную въ Варшавѣ, онъ писалъ: «Занимаюсь—какъ бы вамъ сказать, чѣмъ—психологіей, новымъ изслѣдованіемъ много уже разъ описанной земли въ человѣческомъ микрокосмѣ, извѣстной подъ названіемъ женскаго сердца. Почва вообще вулканическая; пропасти и провалы на каждомъ шагу. Подлѣ снѣжныхъ горъ и ледниковъ прелестные пейзажи въ лучахъ палящаго солнца, мимолетные метеоры; разноцвѣтные туманы и бездна блестящихъ насѣкомыхъ, неуловимыхъ для самаго сильнаго микроскопа... Не думайте, однако, что я уже далъ совершенный разгулъ мыслямъ моимъ; такъ отвязываю только ихъ на время отъ тѣсной ихъ конурки: пусть немного побѣгаютъ по веревочкѣ. Будьте увѣрены: между шаловливыхъ дѣтей моей фантазіи сидитъ всегда важная madame физіологія и часто говоритъ имъ: tenez-vous droit»..

года онъ писалъ: «Страшно бросить готовый кусокъ хлѣба, чтобы снова протягивать руку, не зная откуда придетъ помощь. На себя надѣюсь я слишкомъ мало и въ каждомъ неуспѣхѣ готовъ скорѣе винить свою неловкость, чѣмъ чужой эгоизмъ, а сдѣлаться совершенно скотомъ все еще нѣтъ силы. Еслибы я могъ имѣть въ виду хоть какое-нибудь занятіе, хоть какое-нибудь мѣстечко... А лучше, думаю, еще подождать, да потерпѣть, да поработать спокойно, не тратя дорогого времени на отыскиваніе новинокъ». Но препятствіе было и въ томъ, что Водовозовъ былъ обязанъ прослужить въ Варшавѣ не менѣе трехъ лѣтъ. «Теперь мнѣ нельзя было бы иначе раздѣлаться съ гимназіей, — писалъ онъ въ другомъ письмѣ,—какъ заплативъ около тысячи; а гдѣ взять столько денегъ?» Но, отслуживъ обязательный срокъ, онъ окончательно рѣшается перейти въ Петербургъ.

Единственный человѣкъ, на содѣйствіе котораго въ прінсканіи тамъ мѣста Водовозовъ возлагалъ надежду, былъ А. В. Никитенко, который считалъ его однимъ изъ самыхъ лучшихъ своихъ учениковъ; но онъ крайне стѣснялся безпокоить его своими личными дѣлами. Онъ проситъ мать не докучать Александру Васильевичу просьбою о мѣстѣ: «я еще не заслужилъ этого, чтобы обо мнѣ хлопотали... самъ же утруждать Александра Васильевича просьбами никакимъ образомъ не рѣшусь до тѣхъ поръ, пока не увижу, что могу быть чѣмъ-нибудь полезенъ на иномъ поприщѣ». Но, задумавъ перейти во что бы то ни стало въ Петербургъ, Водовозовъ не могъ обойтись безъ содѣйствія Никитенко: «Вотъ уже третій разъ, — писалъ онъ ему весною 1851 г., — маменька въ своихъ письмахъ ко мнѣ тотчасъ послѣ родительскихъ совѣтовъ объ упованіи на Бога, ставитъ ваше имя, подобно мореходу, указующему на маякъ, котораго корабль долженъ держаться... Какъ только пріѣду въ Петербургъ, явлюсь къ вамъ, но боюсь одного... угадаете ли?—боюсь показаться вамъ подъ вывѣской человѣка *ищущаго*, который, едва явится въ дверь, ужъ, кажется, говоритъ своей прислащенной улыбкою: *я къ вамъ съ просьбою*,—человѣка скучнаго и тяжелаго, который такъ и сякъ выкручивается передъ вами, думая показать вамъ свою привязанность и никакъ не въ силахъ скрыть своей задней мысли. Волею-неволею, судьба поставляетъ меня почти въ такое положеніе въ отношеніи всѣхъ моихъ добрыхъ знакомыхъ, и потому говорю напередъ: помогите, если можете и если это не бу-

детъ стоитъ вамъ большого безпокойства... Недѣли черезъ двѣ я буду въ Петербургѣ съ кошелькомъ, полнымъ еще не совсѣмъ угаснувшихъ надеждъ, съ прежнею ревностью трудиться, терпѣть, когда нужно,—и только»... Никитенко сказалъ матери Водовозова, что онъ сдѣлаетъ все возможное, готовъ ѣхать къ товарищу министра и проч.

Въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ Водовозовъ такъ оканчиваетъ свой разсказъ о жизни въ Варшавѣ: «На меня напалъ страхъ совсѣмъ истратить свои силы въ безцѣльной дѣятельности, и я пріѣхалъ въ Петербургъ, не имѣя въ виду никакого мѣста [1]). Я былъ такъ счастливъ, что скоро былъ назначенъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ гимназіи». Это устроилось благодаря участію А. В. Никитенко, который, узнавъ о ваканціи, открывшейся въ 1-ой гимназіи, въ письмѣ къ попечителю петербургскаго учебнаго округа Мусину-Пушкину, въ такихъ выраженіяхъ рекомендовалъ Водовозова на это мѣсто: «Съ совершеннымъ безпристрастіемъ, которое считаю долгомъ совѣсти и чести въ такомъ важномъ дѣлѣ, каковъ выборъ наставника, болѣе чѣмъ гдѣ-либо, могу сказать, что г. Водовозовъ принадлежитъ къ числу достойнѣйшихъ и способнѣйшихъ людей, посвятившихъ себя образованію юношества. Если могу съ гордостью указать на такихъ изъ своихъ учениковъ, каковы гг. Вороновъ, Иваницкій, Тимоѳеевъ, Карелкинъ, которые всѣ извѣстны вашему превосходительству, то Водовозовъ не послѣднее занимаетъ между ними мѣсто. При основательномъ знаніи древней литературы, въ особенности греческой, чему доказательствомъ могутъ служить находящіеся еще въ рукописи переводы всѣхъ почти трагедій Эсхила, всѣхъ стихотвореній Анакреона, онъ обладаетъ вполнѣ знаніемъ языковъ французскаго, нѣмецкаго, англійскаго, польскаго и достаточнымъ знаніемъ итальянскаго. Русскій же языкъ составляетъ главный предметъ его ученыхъ изысканій и учебныхъ занятій. Метода преподаванія его легка, ясна и занимательна въ высшей степени. По всему этому я совершенно убѣжденъ, что онъ вполнѣ оправдаетъ милостивое вниманіе, какимъ ваше превосходительство его удостоите, и сдѣлаетъ честь университету, его образовавшему, и званію, какое благоволите на него возложить». Въ виду такой ре-

---

[1]) Водовозовъ получилъ отставку по прошенію изъ варшавской реальной гимназіи, 7-го августа 1851 года.

комендаціи, Мусинъ-Пушкинъ не только назначилъ Водовозова старшимъ преподавателемъ русскаго языка и словесности въ 1-ой гимназіи, но и позднѣе относился къ нему настолько благосклонно, сколько это было для него возможно при его крутомъ характерѣ.

И послѣ переѣзда въ Петербургъ Водовозовъ не прерывалъ своихъ связей съ Варшавой; особенно часто переписывался онъ со своими ученицами, отъ которыхъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ получалъ самыя трогательныя выраженія расположенія и сочувствія. Приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ этихъ писемъ, чтобы показать, какую любовь умѣлъ внушить къ себѣ Водовозовъ, какое сильное и благотворное вліяніе имѣлъ онъ на своихъ 14—17-лѣтнихъ ученицъ. «Можемъ ли мы забыть того, кто произвелъ на насъ неизгладимыя впечатлѣнія, съ кѣмъ провели столь пріятныя минуты, были всегда такъ дружны и откровенны, чьи бесѣды были для насъ всегда такъ милы и поучительны. Нѣтъ, будьте увѣрены, что ни разлука, ни время не могутъ измѣнить нашу привязанность къ вамъ и изгладить въ умахъ нашихъ память того, кого мы всегда будемъ любить и уважать». Та же ученица пишетъ: «чтеніе этой комедіи» (перевода «Божественной Комедіи» Данте) напомнило мнѣ то пріятное и, можетъ быть, невозвратное время, когда, бывало, вы намъ читали и объясняли первыя пѣсни della Comedia Divina и такъ хорошо и просто переводили намъ ихъ на русскій языкъ. Ахъ, Вас. Иван., на каждомъ шагу видимъ мы, какъ много потеряли съ вашимъ отъѣздомъ изъ Варшавы! Никто до сихъ поръ не замѣнилъ намъ ни вашихъ пріятныхъ и полезныхъ бесѣдъ, ни вашихъ поучительныхъ разговоровъ, занимательныхъ уроковъ, словомъ, вашего дорогого присутствія». Нерѣдко форма выраженія любви къ Водовозову невольно заставляетъ улыбнуться, но сквозь нее всегда проглядываетъ искреннее чувство. «Чѣмъ болѣе узнаю свѣтъ и этотъ испорченный XIX-й вѣкъ,—пишетъ другая 17-лѣтняя ученица,—тѣмъ болѣе убѣждаюсь, что вы выше всѣхъ; какъ горжусь я вами, какъ дорого заплатила бы я, чтобъ опять видѣть васъ, слушать васъ и такъ проводить дни и ночи».—«Вы, съ вашими возвышенными чувствами, съ вашимъ благороднымъ характеромъ,—пишетъ третья ученица,—заставляете насъ искать и думать, что и на землѣ можно найти вамъ подобныхъ идеаловъ. Идеаловъ, говорю я, да! это одно слово можетъ только выразить весь восторгъ мой

къ вамъ!.. Еслибы вы знали, сколько я дорожу, сколько горжусь вашей дружбою»... Далѣе она выражаетъ желаніе — «не потерять ни одной прекрасной мысли, улетѣвшей изъ благородной души» Вас. И—ча, «изъ этой чудной книги, которой авторъ—самъ Богъ». Одна изъ этихъ ученицъ, обращаясь къ Водовозову, какъ къ «дорогому поэту», говоритъ: «Еслибы могла нанизать ваши стихи на нитку, то сдѣлала бы изъ нихъ такое чудесное колье́, что просто всѣ женщины мнѣ бы завидовали. Но полно... я знаю — вы не любите, чтобы вамъ говорили правду, вы хотите, чтобы любовались вами тогда, когда васъ нѣтъ, но это довольно трудно: все истинно прекрасное невольно вырываетъ у насъ похвалы»... «Скажите мнѣ, кто можетъ замѣнить если не всего, то, по крайней мѣрѣ, одну частицу нашего незабвеннаго, неоцѣненнаго Василія Иван.?»—спрашиваетъ другая ученица. Третья сообщаетъ, что она повѣсила его портретъ у себя и каждый день украшаетъ его цвѣтами. Обращаясь къ нему, молоденькія ученицы называютъ его: «мой драгоцѣнный другъ», «неподражаемый другъ», «cher et mille fois cher ami», «cher philosophe», даже: «мой ангелъ». Письма подписываются съ такими эпитетами: «вашъ другъ», «ваша по гробъ», «ваша вѣрная», «ваша неизмѣнная», «ваша обожательница». Для того, чтобы вызвать такое расположеніе къ себѣ, нужно было далеко возвышаться надъ общимъ уровнемъ и своимъ преподаваніемъ, и своею нравственною личностью.

Дѣло, однако, не ограничивалось въ этой перепискѣ выраженіемъ чувствъ, шутками и милой болтовней; все это перемѣшивалось съ весьма серьезными предметами. Ученицы сообщаютъ Водовозову о своемъ чтеніи; онѣ не только читаютъ въ подлинникахъ Манцони, Гольдони, Бульвера, Альфреда Мюссе, Гете, «Исторію литературы «Вильмена», «Исторію нравственной философіи XVIII-го вѣка» Кузена, но даже пробуютъ ломать голову надъ эстетикою Гегеля. Ихъ бывшій учитель, съ своей стороны, совѣтуетъ между прочимъ, читать Одиссею и романы Жоржъ-Занда. Чтобы показать свои успѣхи въ иностранныхъ языкахъ, ученицы пишутъ иногда Водовозову по-англійски, по-польски, по-французски.

III.

Поступленіе на службу въ первую петербургскую гимназію и преподаваніе въ ней въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ.—Переводы классиковъ.—Скудость матеріальныхъ средствъ.

Первая с.-петербургская гимназія, куда въ концѣ 1851 года Водовозовъ поступилъ преподавателемъ словесности, принадлежала къ числу тѣхъ, въ которыхъ преподаваніе греческаго языка было уничтожено въ ноябрѣ того же года, и гдѣ стали преподавать естественныя науки; воспитанники же, готовящіяся, на основаніи закона 1849 г., къ поступленію на службу, а не въ университетъ, занимались вмѣсто латинскаго языка законовѣденіемъ, и кромѣ того, для нихъ были усилены уроки русскаго языка и математики [1]).

Относительно преподаванія своего въ первой гимназіи въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Водовозовъ разсказываетъ слѣдующее въ своихъ печатныхъ автобіографическихъ замѣткахъ, набросанныхъ въ 1861 г., т. е. когда, подъ вліяніемъ опыта и самостоятельнаго изученія предмета, путешествія за границу и, наконецъ, въ связи съ сильнымъ оживленіемъ литературы съ начала новаго царствованія, онъ уже окончательно отрѣшился отъ своего прежняго, преимущественно эстетическаго направленія. «Я поступилъ (въ первую гимназію) во время господства курса Зеленецкаго и усерднаго писанія отчетовъ, программъ, донесеній, отношеній и проч... Курсъ Зеленецкаго мнѣ былъ очень полезенъ, чтобы объяснять, въ чемъ состоитъ нелѣпость схоластики. Самостоятельно занимался я сначала преимущественно эстетическими разборами, проходилъ въ V классѣ и логику, и теорію слога. Увы! и нападая на схоластику, я былъ не совсѣмъ отъ нея избавленъ: я даже пытался объяснять Карамзина по силлогизмамъ, какіе онъ употребляетъ; но это рѣшительно не удалось мнѣ... Логическая система въ преподаваніи грамматики также сильно меня увлекала: мнѣ казалось, что раскрывается вся глубина русскаго языка, когда я скажу, что подлежащее—предметъ, а сказуемое—признакъ. Въ логикѣ, однако, скоро я перешелъ къ толкованію методовъ: анализа и синтеза, аналогіи и наведенія, и къ объясненію системъ

---

[1]) Для русскаго языка и словесности въ четырехъ старшихъ классахъ, гдѣ преподавалъ Водовозовъ, было назначено въ каждомъ по 3 урока въ недѣлю, а въ IV-мъ, для готовящихся на службу, еще два дополнительныхъ урока.

науки. Сюда примѣшалъ я и нѣчто изъ психологіи: ученіе о чувствахъ, о воображеніи и памяти. Историческій отдѣлъ въ преподаваніи у меня былъ очень слабъ, хотя для себя я и продолжалъ заниматься иностранною литературою. Только исторію русской литературы проходилъ я подробно, давая читать памятники, по которымъ воспитанники составляли лекціи. Въ знакомствѣ съ родами и видами сочиненій я ограничивался почти одной хрестоматіей Галахова: поэзію излагалъ я несравненно подробнѣе, чѣмъ прозу; толкованіе объ искуствахъ, о художественности занимало у меня наиболѣе мѣста. Неизвѣстно по какому внушенію вдругъ накинулся я на біографіи писателей [1]) и излагалъ подробно жизнь Данте, Тассо, Сервантеса, мало знакомя съ ихъ сочиненіями. Это все-таки было лучше, чѣмъ отвлеченныя толкованія объ изящномъ. Вскорѣ у насъ появился какой-то особенный припадокъ практичности: всѣ требовали, чтобы читать и писать, писать и читать какъ можно болѣе; но о выборѣ статей и цѣли, съ какою онѣ могли быть прочитаны, мало разсуждали. Я не отсталъ отъ другихъ, тѣмъ болѣе, что теорія все у меня хромала. Ничего не удавалось мнѣ разсказывать такъ плавно и увлекательно, какъ мои теоретическія воззрѣнія, все-таки основанныя на опытѣ, потому что они были выводомъ прожитаго и перечувствованнаго мною: я самъ иногда умилялся отъ своихъ тонкихъ замѣчаній и открытій въ области нравственнаго. Но, къ сожалѣнію, ничего такъ мало не было усвоено воспитанниками, какъ эти воззрѣнія, хотя я и популяризировалъ ихъ до того, что готовъ былъ сравнивать эпосъ, напримѣръ, съ шумнымъ, многоводнымъ теченіемъ рѣки, а драму—съ пѣнными грядами волнъ, которыя, подымаясь выше другихъ, расшибаются въ своемъ дикомъ порывѣ. Наконецъ, однажды я рѣшился къ экзамену... представить вмѣсто программы теоріи списокъ отрывковъ, которые воспитанники должны были разсказывать, съ цѣлью объяснить, по мѣрѣ силъ каждаго, нѣкоторыя общія теоретическія положенія. Къ моему удивленію, и тѣ, которые считались за самыхъ неспособныхъ, такимъ образомъ кое-что объясняли. Но я не могу хвастаться и этимъ нововведеніемъ, потому что

[1]) Напомнимъ, что въ «Наставленіи преподавателямъ русскаго языка и словесности», составленномъ въ 1852 г. коммиссіею подъ предсѣдательствомъ проф. Срезневскаго, въ которой участвовалъ и Водовозовъ, рекомендовалось сообщать «гдѣ нужно и можно», извѣстія о жизни писателей.

выборъ отрывковъ былъ ограниченъ, слишкомъ подчиненъ теоріи и нерѣдко случаенъ. Я понялъ одно, что намъ было бы гораздо полезнѣе разсуждать о томъ, какіе именно отрывки и статьи избирать для чтенія и какъ разбирать ихъ, чѣмъ о томъ, до какой степени развитія довести каждый классъ»...

Приводя эти самообличенія Водовозова, мы должны напомнить, что ихъ слѣдуетъ принимать съ извѣстными ограниченіями и лишь сравнительно съ слѣдующимъ затѣмъ періодомъ его преподаванія въ первой гимназіи. Каковы бы ни были недостатки преподаванія Водовозова, онъ былъ уже тогда однимъ изъ лучшихъ преподавателей русской словесности: онъ умѣлъ понять нелѣпость господствовавшей схоластики; его эстетическіе разборы не могли не развивать изящнаго вкуса ученика; онъ сообщалъ имъ необходимыя свѣдѣнія изъ логики, онъ подробно проходилъ исторію русской литературы по памятникамъ; не могло не сказываться въ преподаваніи Вас. И—ча и его хорошее знакомство съ иностранною литературою, и, наконецъ, онъ сталъ постепенно переходить къ чисто практическому преподаванію словесности. Когда же онъ дѣлалъ нѣкоторыя уступки господствующей рутинѣ и «пытался объяснять Карамзина по силлогизмамъ, какіе онъ употреблялъ», то это ему не удавалось,—лучшее доказательство, что и тогда его преподаваніе было проникнуто сравнительно живымъ духомъ и направленіемъ, что изъ него не могъ выйти тотъ типъ сухого педанта, учителя словесности, какіе народились съ конца шестидесятыхъ годовъ подъ вліяніемъ новыхъ условій. Въ исторической запискѣ, изданной по поводу пятидесятилѣтія первой гимназіи, мы находимъ свѣдѣнія о практической сторонѣ преподаванія Водовозова въ ту эпоху; изъ записки видно, что уже въ первую половину пятидесятыхъ годовъ въ этомъ преподаваніи весьма большую роль играли изученіе литературныхъ произведеній (а не заучиваніе какихъ-нибудь готовыхъ опредѣленій) и упражненія въ сочиненіяхъ [1]). Наконецъ, о преподавательской дѣятельности Водовозова въ это время мы имѣемъ любопытное свидѣтельство въ воспоминаніяхъ В. Г. Авсѣенко, воспитывавшагося въ первой гимназіи въ 1852—56 гг. «Въ почтенномъ персоналѣ на-

---

[1]) *Д. Н. Соловьевъ.* Пятидесятилѣтіе с.-петербургской первой гимназіи. Спб., 1880 г., стр. 284.

шихъ преподавателей, — говоритъ авторъ воспоминаній, — первое мѣсто занималъ В. И. Водовозовъ. Я пользовался его уроками только одинъ годъ (въ четвертомъ классѣ 1855—56 гг.), но могъ вполнѣ оцѣнить и его дарованіе, и его въ высшей степени достойную личность. Трудолюбивый, серьезный, искренно любящій свое дѣло, искренно убѣжденный, что на скромномъ посту учителя русской словесности ему возможно принести много несомнѣнной пользы, онъ отдавался своимъ обязанностямъ если не съ увлеченіемъ, то съ горячимъ личнымъ интересомъ, который передавался ученикамъ. Характеръ его преподаванія былъ чисто практическій: мы писали сочиненія на заданныя темы, потомъ эти сочиненія раздѣлялись между нами для грамматическаго и критическаго разбора, такъ что мы должны были находить другъ у друга ошибки, невѣрно или неудачно выбранныя мысли, и т. д. Потомъ и сочиненія, и замѣчанія на нихъ читались въ классѣ, въ присутствіи учителя, который и являлся судьею авторскихъ пререканій, судьею неизмѣнно дѣльнымъ, строгимъ и безпристрастнымъ. Въ другіе часы мы занимались церковно-славянской грамматикой, чтеніемъ классическихъ произведеній русской и иностранной (въ поэтическихъ переводахъ) литературы, сопровождавшимся бесѣдами подъ руководствомъ Василія Ивановича и т. д. Въ трехъ старшихъ классахъ устроивались, кромѣ того, литературные вечера, на которыхъ лучшіе воспитанники прочитывали въ присутствіи педагогическаго совѣта сочиненія болѣе значительнаго объема и лучше обработанныя, чѣмъ классныя упражненія. Благодаря такому характеру преподаванія, русская словесность была для насъ всѣхъ самымъ любимымъ предметомъ, и мы ждали урока Василія Ивановича какъ праздника. Почтенный преподаватель былъ, безъ сомнѣнія, душою всего учебнаго дѣла; онъ болѣе всѣхъ заставлялъ насъ понимать привлекательную сторону умственнаго труда, болѣе всѣхъ сдѣлалъ для нашего воспитанія» [1])...

«Литературныя бесѣды», о которыхъ упоминаетъ г. Авсѣенко, были учреждены попечителемъ учебнаго округа Мусинымъ-Пушкинымъ. Онѣ должны были происходить два раза въ мѣсяцъ въ продолженіе 1½ часа подъ руководствомъ старшаго учителя русской словесности, въ присут-

---

[1]) *В. Г. Авсѣенко.* «Школьные годы». «Историческій Вѣстникъ» 1881 г. № 4, стр. 713.

ствіи директора, инспектора, учителя русской грамматики и тѣхъ изъ преподавателей, къ предметамъ которыхъ относились сочиненія воспитанниковъ по своему содержанію. Ученики двухъ старшихъ классовъ (VI и VII) поочередно читали свои сочиненія, послѣ предварительнаго ихъ просмотра учителемъ русской словесности. По прочтеніи сочиненія, прочіе ученики дѣлали замѣчанія о его достоинствахъ или недостаткахъ, причемъ авторъ имѣлъ право защищаться; затѣмъ учитель объяснялъ, насколько справедливо сдѣланное замѣчаніе. По истеченіи каждаго мѣсяца, сочиненія представлялись на усмотрѣніе попечителя округа; лучшія изъ нихъ вносились въ особо заведенный для этого въ гимназіи альбомъ. Правилами, утвержденными попечителемъ въ 1853 г., предлагалось преподавателямъ рекомендовать для этихъ литературныхъ бесѣдъ темы по русской исторіи и исторіи русской литературы. Хотя въ нѣкоторыхъ изъ данныхъ тутъ указаній, относительно выбора темъ, какъ, напримѣръ, въ совѣтѣ давать въ руки воспитанниковъ акты археографической коммиссіи, мы и видимъ увлеченіе спеціалиста, составлявшаго правила, но вообще они должны были быть полезны тѣмъ, что въ нихъ требовалось изученіе самихъ литературныхъ памятниковъ, а не компилированіе фразъ разныхъ учебниковъ. Рекомендовалось также задавать темы небольшія, посильныя для учениковъ; допускались и переводы съ иностранныхъ языковъ классическихъ авторовъ, по указанію преподавателя. При Водовозовѣ литературныя бесѣды учениковъ шли въ высшей степени успѣшно и заслуживали полное одобреніе учебной администраціи, какъ видно изъ циркуляровъ попечителя 1854—55 гг.

Все вышесказанное подтверждаетъ нашу мысль, что мы должны придавать самообличеніямъ Водовозова не абсолютное, а лишь относительное значеніе, сравнительно съ тѣмъ періодомъ преподаванія имъ русской словесности, когда, кромѣ В. Я. Стоюнина, нельзя было назвать другого преподавателя этого предмета, пользующагося такою же почетною извѣстностью, какъ Водовозовъ. Съ другой стороны, одобреніе педагогической дѣятельности Водовозова попечителемъ Мусинымъ-Пушкинымъ, прославившимся своею суровостью, показываетъ, что какъ ни много было отрицательныхъ сторонъ въ его управленіи округомъ, въ то самое время, когда (въ 1854—56 гг.) ученики гимназій петербургскаго (также какъ, впрочемъ, и московскаго округовъ) обучались даже марши-

ровкѣ,—не только терпѣлись, но весьма цѣнились и поощрялись такіе преподаватели, какъ Водовозовъ, между тѣмъ какъ десять лѣтъ позднѣе, въ 1866 г., продолженіе педагогической дѣятельности Вас. И—ча въ первой гимназіи оказалось невозможнымъ. Правда, случалось, что и Водовозову Мусинъ-Пушкинъ выражалъ свое неудовольствіе: такъ, онъ раскричался, однажды, на экзаменѣ русской словесности, услышавъ отъ ученика слишкомъ одобрительные отзывы о Гоголѣ, составлявшемъ, какъ извѣстно, bête-noire для этого администратора, но въ концѣ того же экзамена онъ вполнѣ смягчился и, какъ разсказывалъ Вас. Иван. очень дружелюбно съ нимъ разстался. Литературныя бесѣды продолжались только до 1857 года, т.-е. прекратились вскорѣ послѣ отставки (въ 1856 г.) Мусина-Пушкина.

Въ часы свободные отъ уроковъ Водовозовъ и теперь продолжалъ заниматься классиками. Въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ онъ перевелъ стихами 11 стихотвореній Катулла къ Лезбіи, которыя всѣ остались ненапечатанными при его жизни. Приведемъ одно изъ этихъ стихотвореній:

Кàтуллъ бѣдный! напрасно ты вѣришь надеждѣ!
Чтò ушло отъ тебя, ужъ назадъ не мани;
Зналъ ты много утѣхъ, много радостей прежде,
Но погасли твои лучезарные дни.
Всюду слѣдовалъ ты за подругою милой,
Были мысли у васъ и желанья одни:
Можетъ, столько любимой на свѣтѣ не было,
Но погасли твои лучезарные дни.
Измѣнила она. Совладѣй же съ собою,
Не гонись, не ищи ея легкой любви,
Будь упоренъ и твердъ непреклонной душою
И печальнымъ страдальцемъ себя не зови.
Такъ прощай же, подруга! Ужъ Кàтуллъ свободенъ:
Ты не хочешь?—не ищетъ, не проситъ и онъ.
Но увидишь, коварная: будетъ холоденъ
И печаленъ тебѣ въ одиночествѣ сонъ.
Чтò тебя ожидаетъ? гдѣ голову склонишь?
Кто прельстится тобой? въ комъ найдешь ты любовь?
Сердце чье поцѣлуемъ и ласкою тронешь?
— Только, Кàтуллъ, смотри: будь и твердъ, и суровъ!

Къ этому же времени, а отчасти, быть можетъ, и къ варшавскому періоду жизни Водовозова, относятся оставшіеся ненапечатанными стихотворные переводы 43 пѣсенъ Анакреона, къ которымъ мы еще возвратимся, а также переводы въ стихахъ трехъ произведеній Сафо, четырехъ сатиръ Горація и отрывковъ изъ трагедіи Софокла: «Эдипъ-

царь» и «Антигона». Къ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, безъ сомнѣнія, относятся и нѣкоторые изъ полу-беллетристическихъ набросковъ, оставшихся ненапечатанными.

Матеріальное положеніе Водовозова, по переѣздѣ въ Петербургъ, было вовсе не блистательное: жалованья старшему учителю гимназіи полагалось всего 633 руб. въ годъ (нѣкоторымъ подспорьемъ, впрочемъ, служили награды, которыя выдавались изъ суммъ, собираемыхъ за ученье).

Несмотря, однако, на всю ограниченность своихъ средствъ, увеличиваемыхъ нѣсколько лишь частными уроками, Водовозовъ умѣлъ дѣлать сбереженія для того, чтобы лѣтомъ совершать небольшія поѣздки; такъ, въ 1853 г. онъ отправился на пароходѣ въ Гельсингфорсъ, откуда писалъ матери: «Купаюсь ежедневно въ морскихъ ваннахъ... Посѣщаю постоянно балы, гдѣ уже состою въ числѣ самыхъ отчаянныхъ танцоровъ... Шведскому языку научился я настолько, чтобъ объясняться въ лавкахъ; теперь учусь чухонскому... На балахъ обыкновенно объясняюсь съ дамами на четырехъ языкахъ: шведскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ и русскомъ, что̀ составляетъ немалое затрудненіе». При заходѣ солнца Водовозовъ ходилъ на сосѣднюю съ его квартирой скалу и усердно занимался рисованьемъ. Насколько неблестящи были въ это время его денежныя дѣла, видно изъ того, что онъ пріискалъ себѣ обѣдъ за 12 коп. Проживъ въ Гельсингфорсѣ до половины іюля и подучившись по-фински, онъ предпринялъ съ однимъ знакомымъ путешествіе внутрь Финляндіи: поѣздку на чухонской таратайкѣ въ Таммерфорсъ. Сохранился дневникъ этого путешествія съ рисунками нѣкоторыхъ зданій, телѣгъ, и т. п. Водовозовъ записывалъ все любопытное, встрѣчающееся на пути, и отмѣчалъ красоты природы. Удовольствіе путешествія нѣсколько отравлялось безденежьемъ; такъ, однажды, онъ записываетъ: «считалъ деньги: мало, и потому грустно»; въ другой разъ: «считалъ свой капиталъ: издерживать не болѣе рубля въ день».—Лѣто 1854 года Водовозовъ прожилъ подъ Москвою на Воробьевыхъ горахъ; въ слѣдующемъ году—въ рыбинскомъ уѣздѣ ярославской губерніи, въ имѣніи одной дамы, съ которой занимался русскимъ языкомъ (оттуда онъ проѣхалъ въ Нижній Новгородъ); лѣтомъ 1856 года онъ отправился въ Ригу.

Эти маленькія развлеченія слишкомъ мало скрашивали тяжелую, полную лишеній, трудовую жизнь Водовозова. Уроки

поглощали очень много времени [1]); въ печати до 1856 года онъ еще не выступалъ; средства были крайне ограничены,— все это естественно вызывало грустное сознаніе, что жизнь слишкомъ некрасна. Такое печальное настроеніе отразилось въ нѣсколькихъ страничкахъ дневника, набросанныхъ въ сентябрѣ и ноябрѣ 1855 года. 27-го сентября Водовозовъ писалъ: «Мнѣ минуло 30 лѣтъ. Пора дать себѣ во всемъ отчетъ, пора привести жизнь въ порядокъ... Или ужъ махнуть рукой, сказавши: какъ-нибудь промаячимъ до конца?.. Гдѣ же смѣлая надежда, отвага и бодрость? гдѣ же жаркая любовь къ труду и твердое сознаніе цѣли? Скучно, скучно! Довольно еще есть неизрасходованныхъ силъ, но куда ихъ направить?..» На слѣдующій день онъ набрасываетъ два стихотворенія; одно изъ нихъ оканчивается такими словами, какъ бы предсказывающими близкое начало энергической дѣятельности его автора въ печати:

«Когда жъ лелѣявшій меня
Прекрасный сонъ покинетъ очи,
Я бодро брошу грезы ночи,
Чтобъ встать для дѣлъ суровыхъ дня!»

Но дѣйствительность была пока слишкомъ неприглядна: въ это время уже серьезно хворала мать Водовозова. Въ началѣ ноября того же года онъ пишетъ въ дневникѣ: «Мои деньги — въ будущемъ, моя любовь — въ будущемъ, моя жизнь—въ будущемъ. Владѣй, голова-царица, всѣмъ, но въ рукахъ по прежнему пусто. Куда годенъ человѣкъ, который не умѣетъ ни одной своей мысли поставить на колеса и двинуть въ свѣтъ и заставить посторониться людей, чтобы дать ей дорогу? Таковъ я... а можетъ, и не таковъ... но что̀ же приковало меня къ мѣсту?» Въ началѣ 1857 года Водовозова постигъ тяжелый ударъ: скончалась горячо любимая и безконечно привязанная къ нему старушка-мать: онъ былъ ея любимцемъ, она была самоотверженно предана ему; понятно, что ея смерть должна была оставить глубокую рану въ его сердцѣ. Но стремленіе къ работѣ на пользу общества, такъ рано сказавшееся въ Водовозовѣ, спасло его отъ безплодныхъ терзаній. Онъ былъ въ это время вполнѣ подготовленъ для общественной дѣятельности не только педагогической, но и литературной; начавъ и ту, и другую

[1]) Съ начала 1853 года онъ сталъ преподавать еще въ Елизаветинскомъ институтѣ.

дѣятельность еще при жизни матери, онъ бодро работалъ на пользу общую до послѣдняго дня своей жизни.

IV.

Начало литературной дѣятельности.—Оригинальные и переводные труды во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ.—Измѣненіе взглядовъ.—Преподаваніе въ Смольномъ институтѣ въ 1860—62 гг.

Въ 1856 г. редакторомъ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» сдѣлался А. В. Никитенко; это имѣло большое значеніе для Водовозова: такимъ образомъ ему открылась возможность постояннаго участія въ изданіи, редактируемомъ его наставникомъ и другомъ. Разумѣется, и безъ того Водовозовъ, рано или поздно, непремѣнно выступилъ бы на литературное поприще, но, вслѣдствіе его крайней скромности, могло бы пройти еще нѣсколько лѣтъ прежде, чѣмъ онъ рѣшился бы отдать въ печать свои оригинальныя или переводныя произведенія, и то онъ началъ свою литературную дѣятельность довольно поздно, уже 30-ти лѣтъ отъ роду, такъ что вся первая половина его жизни, если не считать учебныхъ годовъ, была занята обученіемъ другихъ или научными занятіями, преимущественно въ одной области—изученія писателей классическаго міра и переводовъ нѣкоторыхъ изъ ихъ произведеній въ прозѣ, а въ послѣдніе годы и въ стихахъ, но только еще не для печати. Къ литературной дѣятельности должно было, конечно, вызвать Водовозова и то общественное и литературное оживленіе, которое обнаружилось съ начала новаго царствованія. Но въ самыхъ первыхъ его печатныхъ трудахъ мы еще не замѣчаемъ вліянія новыхъ вѣяній, и первый сильный толчокъ для переработки его педагогическихъ и иныхъ взглядовъ былъ данъ поѣздкою заграницу въ 1857 году.

Первымъ литературнымъ трудомъ Водовозова были «Замѣтки о современномъ образованіи въ Германіи» (въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г., №№ 5 и 7), представляющія почти исключительно обзоръ новѣйшихъ нѣмецкихъ сочиненій изъ разныхъ областей наукъ, съ краткимъ изложеніемъ ихъ содержанія. Вслѣдъ затѣмъ въ томъ же журналѣ появляются его подобныя же статьи: «Замѣтки о современномъ образованіи во Франціи» и «Замѣтки о состояніи англійской литературы въ первой половинѣ 1856 г.» (1856 г., №№ 8

и 12; 1857 г., № 2). Гораздо важнѣе его обширная и хорошо написанная статья объ «Ифигеніи» Гете («Библіотека для Чтенія», 1856 г. №№ 8 и 9), гдѣ авторъ, прежде всего остановившись на классическомъ образованіи Гете въ періодъ его жизни до знакомства съ Шиллеромъ, затѣмъ объясняетъ значеніе «Ифигеніи» въ нравственномъ развитіи Гете и, наконецъ, подробно сравниваетъ «Ифигенію» Гете съ «Ифигеніей» Еврипида [1]).

Уже давно, еще въ Варшавѣ, Водовозовъ занимался прозаическими переводами греческихъ трагиковъ; теперь онъ перевелъ «Антигону» Софокла стихами и напечаталъ свой переводъ въ «Журналѣ Мин. Нар. Просв.» (1856 г., № 9).

Эти литературные труды Водовозова были очень скоро замѣчены въ нашей печати. Вотъ что̀ сказано было въ Литературной Лѣтописи «Библіотеки для Чтенія»: «Трудъ г. Водовозова (переводъ «Антигоны»), напечатанный въ сентябрской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» и теперь находящійся передъ нами въ отдѣльной брошюрѣ, яснѣе всего говоритъ о томъ, что у насъ на Руси честный литературный трудъ не есть рѣдкость... Г. Водовозовъ недавно выступилъ на литературное поприще, выступилъ на него безъ шума, блеска и порывистыхъ проявленій таланта, но съ тѣмъ тихимъ и прочнымъ успѣхомъ, который для серьезнаго писателя всегда служитъ вѣрнымъ залогомъ долгой, трудолюбивой, въ высшей степени полезной дѣятельности... Въ статьяхъ г. Водовозова видѣнъ былъ человѣкъ съ самостоятельнымъ взглядомъ, многостороннимъ образованіемъ и святою любовью къ своему дѣлу, человѣкъ, не только получившій строгое классическое образованіе, но знающій нѣсколько живыхъ языковъ и безъ устали слѣдящій за всѣми замѣчательными явленіями въ литературахъ французской, нѣмецкой и англійской. Даже самыя легкія и, такъ сказать, фельетонныя статьи нашего автора не имѣли ничего общаго съ обычными статьями для легкаго чтенія,— въ нихъ постоянно видѣнъ былъ трудъ упорный и безостановочный, свободный отъ общихъ мѣстъ и шаткости воззрѣнія. Читатели «Библіотеки для Чтенія», безъ сомнѣнія,

---

[1]) Въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1856 г., № 11) Водовозовъ помѣстилъ еще небольшую, но любопытную замѣтку: «О преподаваніи русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназіи», о которой мы скажемъ нѣсколько словъ въ другомъ мѣстѣ.

помнятъ серьезный трудъ г. Водовозова по поводу «Ифигеніи» Гете; этотъ трудъ по справедливости обратилъ на себя вниманіе знатоковъ дѣла и всѣхъ литераторовъ, сочувствующихъ дѣлу изящнаго. Въ двухъ своихъ статьяхъ объ «Ифигеніи», статьяхъ сжатыхъ, нѣсколько отрывистыхъ и даже немного причудливыхъ по манерѣ, г. Водовозовъ показалъ столько любви къ своему дѣлу, столько широкаго знанія по части Гете и древней поэзіи, что рѣдкій изъ читателей, прочитавшій его статьи одинъ разъ, отказалъ себѣ въ удовольствіи перечесть ихъ сызнова; наконецъ, въ сказанныхъ статьяхъ было нѣсколько отрывковъ изъ «Ифигеніи», переведенныхъ простымъ русскимъ стихомъ, мастерски передававшимъ и смыслъ, и (до возможной степени) не легко схватываемую поэзію подлинника. Съ истиннымъ удовольствіемъ узнали мы тогда, что г. Водовозовъ перевелъ всю «Ифигенію» Гете и сверхъ того приготовляется издать въ свѣтъ «Антигону» Софокла. Два огромные труда были имъ предприняты втихомолку, выполнены безъ шума и трубныхъ о себѣ звуковъ, пересмотрѣны и изготовлены къ печати посреди множества другихъ серьезныхъ занятій. Тихое и честное дѣло, истинно достойное русскаго ученаго! Антигона теперь передъ нами, и мы долгомъ считаемъ хотя вкратцѣ сказать о ней наше слово... Мы должны ограничиться одной похвалою всему труду, похвалою, истинно и вполнѣ заслуженною. За исключеніемъ нѣсколькихъ отчасти темныхъ оборотовъ и небольшого числа стиховъ сухихъ и не совсѣмъ поэтическихъ, вся Софоклова «Антигона» переведена достойнымъ образомъ. Стихъ вездѣ ровенъ и простъ, языкъ чуждъ малѣйшей напыщенности, метафоры и кудреватыя выраженія, не подходящія къ духу русскаго языка, вездѣ смягчены со вкусомъ и знаніемъ дѣла. Во многихъ частностяхъ перевода священнымъ огнемъ блещетъ истинная и пламенная поэзія, сказывающаяся съ перваго раза и не нуждающаяся ни въ какихъ комментаріяхъ»... Указаніемъ на «чрезвычайно удовлетворительную передачу на русскій языкъ хоровъ трагедіи, представляющихъ весьма большія трудности для перевода», рецензентъ заключаетъ свой отзывъ о «почтенномъ, истинно полезномъ и честномъ переводѣ Антигоны» [1]).

---

[1]) «Библіотека для Чтенія» 1857 г., № 1, стр. 61—69.—Переводъ Антигоны перепечатанъ въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова» Спб. 1888 г., стр. 149—206.

Рецензентъ высказалъ также желаніе, чтобы переводчикъ составилъ объяснительный этюдъ къ «Антигонѣ»; это скоро было исполнено Водовозовымъ: въ 1857 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№№ 3 и 9) появилась его статья: «Антигона, трагедія Софокла». Тутъ мы находимъ указаніе на нѣкоторыя черты аѳинскихъ нравовъ, необходимыя для пониманія трагедіи, объясненіе происхожденія миѳа, на которомъ она основана, анализъ ея идеи и представленныхъ въ ней характеровъ, подробныя свѣдѣнія о происхожденіи греческой драмы и сценической обстановкѣ греческаго театра, наконецъ объясненіе всего внѣшняго состава драмы съ ея хорами и послѣдовательнымъ развитіемъ дѣйствія [1]). Въ этомъ же году въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (№ 5) былъ напечатанъ сдѣланный Водовозовымъ стихотворный переводъ: «Ифигенія въ Тавридѣ», Гете [2]). Однимъ изъ результатовъ его занятій классическимъ міромъ явилась также напечатанная имъ въ «Современникѣ» (1857 г., № 8) статья объ Анакреонѣ, гдѣ нѣкоторыя, впрочемъ немногія, его пѣсни были переданы стихами, большинство же—прозой. Въ заключеніе авторъ говоритъ также нѣсколько словъ о Сафо и приводитъ собственный переводъ ея знаменитаго гимна Афродитѣ, скромно оговариваясь: «Пусть благосклонный читатель не подумаетъ что мы мечтали состязаться съ подлинникомъ, представляя стихи Сафо въ поэтической формѣ; наша мысль была—только ближе сохранить ихъ истинный колоритъ». Мы воспроизводимъ здѣсь этотъ переводъ, чтобы показать, что скромность Водовозова въ данномъ случаѣ, какъ и во многихъ другихъ, была ужъ слишкомъ велика.

«Златотронная, юная, вѣчно-прекрасная,
Дочь Зевеса, плетущая ковы любви!
Я взываю къ тебѣ: пощади...
Не терзай, Афродита всевластная,
Истомленной страданьемъ груди.
Но явися и нынѣ могучей царицею...
Прежде часто, на зовъ моей грустной мольбы,

---

[1]) До какой степени скромно, несмотря на лестное отношеніе критики, смотрѣлъ переводчикъ на собственный трудъ, видно изъ слѣдующихъ его словъ въ статьѣ объ «Антигонѣ»: «Переводъ мой, если когда-нибудь удостоится особаго изданія, требуетъ еще строгаго пересмотра и передѣлки въ нѣкоторыхъ частяхъ; онъ начатъ очень давно и исполненъ во многомъ не такъ, какъ бы я желалъ его видѣть нынѣ». Впослѣдствіи, при отдѣльномъ изданіи этого перевода, Водовозовъ сдѣлалъ въ немъ значительныя поправки.

[2]) Перепечатанъ въ книгѣ «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888.

Домъ отцовскій оставивши, ты
Со златою своей колесницею
Прилетала ко мнѣ съ высоты.
Быстролетною стаей воробушки нѣжные
На трепещущихъ крыльяхъ богини любви
Къ низкимъ жилищамъ темной земли
Чрезъ пространства эѳира безбрежныя
Съ Олимпійскаго трона везли.
Отпустивъ ихъ назадъ, вопрошала, блаженная,
Ты меня, улыбаясь безсмертнымъ лицомъ:
— Что случилось?—тоскую ль о чемъ,
Или, новой бѣдой угнетенная,
Я зову тебя въ горѣ моемъ?
И чего я съ такимъ безразсуднымъ томленіемъ
Все ищу и прошу, и кого, полюбя,
Сѣтью нѣжною думала я
Уловить,—кто холоднымъ презрѣніемъ
Оскорбляетъ, о, Сафо, тебя?
Пусть теперь онъ бѣжитъ, но съ тревогою страстною
Скоро будетъ вездѣ за тобою слѣдить;
Пусть не принялъ даровъ, но дарить
Будетъ самъ онъ подругу прекрасную,—
Онъ не любитъ, но будетъ любить!
О, приди же и нынѣ, и въ тяжкомъ томленіи
Изнывающей дай мнѣ свободно вздохнуть,
И чего исполненія грудь
Жаждетъ такъ, дай тому исполненіе,—
И сама мнѣ помощницей будь!»

Въ статьѣ объ Анакреонѣ, напечатанной въ 1857 г., бо̀льшая часть его пѣсенъ переведена прозой; между тѣмъ уже ранѣе того, въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Водовозовъ, какъ мы упоминали выше, сдѣлалъ переводъ въ стихахъ 43 пѣсенъ Анакреона [1]), отличающійся замѣчательною точностью. Приведемъ стихотворный переводъ одной пѣсни:

Эротъ, однажды розу
Срывая, не замѣтилъ,
Что тамъ сидѣла пчелка,
И, въ пальчикъ уязвленный,
Онъ началъ бить рученкой
И громко плакать; съ воплемъ
Бѣжитъ, летитъ скорѣе
Къ прелестной Афродитѣ.
«Погибъ. — кричитъ онъ, — мама!
«Погибъ я... умираю!
«Крылатый змѣй-малютка
«Меня ужалилъ: пчелкой
«Зовутъ его селяне».
— Дружокъ, — сказала матерь: —

[1]) Переводы эти напечатаны въ только что въ указанномъ изданіи стихотворныхъ переводовъ В. И. Водовозова, стр. 6—29.

Пчелы-летуньи жало
Тебя тревожитъ слишкомъ:
Подумай, какъ страдаютъ,
Которыхъ самъ ты жалишь.

Водовозовъ оставилъ свои переводы Анакреона въ рукописи, вѣроятно, потому, что въ 1855 г. въ «Библіотекѣ для Чтенія» были напечатаны переводы пѣсенъ этого поэта сдѣланные Меемъ [1]).

Въ 1857 г. Водовозовъ напечаталъ статью: «Замѣтки о современной литературѣ въ Германіи» (въ «Библіотекѣ для Чтенія», т. 141—143). Здѣсь авторъ говоритъ о перепискѣ Шиллера и Гете, о Ленау, Гейне, Тикѣ, Ауэрбахѣ. Тутъ еще сильно сказываются чисто эстетическіе взгляды. Такъ вооружаясь противъ романтизма, авторъ въ то же время горячо протестуетъ противъ матеріализма Молешотта, Фогта, Бюхнера, и высказываетъ мысль, что «общество, испаряющее подобныя ученія, должно быть слишкомъ пропитано фабричными интересами». О Шиллерѣ и Гёте авторъ говоритъ: «они не романтики, а поэты-художники по преимуществу, *и въ этомъ смыслѣ чужды какъ политическихъ, такъ и соціальныхъ идей своего вѣка*». Во второй статьѣ онъ болѣе разъясняетъ свою мысль: «изъ этого вовсе не слѣдуетъ,—говоритъ онъ,—чтобы вопросы современнаго общества не входили въ поэзію... нѣтъ! но современность не должна гнуть на свой ладъ поэзію, которая, какъ свободное искуство, вѣчно и неизмѣнно въ своихъ законахъ... Если поэтъ съумѣетъ соединить вопросъ общественный съ требованіемъ искуства—и прекрасно!.. если же нѣтъ, то не жди онъ пощады отъ критиковъ искуства»... Тогдашнія эстетическія воззрѣнія не помѣшали, однако, автору понять великое художественное значеніе Гейне, оцѣнить всю прелесть его поэзіи, но вмѣстѣ съ тѣмъ заставили съузить ея значеніе и произнести по адресу Гейне нѣсколько упрековъ. «Зачѣмъ же было поэту,—спрашиваетъ авторъ,—спускаться со своей лучезарной высоты и обращать поэзію на служеніе временнымъ интересамъ?» Несмотря на то, Гейне съ этихъ поръ дѣлается любимцемъ Водовозова.

Большое значеніе въ развитіи Водовозова вообще и его педагогическихъ взглядовъ въ частности имѣла его поѣздка

---

[1]) Весьма характерно для Водовозова, что, приведя въ своей статьѣ объ Анакреонѣ прозаическіе переводы пѣсенъ этого поэта, онъ не сталъ искать неточностей въ переводѣ Мея, что̀ было бы для него весьма нетрудно, и даже и не упомянулъ о своихъ неизданныхъ переводахъ.

за границу въ 1857 г. Въ своей статьѣ: «Тезисы по русскому языку» онъ говоритъ: «Моя первая поѣздка за границу и нѣкоторое знакомство съ германскими и швейцарскими училищами, конечно, не остались безъ вліянія на мою педагогическую дѣятельность. Я видѣлъ школы въ Любекѣ, Гамбургѣ, Ганноверѣ, Геттингенѣ, Касселѣ, Франкфуртѣ-на-Майнѣ, отчасти въ Гейдельбергѣ, Мюнхенѣ, Цюрихѣ, Дрезденѣ и Берлинѣ. Но не столько впечатлѣніе, произведенное этими школами, въ которыхъ далеко не все пришлось мнѣ по душѣ, сколько впечатлѣніе самой жизни было для меня рѣшительно. Я съ жаднымъ вниманіемъ осматривалъ музеи: зоологическіе, анатомическіе, историческіе; я видѣлъ, какъ дѣти съ педагогами, работники, солдаты по цѣлымъ часамъ осматривали ихъ, практически знакомясь съ природою и жизнью. На промышленной выставкѣ въ Бернѣ встрѣчалъ я тѣ же толпы народа, толкующаго о значеніи тѣхъ или другихъ горныхъ породъ, которыхъ образцы расположены были систематически, — объ устройствѣ машинъ, которыми наполнена была цѣлая огромная зала. Меня поразили особенно участіе общества ко всякому педагогическому дѣлу и необыкновенное обиліе самыхъ средствъ образованія. Въ народныхъ школахъ какой-нибудь кусочекъ гнилого дерева, поднятый на улицѣ, обломокъ камня, обрывокъ ваты или старой матеріи, собранные дѣтьми мимоходомъ,—все служило для наглядныхъ, живыхъ объясненій. Я завидовалъ этимъ дѣтямъ, которыя среди лѣтнихъ прогулокъ шутя знакомились со всѣмъ окружающимъ ихъ міромъ, учились географіи и естественной исторіи лицомъ къ лицу съ природой» [1]).

Возвратясь изъ-заграницы, Водовозовъ опять вошелъ въ свою обычную колею: уроки въ первой гимназіи, частные уроки и литературныя занятія поглощали все его время (преподаваніе въ Елизаветинскомъ институтѣ онъ оставилъ въ 1857 г.) [2]). Теперь частные уроки были всего непріят-

[1]) Результатомъ заграничныхъ наблюденій явились корреспонденціи въ «Библіотеку для Чтенія» (1857 г., №№ 7—10), въ которыхъ авторъ разсказывалъ о посѣщеніи разныхъ училищъ, дѣтскихъ садовъ, геттингенскаго университета, маленькихъ нѣмецкихъ музеевъ, мюнхенской художественной коллекціи и проч., а также статьи: «Заграничныя письма» («Журналъ для Воспитанія», 1857 г., т. II), «Дѣтскіе сады въ Германіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1857 г., № 10) и «Приходскія училища въ Берлинѣ» (Ibid, 1858 г., № 1).

[2]) Въ началѣ второй половины пятидесятыхъ годовъ Водовозовъ чрезъ А. В. Дружинина и г. Безобразова получилъ предложеніе сдѣлаться лекторомъ русской литературы въ дерптскомъ университетѣ, но отказался отъ этого.

нѣе Водовозову. Конечно, попадалось не мало способныхъ учениковъ и ученицъ; со многими изъ ихъ родителей устанавливались самыя хорошія отношенія, но были и такія матери, которыя, ничего не понимая въ дѣлѣ преподаванія, позволяли себѣ вмѣшиваться въ занятія и, наконецъ, выводили изъ терпѣнія даже добродушнаго Вас. И—ча.

Утѣшеніемъ отъ подобныхъ непріятностей и вообще лучшимъ отдыхомъ послѣ всякихъ уроковъ были для Водовозова литературныя занятія вообще и между прочимъ продолженіе перевода классиковъ. Въ 1858 г., въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (№ 4) появился его переводъ въ стихахъ двухъ одъ Пиндара; въ началѣ слѣдующаго года въ томъ же журналѣ (№ 1)—стихотворный переводъ трагедіи Софокла: «Эдипъ въ Колонѣ» и двухъ сатиръ Горація (Ibid., томъ 102). Переводъ двухъ другихъ его сатиръ остался ненапечатаннымъ [1]). Въ томъ же журналѣ (1858 г., № 9) Водовозовъ напечаталъ статью: «О Донъ Кихотѣ Сервантеса и въ особенности о второй части его романа».

Съ 1859 г. въ Петербургѣ сталъ выходить новый журналъ «Русское Слово», издаваемый гр. Кушелевымъ-Безбородко, при участіи въ трудахъ редакціи Аполлона Григорьева. Водовозовъ очень скоро сталъ сотрудничать въ этомъ журналѣ: уже въ теченіи перваго года, кромѣ нѣсколькихъ рецензій, онъ помѣстилъ здѣсь статьи: «Существуетъ ли теорія словесности?» (№ 4, къ которой мы еще возвратимся), «Старчество съ педагогической точки зрѣнія» (№ 8) и наконецъ, нѣсколько корреспонденцій изъ-за границы, куда онъ отправился лѣтомъ 1859 года.

Мы не будемъ здѣсь останавливаться на статьѣ «Старчество», представляющей характеристику нѣсколькихъ встрѣчающихся въ обществѣ типовъ; отмѣтимъ въ ней только одно мѣсто, доказывающее, что Водовозовъ быстро отрѣшался въ это время отъ тѣхъ идеалистическихъ воззрѣній, благодаря которымъ, еще въ 1857 г., въ «Библіотекѣ для Чтенія» онъ укорялъ германское общество за то, что оно «испаряетъ» матеріалистическія ученія, въ родѣ Фогта, Молешотта и другихъ. Теперь въ статьяхъ Водовозова звучала уже иная нота. «Есть еще нравственные старцы»,—гово-

---

[1]) Теперь всѣ эти переводы перепечатаны или напечатаны впервые въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ и оригинальные стихотворенія В. И. Водовозова».

ритъ авторъ въ статьѣ «Старчество»:—«по нравственность, какъ извѣстно, у старцевъ совершенно особеннаго рода... Нравственные старцы постоянно жалуются на грубый матеріализмъ современнаго общества, на отрицательный духъ вѣка, на эгоистическое направленіе умовъ, жаждущихъ злата, и потому совѣтуютъ возвратиться къ благочестивой старинѣ, къ могиламъ предковъ. Что касается эгоизма и матеріальнаго направленія общества въ нѣкоторыхъ частныхъ его явленіяхъ, то, конечно, этому нельзя сочувствовать; но общее, цѣлое все-таки говоритъ въ пользу вѣка. Нравственные старцы не хотятъ понять, что ни въ одинъ вѣкъ не было столько доблестныхъ примѣровъ безкорыстнаго самопожертвованія для идеи; никогда наука не рѣшала столько вопросовъ, касающихся нравственнаго развитія человѣчества».

Люди, прежде хорошо знавшіе Водовозова, не могли не замѣтить перемѣны, совершавшейся въ его взглядахъ; доказательствомъ этому служитъ письмо къ Вас. И—чу одной изъ его варшавскихъ ученицъ, съ которыми онъ велъ такую трогательную переписку въ первой половинѣ пятидесятыхъ годовъ. Въ письмѣ, написанномъ въ мартѣ мѣсяцѣ 1859 г., эта бывшая ученица упрекаетъ Водовозова, будто бы онъ «посвящаетъ» себя въ «тайны современной практической науки (?) въ ущербъ другимъ наукамъ вообще и всякой теоріи въ особенности». Выражая сожалѣніе, что такъ рано покончились занятія «съ нашимъ добрымъ, просвѣщеннымъ, тогда еще идеальнымъ, а теперь уже... матеріальнымъ наставникомъ», авторъ письма продолжаетъ: «вамъ не жаль прошлаго, вы часто казните его горькою насмѣшкою, а мнѣ не разъ уже, сидя съ вами, взгрустнулось за тѣмъ Васил. Иван., который былъ лучшимъ спутникомъ, или, вѣрнѣе сказать, лучшимъ путеводителемъ нашихъ юношескихъ лѣтъ... Но неужели, Васил. Иван., и вѣра въ добро, вѣра въ возможность осуществленія идеи, осуществленія не абсолютнаго, не безусловнаго, но неполнаго и условнаго, и все лучшее достояніе нашей молодости—грезы и обманъ? Отчего же стремится къ идеалу человѣчество?.. Но я молчу, а то вы пожалуй назовете меня несчастною жертвою идеализма, который вы считаете злѣйшимъ бичомъ человѣчества, язвою, заразившею его и отравляющею всѣ нормальныя психологическія отправленія нашей души». Само собою разумѣется, что тутъ было большое недоразумѣніе: Водовозовъ и не думалъ отрицать нравственныхъ идеаловъ, а только каралъ

фальшивую сентиментальность, вредное идеальничаніе, какъ это показываетъ и вышеприведенная цитата изъ статьи «Старчество».

Мы видѣли, какую важную роль въ своемъ развитіи приписывалъ Водовозовъ своей первой поѣздкѣ за границу; лѣтомъ 1859 г. онъ предпринялъ туда новое путешествіе, а свои путевыя впечатлѣнія описывалъ въ «Русскомъ Словѣ» (№№ 8—10) и въ «Библіотекѣ для Чтенія» (№№ 8—9).

Въ 1860 г. Водовозовъ напечаталъ статью о Беранже подъ заглавіемъ: «Послѣднія пѣсни народнаго поэта (въ журналѣ для дѣвицъ, г. Кремпина, «Разсвѣтъ», № 5). Беранже былъ симпатиченъ Водовозову не только какъ поэтъ, но и какъ человѣкъ: въ характерѣ Водовозова было много той живости и веселости, которыя бьютъ ключомъ въ произведеніяхъ Беранже; это сказывалось въ тѣ, неособенно впрочемъ частыя, минуты отдохновенія, когда онъ могъ вполнѣ отвести душу въ хорошей компаніи. Вотъ, напримѣръ, какъ описываетъ самъ Водовозовъ одну изъ бывшихъ у него вечеринокъ: «Наша компанія вся здорова и дѣйствуетъ по прежнему»,—писалъ онъ Н. С. Курочкину въ концѣ пятидесятыхъ годовъ. «Какъ было не вспомнить васъ въ этомъ удаломъ кружкѣ, который не такъ давно, собравшись у меня, всполошилъ цѣлый домъ своими криками и пѣснями. Вильбоа [1]) со всею важностью артиста компонировалъ жженку... Вмѣстѣ съ кипѣніемъ синяго пламени, вдругъ взлетавшаго длиннымъ языкомъ къ потолку, сходилъ и на него пророческій глаголъ красноглаголанія. «Господа! слушать!»—говорилъ онъ, махая диктаторскимъ жезломъ, т. е. столовою ложкою, и вдругъ рождался анекдотъ о попѣ или о нѣмцѣ. С—іе были волшебно милы, какъ всегда. Александръ Ивановичъ, лежа на диванѣ, горланилъ пѣсни съ обыкновеннымъ гордымъ самосознаніемъ прапорщика. Надо было видѣть, какъ нахмуривъ брови и возвышая цѣлою октавою голосъ, гремѣлъ онъ повелительно «Марусеньку»... Словомъ, каждый дѣлалъ свое дѣло съ приличною важностью и солидностью... Михаилъ Ивановичъ, извѣстный вамъ хитрецъ и сатиръ, одинъ оставался вполнѣ трезвъ изъ всей компаніи: онъ только похаживалъ въ тѣсномъ пространствѣ моей гостиной да, искоса поглядывая съ лукавой наблюдательной улыбкой, выставлялъ то на одного, то на другого рожки своего

[1]) Извѣстный музыкантъ.

остроумія. Не помню, чтобы когда-нибудь разыгрывалъ онъ такъ хорошо солдатъ и пьяныхъ, и все желая по своему безмѣрному дружелюбію занять собравшееся у меня общество гимназическихъ товарищей. Ахъ, любезный Николай Степановичъ! всѣ мы, народъ жидкій, скользящій, чувствовали, что у насъ нѣтъ солиднаго, положительнаго предсѣдателя, который могъ бы служить въ нѣкоторомъ родѣ украшеніемъ пира. Вашъ братецъ также въ 11 часовъ возвѣстилъ звонкомъ о своемъ прибытіи, и съ нимъ вмѣстѣ тѣнь Беранже усѣлась за маленькій графинчикъ съ коньякомъ—печальный остатокъ огнепылающей влаги, поглощенной кастрюлями... Передъ вакаціями мы крикнули заздравный тостъ во имя союза»... Такимъ образомъ, у Водовозова завязывались новыя знакомства, и къ прежнимъ пріятелямъ присоединяются новые: В. С. и Н. С. Курочкины, Аполлонъ Григорьевъ, который называлъ Водовозова «мой милый лысый», М. И. и А. И. Семевскіе, Вильбоа и другіе, которые постепенно ослабляютъ прежнія связи: съ измѣненіемъ взглядовъ, при отрицаніи прежняго прекраснодушія, трудно уже было дѣлить эстетическіе восторги съ А. В. Никитенкомъ; не оказывалось полнаго взаимнаго пониманія и съ сохранившими прежнія точки зрѣнія варшавскими ученицами; хотя, конечно, симпатичная личность Водовозова не могла не возбуждать любви и уваженія со стороны всѣхъ честныхъ людей, хотя бы и съ инымъ міровоззрѣніемъ.

Увеличивалось количество знакомыхъ и пріятелей Водовозова еще и потому, что въ ихъ число вступали его многіе ученики, по прежнему горячо любившіе своего наставника. Въ концѣ пятидесятыхъ годовъ Водовозовъ писалъ М. И. Семевскому относительно акта въ первой гимназіи: «Сверхъ ожиданія глупый, несносный актъ на этотъ разъ былъ моимъ настоящимъ *гражданскимъ* праздникомъ. Наши выпускные юноши оказали мнѣ много сочувствія, и это всего для меня выше и дороже; и хотя я думалъ, что мнѣ послѣ будетъ очень плохо, но для такой минуты чѣмъ не пожертвуешь? Товарищи также чокались со мною и пили за успѣхъ идей и за общій нашъ союзъ, чего прежде никогда не бывало». Однимъ словомъ, все показывало приближеніе шестидесятыхъ годовъ.

Въ 1860 г. педагогическая дѣятельность Водовозова расширилась вслѣдствіе приглашенія его преподавать русскую словесность на Александровской половинѣ Смольнаго института.

Въ 1859 г. мѣсто инспектора классовъ обоихъ отдѣленій Смольнаго института занялъ К. Д. Ушинскій. Дѣятельность его въ этомъ учебномъ заведеніи очень вѣрно охарактеризована В. П. Острогорскимъ. «К. Д. Ушинскій,—говоритъ онъ,—внеся жизнь въ наши привилегированные институтскіе интернаты, положилъ широкое основаніе разработкѣ учебной программы... Принявъ въ свое вѣденіе огромный интернатъ, въ 700 дѣвицъ, представлявшій какой-то вопіющій анахронизмъ въ обновительный періодъ прошлаго царствованія, Ушинскій уравнялъ учебный курсъ обѣихъ, такъ называвшихся въ обществѣ, благородной и неблагородной половинъ, уничтожилъ унижающія достоинство дѣтей особыя параллельныя отдѣленія для болѣе слабыхъ ученицъ, распредѣлилъ курсъ на 7 лѣтъ, по году въ классѣ; положилъ основаніе особому педагогическому классу, гдѣ ученицы могли бы основательно ознакомиться съ педагогикой и дидактикой не только въ теоріи, но и на практикѣ; ввелъ въ младшіе классы наглядное обученіе, и родной языкъ положилъ основою всего образованія, выведя его изъ узкаго круга исключительно грамматическаго преподаванія, при которомъ дотолѣ не давалось мѣста развитію учащихся; оживилъ преподаваніе естествознанія и географіи..., а въ послѣднемъ классѣ однимъ изъ наиболѣе способствующихъ... развитію женщины предметовъ поставилъ исторію отечественной литературы. Онъ же первый у насъ въ Россіи посмотрѣлъ на математику не какъ на скучный для женщины, только терпимый предметъ, а какъ на могущественное средство ея логическаго развитія; словомъ, образованіе женщины, которое дотолѣ у насъ было только формальнымъ и поверхностнымъ, поставилъ на практикѣ своего же учебнаго заведенія серьезнымъ, государственнымъ и общественнымъ дѣломъ»...

«Такого результата Ушинскій, центръ и душа всего дѣла, могъ достичь только при дружномъ содѣйствіи цѣлаго кружка талантливыхъ преподавателей, вносившихъ въ свою дѣятельность упорный трудъ, одушевленіе и вѣру въ ея благотворность. При содѣйствіи этого же кружка только и могъ онъ цѣлыхъ три года бороться съ приверженцами старой рутины, въ которыхъ недостатка не было... Какъ и всѣ истинно геніальные и практическіе дѣятели, Ушинскій отличался умѣньемъ выбирать людей. И вотъ, уже въ 1860 г., мы видимъ около него цѣлый кружокъ свѣжихъ педагогическихъ силъ, которыхъ имена въ настоящее время пользуются об-

щею извѣстностью. Таковы: В. И. Водовозовъ, Л. Н. Модзалевскій, Д. Д. Семеновъ, М. И. Семевскій, Раевскій, О. Θ. Миллеръ, Дестунисъ, Я. П. Пугачевскій, покойный священникъ Головинъ и друг.»; приглашенъ былъ также преподавателемъ математики покойный баронъ М. О. Коссинскій. «Сдѣлавъ такой замѣчательный выборъ энергическихъ и преданныхъ дѣлу помощниковъ, Константинъ Дмитріевичъ съумѣлъ соединить ихъ всѣхъ въ одну тѣсную семью, о которой до сихъ поръ съ удовольствіемъ вспоминаютъ старѣющіе ея члены» [1]).

Реформаторская дѣятельность Ушинскаго выразилась между прочимъ въ иной постановкѣ въ институтѣ преподаванія русской словесности. При вступленіи его въ должность инспектора, этотъ предметъ на Александровской половинѣ преподавалъ по своимъ собственнымъ запискамъ Старовъ, въ высшей степени добрый человѣкъ, но плохой преподаватель. На первомъ же урокѣ Старова, на которомъ присутствовалъ Ушинскій, обнаружилось совершенное невѣжество ученицъ въ русской литературѣ и незнакомство ихъ съ нашими классическими авторами, несмотря на то, что записки любимаго ученицами преподавателя были выучены прекрасно: оказалось даже, что въ классной библіотекѣ нѣтъ экземпляровъ сочиненій Пушкина, Лермонтова, Гоголя и другихъ, и что Старовъ не требовалъ ихъ пріобрѣтенія. Письменныя работы ученицъ были также изъ рукъ вонъ плохи. Старову пришлось покинуть Смольный, и занять его мѣсто (на Александровской половинѣ) Ушинскій пригласилъ въ 1860 г. Водовозова, уже заявившаго въ печати свои знанія и способности, а въ предъидущемъ году высказавшаго въ статьѣ «Существуетъ ли теорія словесности?» новые, взгляды на преподаваніе этого предмета, которые онъ впослѣдствіи развилъ въ своей книгѣ: «Словесность въ образцахъ и разборахъ».

«Съ каждой лекціей,—разсказываетъ въ своихъ въ высшей степени любопытныхъ воспоминаніяхъ о Водовозовѣ его ученица г-жа Титова, — онъ, незамѣтно для насъ самихъ, втягивалъ насъ въ серьезную умственную работу, которая до тѣхъ поръ совсѣмъ была немыслима для институтокъ. Мы, ничего не читавшія, вдругъ начали читать чрезвычайно много, а нѣкоторыя изъ насъ и съ пожирающею

[1]) *В. П. Острогорскій* и *Д. Д. Семеновъ*. «Русскіе педагогическіе дѣятели». М. 1886.

страстью. Необходимость не только прочесть, но и проштудировать каждое произведеніе и послѣ толковаго объясненія учителя изложить его письменно, развивала въ насъ мало-по-малу способность внимательно слушать и излагать прочитанное, быстро расширяла нашъ умственный кругозоръ. Мы излагали письменно всѣ прочитанныя произведенія авторовъ, пополняя ихъ объясненіями учителя; мало-по-малу и наши собственные взгляды все болѣе вырабатывались подъ руководствомъ опытнаго педагога. Эти письменныя работы у нѣкоторыхъ едва умѣщались на 8—9 листахъ. Но, какъ бы объемисты они ни были, Василій Ивановичъ не затруднялся этимъ, тщательно выправлялъ наши работы, и ему еще часто приходилось дѣлать на поляхъ множество поясненій.

«В. И. всегда оставался болтать съ нами не только между уроками, но, весною и осенью, онъ нерѣдко приходилъ въ нашъ садъ, и мы въ свободное отъ занятій время гуляли вмѣстѣ съ нимъ. Эти бесѣды принесли намъ, тогда еще мало развитымъ дѣвушкамъ, совершенно изолированнымъ отъ міра, людей и хорошихъ книгъ, весьма существенную пользу. Только изъ этихъ бесѣдъ узнали мы, какіе существуютъ у насъ лучшіе журналы, впервые отъ В. И. услышали мы имена Добролюбова, Некрасова, Островскаго, Тургенева и другихъ замѣчательныхъ современныхъ писателей и дѣятелей, такъ какъ наша программа не вмѣщала изученія современной литературы. Отъ В. И. узнали мы также о существованіи воскресныхъ школъ для народа. Былъ ли онъ въ театрѣ, онъ сообщалъ о впечатлѣніи, вынесенномъ имъ изъ представленія, и тутъ же кстати знакомилъ насъ съ цѣлями, которыя преслѣдовали драматическій писатель и современный актеръ. Эти бесѣды не носили и тѣни характера лекцій; онѣ быстро пробуждали въ нашемъ умѣ самый живой интересъ къ неизвѣстному намъ до сихъ поръ міру. Мы, нисколько не стѣсняясь, высказывали свои мнѣнія и, часто перебивая другъ друга, осыпали его вопросами... Если онъ замѣчалъ, что кого-нибудь изъ насъ особенно интересуетъ что-либо вычитанное нами въ новомъ журналѣ, выписываемомъ для насъ («Разсвѣтъ» Кремпина), онъ называлъ намъ другія популярныя сочиненія и нерѣдко самъ доставлялъ ихъ намъ... Однако скоро всѣ эти бесѣды были прекращены... Теперь намъ это было особенно тяжело уже потому, что нашему развитію данъ былъ серьезный толчокъ; мы продолжали усердно читать все, что только могли достать изъ рекомен-

дованнаго намъ, но, кромѣ книги, требовалось живое слово, опытный руководитель, который хотя бы иногда разрѣшалъ наши недоразумѣнія и сомнѣнія. Къ тому же передъ каждой изъ насъ все болѣе назрѣвалъ самый жгучій, трудный, самый сложный изъ всѣхъ вопросовъ: что̀ намъ дѣлать съ собою послѣ окончанія курса? — За эти полтора года, проведенные нами въ институтѣ, послѣ реформы Ушинскаго, мечты и стремленія институтокъ совершенно измѣнились. Никто изъ насъ не мечталъ болѣе о балахъ, о выѣздахъ, объ эффектѣ, произведенномъ роскошью туалета и легкостью танца, — теперь всѣ хотѣли работать, всѣ мечтали о серьезныхъ занятіяхъ, даже дѣвушки, совершенно обезпеченныя въ матеріальномъ отношеніи. Съ кѣмъ же намъ было посовѣтоваться, какъ не съ В. И., ближе другихъ ставшимъ къ намъ, и съ которымъ мы могли говорить, не стѣсняясь, даже о своемъ семейномъ и матеріальномъ положеніи?» [1])...

Одна изъ наиболѣе способныхъ ученицъ Водовозова вручила ему, конечно неоффиціально, что-то въ родѣ стиховъ, посвященныхъ классу, съ припискою, въ которой просила его, никому не показывая, поправить; «это наши мысли, наши чувства», — сказано было тутъ между прочимъ. Этимъ наброскомъ было навѣяно стихотвореніе Водовозова, которое мы нашли въ альбомѣ одной изъ воспитанницъ того же класса, съ надписью: «Посвящено преподавателемъ русской словесности В. И. Водовозовымъ литературному кружку 1-го класса».

Засвѣтитъ днями золотыми
И въ нашу бѣдную среду;
Насъ вѣрно не сочтутъ пустыми
И неспособными къ труду.
Хоть чувства подавлять и станутъ,
Пускай способности души
Не охладѣютъ, не завянутъ,
Въ какой бы ни было глуши.
Отъ пустословія людского
Намъ не уйти; но нашъ языкъ
Пусть держитъ честной правды слово
Родною рѣчью напрямикъ.
Итакъ, счастливо въ путь-дорогу,
Насъ міръ зоветъ, насъ дѣло ждетъ»...

Въ другомъ стихотворномъ посланіи Водовозова, найденномъ нами также въ институтскомъ альбомѣ, онъ приводитъ

[1]) *Н. Титова.* «К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ. Изъ воспоминаній институтки» («Русская Старина». 1887 г., № 2, стр. 485—491).

слова, которыя очень часто могутъ услышать дѣвушки, только-что начинающія жить:

«Съ прямымъ умомъ, къ борьбѣ готовымъ,
Да съ сердцемъ пламеннымъ—бѣда:
Улыбкой каждой, каждымъ словомъ
Себѣ надѣлаешь вреда».

Водовозовъ убѣждаетъ своихъ учениць не слѣдовать такимъ совѣтамъ:

«Спаси васъ Богъ отъ жалкой доли
Благоразумныхъ этихъ лицъ:
Безъ мыслей жившихъ и безъ воли
И сердцемъ выцвѣтшихъ дѣвицъ,
Шнурованныхъ и томныхъ съ виду,
Что, умъ свой желчью отравивъ,
Готовы мстить, какъ за обиду,
За каждый честный вашъ порывъ.
Старухъ, поющихъ отъ бездѣлья
Все ту же пѣснь на старый ладъ,
И модныхъ дамъ, избравшихъ цѣлью—
Приличье, сплетни да нарядъ.
. . . .
Нѣтъ! съ сердцемъ смѣлымъ и свободнымъ
Не бойтесь ничьего суда»...

Бесѣдами съ институтками навѣяно было и слѣдующее ненапечатанное стихотвореніе Водовозова:

«Среди казеннаго шпіонства
И ханжества, и всякой тли,
Отъ рабства и низкопоклонства
Мы душу честно сберегли»...и т. д.

Дѣятельность Ушинскаго въ Смольномъ продолжалась недолго: «Шедшій всегда прямо,—говоритъ г. Острогорскій,—нервный и болѣзненно-раздражительный, онъ не обладалъ способностью ладить съ людьми, поддѣлываться къ нимъ во̀ время, обходить дрянныя самолюбьица, которыя нерѣдко оскорблялъ рѣзкою прямотою, — и, естественно, вооружилъ противъ себя очень многихъ. И вотъ, въ концѣ концовъ, онъ былъ вынужденъ въ началѣ 1862 г. не только оставить инспекторство, но даже нѣсколько сутокъ, почти не вставая съ мѣста, писать свое оправданіе въ цѣломъ рядѣ самыхъ тяжкихъ обвиненій... обвиненій, въ которыхъ онъ менѣе всего былъ повиненъ, и которыя взвела на него гнусная клевета, доносъ, лучшее орудіе въ рукахъ всѣхъ во истину неблагонамѣренныхъ людей»...

Съ выходомъ Ушинскаго рѣшило покинуть Смольный и большинство лучшихъ преподавателей. 20-го марта 1862 г.

Водовозовъ писалъ своей невѣстѣ, бывшей его ученицѣ, только что оставившей этотъ институтъ: «Въ нашемъ институтѣ поднялась цѣлая гидра сплетенъ. Ушинскій выходитъ въ отставку, вслѣдствіе доноса Гречулевича» (священникъ); «я тутъ тоже замѣшанъ... Оставить институтъ мнѣ небольшая потеря: 40 руб. въ мѣсяцъ я могу выработать въ два вечера. Жаль только оставить дѣвочекъ... Послѣ моей исторіи [1]) ужъ врядъ ли кто изъ порядочныхъ людей рѣшится поступить въ институтъ! Онѣ меня слезно умоляютъ остаться еще хоть на годъ, да врядъ ли это исполнится»... На слѣдующій день Водовозовъ писалъ тому же лицу: «Со Смольнымъ вообще намъ всѣмъ: и Михаилу Ивановичу (Семевскому), и мнѣ... придется распрощаться. Тамъ совершенное землетрясеніе: все повернулось вверхъ дномъ... Я былъ сегодня у Ушинскаго. Онъ истинно страдаетъ, что все дѣло разстроилось. Можно себѣ представить, кто послѣ насъ пойдетъ преподавать въ Смольномъ... Но намъ, Лиза, теперь предстоитъ серьезная обязанность поддержать то доброе направленіе, котораго мы желали. Твои подруги и друзья остались еще въ Смольномъ и вѣрно будутъ дѣйствовать. Въ нынѣшнемъ 1-мъ классѣ есть много хорошихъ головъ. Второй классъ съ какимъ-то безнадежнымъ вниманіемъ слушаетъ мои лекціи, и милыя дѣвочки шепчутъ: «Что же это,—Ушинскій выходитъ, и вы уйдете, что̀ это будетъ?» Право, такъ ихъ жалко. Вѣдь это нравственная смерть попасть подъ начало Налетова» (учитель всеобщей исторіи) «и Гречулевича»...

Одна изъ ученицъ Водовозова писала ему въ апрѣлѣ 1862 г.: «Послушайте, Василій Ивановичъ, неужели вы оставите Смольный? неужели? неужели вашъ внутренній голосъ ничего не говоритъ противъ этого? Не можетъ быть! Мы миримся съ отъѣздомъ Константина Дмитріевича (Ушинскаго) потому, что онъ ужасно боленъ, и мы готовы пожертвовать всѣмъ, чтобы только возвратить ему его здоровье; но если за нимъ оставятъ Смольный и всѣ *наши* учителя, то на что̀ же это будетъ похоже? Тогда Смольный будетъ хуже Гоголевскаго «пекла». Тогда тамъ окончательно все замретъ и будетъ долго мертво, потому что не скоро, да едва ли и когда-нибудь явится другой Константинъ Дмитріевичъ, а безъ него никто изъ порядочныхъ учителей не пойдетъ, послѣ

[1]) Она была вызвана сочиненіемъ одной воспитанницы: см. воспоминанія г-жи Титовой въ «Русской Старинѣ», 1887 г., № 2, стр. 492—494.

того, какъ вы всѣ насъ оставите... Василій Ивановичъ, оставайтесь, пожалуйста... я не за себя прошу, потому что я не долго тамъ остаюсь... Я прошу за теперешнихъ и за будущихъ воспитанницъ: вѣдь это совершенно несправедливо, что онѣ будутъ лишены того, чѣмъ мы, по правдѣ сказать, наслаждались»... Но просьбы эти не подѣйствовали, и Водовозовъ нашелъ необходимымъ выйдти въ отставку [1]).

V.

Взгляды Водовозова на преподаваніе русской словесности, древнихъ языковъ въ гимназіи и на весь составъ гимназическаго курса.—Сводъ мнѣній, вызванныхъ проектомъ устава среднихъ училищъ о классическомъ и реальномъ образованіи.—Рефератъ по тому же вопросу въ Педагогическомъ Собраніи въ 1865 году.

Если Водовозовъ былъ превосходнымъ наставникомъ, если ученики такъ любили его уроки, то это объясняется не только его замѣчательными педагогическими способностями, не только тою симпатіею, которую возбуждала во всѣхъ его личность, но и тѣмъ, что онъ постоянно упорно работалъ надъ своимъ предметомъ, настоятельно выяснялъ себѣ и методъ преподаванія, и содержаніе курса словесности въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уже одна изъ самыхъ первыхъ его статей была посвящена вопросу «О преподаваніи русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.», 1856 г. № 11). Здѣсь авторъ прежде всего протестуетъ противъ того преобладающаго вниманія, которое удѣляли теоріи слога и историческому изученію языка; дѣйствительно, въ этомъ отношеніи оказывалось вреднымъ для установленія нормальнаго курса словесности въ гимназіяхъ одностороннее вліяніе такого спеціалиста-филолога, какъ профессоръ Срезневскій, настаивавшаго на необходимости высшаго курса грамматики въ старшихъ классахъ гимназіи. Авторъ статьи считалъ необходимымъ напомнить, что «изученіе языка, конечно, развиваетъ... способность анализа въ умѣ учащихся,

---

[1]) Результатомъ наблюденій Водовозова въ Смольномъ была его статья: «Секретныя воспоминанія институтки» («Отеч. Зап.», 1863 г., т. 147, 149, 150). Въ статьѣ его же «Учительскіе совѣты и съѣзды» («Отеч. Зап.» 1863 г., т. 146, № 1), между прочимъ, описано педагогическое собраніе въ Смольномъ (уже послѣ Ушинскаго).

но самый языкъ служитъ только орудіемъ высшей нравственной силы въ человѣкѣ... Мало показать только красоты языка, взятаго отдѣльно,—надо съ ними усвоить и идеи, ихъ создавшія»... Обсуждая вопросъ объ упражненіи учениковъ гимназій въ сочиненіяхъ, Водовозовъ смѣется надъ правилами старой схоластики, не подозрѣвая, конечно, что старые, еще до-ломоносовскіе вопросы: «что есть, чесо ради есть, когда есть, гдѣ есть, како есть»—вновь возродятся лѣтъ двадцать позднѣе послѣ напечатанія его статьи и обратятъ въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ этотъ наиболѣе образовательный предметъ гимназическаго курса въ орудіе отупленія. Нужно «прежде всего внушить воспитаннику,—утверждаетъ авторъ статьи,—что всякое красноглаголаніе останется втунѣ, если не показана сущность предмета», а искуственно составлять сочиненія по схоластическимъ «источникамъ изобрѣтенія»—«не значитъ ли то же, что, напримѣръ, изображать прелести дружбы для примѣровъ на грамматическія правила?.. Не думаю, чтобы упражненіе въ однѣхъ формахъ могло имѣть существенную пользу... Форма является истинно-совершенною тамъ, гдѣ на ней отпечатлѣнъ характеръ мысли... Словомъ, форма и красна своимъ содержаніемъ». Въ 6-мъ классѣ гимназическою программою требовалось «въ краткомъ историческомъ очеркѣ познакомить съ великими дѣятелями иностранной литературы»; и тутъ авторъ статьи настаиваетъ на томъ, чтобы «имена Платона, Софокла, Шекспира, Сервантеса и проч.» не остались «въ умѣ воспитанника только именами», другими словами, онъ требуетъ не заучиванья кратенькихъ свѣдѣній о всѣхъ этихъ писателяхъ по учебнику, а знакомства съ наиболѣе выдающимися произведеніями иностранной литературы, хотя бы и не въ большомъ числѣ, но за то основательно.

Въ небольшой, занимающей всего 10 страничекъ, замѣткѣ нельзя было, разумѣется, разсмотрѣть затронутый вопросъ во всей его обширности, и позднѣе Водовозовъ вновь возвращается къ нему въ статьѣ: «Существуетъ ли теорія словесности, и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе» («Русское Слово» 1859 г., № 4). Словесность, по мнѣнію автора, должна быть «реальною наукой, а для этого мы должны идти медленнымъ, но твердымъ путемъ изслѣдованія и сравненія, чтобы вновь не впасть въ старую схоластику, произвольно создающую правила, годныя только для исключеній... Философскія начала логики и эстетики, конечно, зай-

мутъ важное мѣсто въ теоріи словесности, но они сами должны имѣть твердую историческую основу... Аналитическій методъ, который находимъ мы необходимымъ при построеніи всякой теоріи, въ отношеніи къ словесности можетъ назваться историческимъ методомъ... Нѣтъ сомнѣнія, что виды литературныхъ произведеній могутъ быть объяснены только исторически: иначе лучше не употреблять голыхъ названій, дающихъ одно сбивчивое понятіе... Для пользы учащихся не столько необходимо систематическое изученіе всѣхъ фактовъ литературы, сколько непосредственное съ ними знакомство при чтеніи и разборѣ содержанія... лучше пройти немного, да съ тѣми подробностями, которыя оставляютъ въ душѣ живое, вѣчное знаніе... При нашей всеобщей болѣзненной страсти заучивать на память и лѣности мыслить, я полагаю въ настоящее время рѣшительно необходимымъ не давать по теоріи никакихъ руководствъ или записокъ, а заставлять самихъ воспитанниковъ при разборѣ выискивать правила... Мы должны, наконецъ, понять, что для учащагося главная польза не въ опредѣленіяхъ, а въ усвоеніи того, что̀ подъ опредѣленіями заключается»...

Общіе взгляды, здѣсь высказанные, Водовозовъ подробнѣе развиваетъ въ статьѣ: «Тезисы по русскому языку» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г., т. 109) и, имѣя въ виду восьмиклассную гимназію, предполагаемую тогда новымъ проектомъ устава гимназій 1860 г., авторъ даетъ подробныя указанія относительно преподаванія русскаго языка, словесности и исторіи литературы.

Не довольствуясь теоретическимъ обсужденіемъ плана преподаванія русской словесности въ гимназіи, Водовозовъ сталъ мало-по-малу брать тэмы для своихъ статей изъ исторіи литературы, имѣя въ виду выработать лучшій курсъ этого предмета [1]).

Водовозовъ высказывался въ печати не только относительно преподаванія своего спеціальнаго предмета, но и во-

---

[1]) Результатомъ самостоятельныхъ занятій литературою явились его статьи: «Женскіе типы въ греческой поэзіи. Статья 1-ая: Навзикая и Пенелопа» («Разсвѣтъ» 1861 г., № 4); «Нибелунги» (Разсвѣтъ» 1861 г., № 1), «Кольцовъ, какъ народный поэтъ. Матеріалъ для лекціи въ высшемъ курсѣ» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г., №№ 10—11); «Народное и общественное значеніе Крылова» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г., №№ 4—7); «О педагогическомъ значеніи басенъ Крылова» (Ibid. № 12). Статьи о Кольцовѣ и Крыловѣ отчасти вошли впослѣдствіи въ книгу Водовозова: «Новая русская литература».

обще о всемъ составѣ гимназическаго курса и, въ частности, о роли древнихъ языковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Почти съ самаго начала новаго царствованія ученый комитетъ министерства народнаго просвѣщенія усердно занялся обсужденіемъ учебнаго плана гимназій и, наконецъ, въ февралѣ 1860 г., при министрѣ Е. П. Ковалевскомъ, былъ изготовленъ «Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ, состоящихъ въ вѣдомствѣ министерства народнаго просвѣщенія», препровожденный затѣмъ ко всѣмъ попечителямъ округовъ для обсужденія его въ педагогическихъ совѣтахъ гимназій и обнародованный во всеобщее свѣдѣніе. По этому проекту предполагалось учредить восьмиклассныя гимназіи двоякаго рода: 1) такъ-называемыя гимназіи съ нормальнымъ курсомъ,—съ латинскимъ и греческимъ языкомъ, и 2) такія, гдѣ былъ бы лишь одинъ латинскій языкъ, но за то математика и естественныя науки проходились бы въ большемъ объемѣ. Публикуя проектъ устава среднихъ учебныхъ заведеній, министерство желало выслушать всевозможныя на него замѣчанія. Водовозовъ отозвался на этотъ запросъ замѣчательною статьею: «Древніе языки въ гимназіи» («Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г., № 8). Содержаніе этой статьи шире ея заглавія, такъ какъ въ ней вопросъ о значеніи древнихъ языковъ въ гимназіяхъ приводится въ связь со всѣмъ составомъ преподаванія въ средне-учебныхъ заведеніяхъ. Мнѣніе Водовозова, въ данномъ случаѣ, имѣло особенное значеніе, какъ голосъ одного изъ лучшихъ гимназическихъ преподавателей, знакомаго не только по книгамъ, но и по собственнымъ наблюденіямъ съ германскими учебными заведеніями и при томъ не только превосходно знающаго классическіе языки, но и не мало поработавшаго для дѣйствительнаго, а не формальнаго ознакомленія общества съ древнимъ міромъ. Какъ важность вопроса, такъ и интересъ этой статьи заставляютъ насъ на ней остановиться, тѣмъ болѣе, что сказанное здѣсь 25 лѣтъ тому назадъ нисколько не устарѣло, но имѣетъ еще болѣе живой интересъ въ настоящее время, такъ какъ уровень гимназическаго преподаванія и степень его соотвѣтствія жизненнымъ потребностямъ несомнѣнно понизились за послѣднюю четверть вѣка.

Авторъ не имѣлъ въ виду ни излагать всю исторію спора между гуманистами и реалистами, ни разсматривать этотъ предметъ съ отвлеченно-философской точки зрѣнія. Онъ же-

лалъ поговорить о немъ, «какъ о вопросѣ, имѣющемъ отношеніе къ жизни, и въ особенности къ нашей жизни».

«Сами приверженцы классическихъ языковъ,—говоритъ авторъ,—сознаются, что древнія филологическія знанія нынѣ мало имѣютъ у насъ успѣха; но причину этого приписываютъ недостаткамъ преподаванія: устарѣлыя руководства, отсутствіе системы, педантскій обычай набивать голову сухими терминами и разными тонкостями филологіи, безсмысленное заучиванье формъ—все это съ раннихъ лѣтъ внушало отвращеніе къ древнимъ языкамъ. Что касается лично меня, — продолжаетъ Водовозовъ,—я признаю огромную пользу, какую можетъ принести изученіе древняго міра; но все-таки веду свою рѣчь противъ обязательнаго изученія древнихъ языковъ въ гимназіи... Нельзя сказать, чтобы наше общество въ свое время было болѣе равнодушно къ классическимъ знаніямъ, чѣмъ къ какимъ-нибудь другимъ, а что оно дошло, въ нѣкоторой мѣрѣ, до этого равнодушія, такъ тому причиною не одно плохое преподаваніе древнихъ языковъ».

Далѣе авторъ указываетъ на необходимость изученія естествовѣденія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ и на то, что преподаваніе географіи и исторіи должно быть расширено и поставлено болѣе соотвѣтственно новымъ научнымъ требованіямъ.

«Въ примѣненіи къ нашей жизни, — говоритъ Водовозовъ, — особенно неудобно «обязательное изученіе древнихъ языковъ», и напоминаетъ, что намъ приходится изучать болѣе предметовъ, «чѣмъ сколько проходятъ ихъ въ самой ученой нѣмецкой гимназіи... Ни въ одной изъ гимназій на Западѣ не преподается русскій языкъ, а намъ нужно учиться и нѣмецкому, и французскому... Но, имѣя въ виду гуманное образованіе, полезно бы учиться и англійскому языку. Англійская литература дѣйствительно представляетъ богатѣйшій матеріалъ для всесторонняго образованія юношества. Если невозможно въ гимназіи достигнуть того, чтобы разбирать лучшіе образцы ея, какъ, напримѣръ, Шекспира (намъ кажется, что при хорошемъ преподаваніи это очень возможно), то необходимо назначить особыя лекціи для нѣкотораго знакомства съ нею, равно какъ и съ другими литературами. Вѣдь, изучая древніе языки, имѣютъ въ виду не одинъ языкъ, а также изученіе поэтическихъ образовъ въ Гомерѣ и Софоклѣ, краснорѣчія и стройности мысли у Цицерона и Виргилія. Но тѣмъ путемъ, который у насъ принятъ, д

этого знанія доходятъ очень мало, или, лучше сказать, совсѣмъ не доходятъ. *Латинская грамматика именно болѣе всего и мѣшаетъ намъ познакомиться съ древнимъ міромъ*...

«Кромѣ историческаго занятія общей литературою, русскій языкъ и русская литература составляютъ также одинъ изъ первыхъ предметовъ преподаванія. При обширныхъ изслѣдованіяхъ, которыя въ послѣднее время предприняты, особенно по нашей народной литературѣ, курсъ его долженъ также во многомъ расшириться...

«Итакъ, съ одной стороны, естествознаніе, всеобщая и русская исторія, географія; съ другой — языки: нѣмецкій и и французскій, а по возможности и англійскій, рядомъ съ курсомъ общей литературы и съ изученіемъ родного языка и родной словесности все болѣе становятся предметами, настоятельно требующими, именно вслѣдствіе своего гуманнаго значенія, возможно бо̀льшаго расширенія въ гимназическомъ курсѣ. Много ли времени остается для знакомства съ древними языками? Обыкновенно утверждаютъ, что эти языки, по полнотѣ своихъ формъ, по строгой логической конструкціи, по самому несходству съ новѣйшими языками, чрезвычайно полезны для упражненія умственныхъ способностей учащихся. Мы этого и не отвергаемъ. Слѣдовательно, главною цѣлью гимназическаго обученія будетъ развитіе филологическихъ способностей, потому что пріучить вообще къ анализу, къ внимательному вниканію въ предметъ несравненно легче съ помощью чисто реальныхъ знаній. Но всякій ли имѣетъ филологическія наклонности и можно ли упражнять ихъ черезъ занятіе мертвыми языками почти съ дѣтскаго возраста? Можно ли смотрѣть на науку, какъ на что-то отдѣльное отъ жизни, когда вся современная наука и обязана своими успѣхами сближенію съ природою? При томъ и для развитія филологическихъ способностей въ той мѣрѣ, въ какой оно можетъ быть допущено въ средне-учебномъ заведеніи, развѣ недостаточно двухъ языковъ иностранныхъ, изъ которыхъ нѣмецкій не уступитъ по искуственности конструкціи латинскому? Ужъ естественнѣе было бы допустить сравнительное изученіе русскаго языка съ древне-русскимъ, стариннымъ церковнымъ и славянскими нарѣчіями» [1]).

---

[1]) Такъ какъ, по проекту 1860 г., гимназіи обоихъ разрядовъ, т.-е. какъ съ однимъ, такъ и съ двумя древними языками, давали право на поступленіе въ университетъ, а авторъ статьи настаивалъ, чтобы въ большинствѣ гимназій совсѣмъ не было древнихъ языковъ, то въ концѣ своего разсужденія онъ ого-

Мы сочли необходимымъ привести нѣкоторыя выписки изъ этой статьи, потому что, по нашему мнѣнію, она принадлежитъ къ числу самыхъ лучшихъ разсужденій о планѣ гимназическаго преподаванія, какія только были въ нашей литературѣ. Авторъ далъ въ ней хорошій отпоръ защитникамъ строго-классическаго образованія, стоявшимъ за studia humaniora въ старомъ смыслѣ этого выраженія. Прекрасно знакомый съ классическими языками и литературами, Водовозовъ былъ и самъ гуманистомъ, но только въ новомъ значеніи этого слова: что̀ Водовозовъ называлъ «гуманными знаніями», хорошо объяснено имъ въ статьѣ, о которой мы только что говорили, и это пониманіе не было взято имъ отъ кого-либо на вѣру, а явилось результатомъ и самостоятельныхъ занятій исторіею и литературою, и чтеній по другимъ наукамъ, и педагогической практики, и наблюденій, сдѣланныхъ во время путешествій за границею.

Въ іюнѣ 1861 г. Е. П. Ковалевскій оставилъ постъ министра народнаго просвѣщенія, но преемникъ его, адмиралъ гр. Путятинъ, уже чрезъ полгода, былъ замѣненъ А. В. Головнинымъ, почти пятилѣтнее управленіе котораго оставило по себѣ самыя свѣтлыя воспоминанія: при немъ былъ открытъ одесскій университетъ; при немъ былъ изданъ новый университетскій уставъ, предоставившій право самоуправленія университетской корпораціи; весьма много молодыхъ людей было отправлено за границу для приготовленія къ профессорскому званію. Онъ допустилъ публичное обсужденіе дѣятельности министерства въ самыхъ широкихъ размѣрахъ: не только извлеченія изъ протоколовъ засѣданій ученаго комитета, но и періодическіе отчеты попечителей округовъ и ревизоровъ учебныхъ заведеній стали появляться на страницахъ министерскаго журнала, и самъ А. В. Головнинъ откровенно указывалъ на недостатки заведеній ввѣреннаго ему вѣдомства. Были устраиваемы собранія учителей (съѣзды въ Одессѣ, въ Харьковѣ), результаты совѣщаній которыхъ публиковались во всеобщее свѣдѣніе, и т. д.

Относительно вопроса о гимназической реформѣ, министерство выслушивало всѣ замѣчанія и по мѣрѣ возможности

варивается, что для филологическаго факультета необходима филологическая гимназія, т.-е. съ двумя древними языками, но и тутъ, по мнѣнію Водовозова, они должны быть изучаемы преимущественно въ высшихъ классахъ. «Занятія древними языками... съ пользою можно начинать только въ болѣе зрѣломъ возрастѣ».

соображалось съ ними. Проектъ устава низшихъ и среднихъ училищъ былъ передѣланъ въ ученомъ комитетѣ, и въ 1862 г. появилась въ печати его вторая редакція (подъ названіемъ: «Проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній»), по которой гимназіи продолжали дѣлиться на тѣ же два разряда: филологическія (съ обоими древними языками) и реальныя (съ однимъ латинскимъ), но и тѣ и другія, какъ и въ первой редакціи, давали право поступленія въ университетъ, и такимъ образомъ и реальныя гимназіи не должны были бы дѣлаться источникомъ страданій для реалистовъ, не имѣющихъ нынѣ доступа къ общему высшему образованію и въ то же время сплошь-и-рядомъ ненаходящихъ мѣста и въ высшихъ спеціальныхъ учебныхъ заведеніяхъ.

Проектъ устава гимназій и прогимназій, къ которому были присоединены и вновь выработанные проекты общаго устава университетовъ и устройства народныхъ училищъ, снова сдѣлался предметомъ публичнаго обсужденія. Всѣ эти проекты были разосланы также нѣкоторымъ педагогамъ и ученымъ Германіи, Англіи и Франціи. Собственно изъ Россіи поступило въ министерство 365 отзывовъ (изъ нихъ 110 отъ университетовъ и педагогическихъ совѣтовъ и 255 отъ частныхъ лицъ); они были напечатаны въ 1862 году въ 6-ти томахъ. Затѣмъ министерство поручило нѣсколькимъ лицамъ сдѣлать своды замѣчаній на проектъ устава гимназій и прогимназій, и въ томъ числѣ Водовозову было поручено свести мнѣнія: 1) о классическомъ и реальномъ образованіи и 2) о губернскихъ училищныхъ совѣтахъ. Нельзя не замѣтить, что администрація министерства народнаго просвѣщенія умѣла цѣнить въ это время знанія и педагогическую опытность Водовозова; осенью 1857 г. онъ былъ назначенъ членомъ коммиссіи при ученомъ комитетѣ главнаго правленія училищъ для разсмотрѣнія учебныхъ руководствъ и пособій по русскому языку и словесности (предсѣдателемъ этой коммиссіи былъ профессоръ Срезневскій). Несмотря на вполнѣ опредѣленныя убѣжденія, высказанныя Водовозовымъ, относительно роли древнихъ языковъ, и энергическую защиту реализма въ учебномъ дѣлѣ, ему поручаютъ сводъ мнѣній, присланныхъ въ министерство о классическомъ и реальномъ образованіи: очевидно въ это время еще умѣли отдавать должное людямъ съ столь рѣдкимъ образованіемъ, какъ Водовозовъ. Сдѣлать сводъ многочисленнымъ и разнообразнымъ мнѣніямъ о классическомъ и реальномъ образованіи былъ трудъ весьма не

легкій. «Не знаю, какъ удастся справиться, — говоритъ Водовозовъ въ одномъ письмѣ:—читаешь, пишешь до одуренія»; но онъ не считалъ возможнымъ отказаться отъ этой работы, полагая, что она можетъ имѣть важное практическое значеніе.

Трудъ этотъ напечатанъ въ книгѣ: «Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій и прогимназій» (Спб. 1863 г., стр. 23—64); мы не будемъ долго на немъ останавливаться, такъ какъ, группируя различныя мнѣнія, Водовозовъ высказываетъ при этомъ тотъ же взглядъ, съ которымъ мы уже знакомы изъ его статьи о древнихъ языкахъ. Приведемъ только одно мѣсто, гдѣ авторъ, хотя, и не упоминая имени Пирогова, полемизируетъ съ нѣкоторыми взглядами, высказанными въ его статьѣ: «Вопросы жизни», и старается раскрыть, какія послѣдствія будетъ имѣть крайній классицизмъ, проводимый подъ флагомъ яко бы единственно гуманнаго воспитанія, и пренебреженіе къ реальнымъ знаніямъ, необходимымъ въ жизни. Группируя мнѣнія тѣхъ лицъ и педагогическихъ коллегій, которыя настаивали на учрежденіи реальныхъ гимназій въ полномъ смыслѣ этого слова, Водовозовъ продолжаетъ: «Вотъ, скажутъ, и является утилитарность вмѣсто общаго образованія»... «Но,—спрашиваетъ авторъ,—къ чему приготовитъ гимназія съ высшими гуманными стремленіями? Быть человѣкомъ? Но человѣкомъ вообще быть нельзя. Надо избрать какое-нибудь «поприще». Человѣку, не вооруженному знаніями, пригодными для жизни, остается одинъ путь: сдѣлаться чиновникомъ. Итакъ, самый непроизводительный классъ народа все будетъ увеличиваться, распространяя вокругъ себя нищету со всѣми пороками, хорошо извѣстными въ нашей литературѣ... Во имя общественной нравственности, нужно желать, чтобы во всѣхъ, даже высшихъ заведеніяхъ, у насъ занимали учащихся какими-нибудь полезными примѣненіями наукъ къ дѣйствительной жизни. То, что называютъ съ презрѣніемъ утилитарностью, есть только средство къ разумному, честному труду, который спасаетъ многихъ и многихъ отъ нищеты и разврата. По крайней мѣрѣ, нѣкоторыя гимназіи, названныя въ проектѣ реальными, въ наиболѣе людныхъ мѣстностяхъ, должны быть устроены съ курсомъ техническихъ производствъ и другихъ общеполезныхъ свѣдѣній» (стр. 46—47). Оказалось, что и большинство приславшихъ мнѣнія по вопросу о классическомъ и реальномъ обра-

зованіи предлагало «ограничить или исключить древніе языки, по крайней мѣрѣ, въ реальныхъ гимназіяхъ» (стр. 53). Водовозовъ предлагаетъ формулировать тѣ параграфы проекта, гдѣ шла рѣчь о классическихъ и реальныхъ гимназіяхъ, такимъ образомъ: «Содѣйствуя общему образованію и удовлетворяя современнымъ потребностямъ общества, гимназіи должны имѣть въ своемъ основаніи реальные предметы и знанія историческія. Кромѣ гимназій съ реально-историческимъ характеромъ, учреждаются, по мѣрѣ надобности, специальныя филологическія гимназіи», которыя «открываются преимущественно въ университетскихъ городахъ [1])». Учебный курсъ реальныхъ гимназій составляютъ слѣдующіе предметы: законъ божій, русская словесность, математика, естествовѣденіе, исторія, географія, нѣмецкій и французскій языки. Что касается немногихъ классическихъ гимназій для желающихъ посвятить себя филологіи, то ихъ назначеніе Водовозовъ формулировалъ такимъ образомъ: «Преподаваніе древнихъ языковъ въ филологическихъ гимназіяхъ имѣетъ цѣлью дать образованіе молодымъ людямъ», чувствующимъ «призваніе къ филологіи, и вмѣстѣ приготовить специальныхъ дѣятелей по древнимъ литературамъ, имѣющимъ важное значеніе въ европейской цивилизаціи».

На основаніи всѣхъ полученныхъ въ министерствѣ мнѣній и замѣчаній на проектъ устава гимназій, онъ былъ снова подвергнутъ обсужденію въ ученомъ комитетѣ, весною 1863 г., и одобрена была третья его редакція, въ которой восьмиклассныя гимназіи раздѣлялись на общія и классическія; въ общихъ—изъ 234 уроковъ въ недѣлю на латинскій языкъ отводилось лишь 20 часовъ (въ III—VIII классахъ), но и то съ V-го класса обученіе латинскому языку сдѣлано было необязательнымъ, причемъ необучавшіеся ему въ четырехъ высшихъ классахъ могли поступать въ университетъ лишь на физико-математическій факультетъ. Въ такомъ видѣ проектъ устава внесенъ былъ, въ февралѣ 1864 г., въ государственный совѣтъ и затѣмъ, согласно Высочайше одобреннымъ его замѣчаніямъ, былъ составленъ въ министерствѣ новый проектъ, который, послѣ нѣкоторыхъ исправленій, и

---

[1]) Но заявленія изъ западнаго края (гдѣ въ латинскомъ языкѣ чувствовалась извѣстная необходимость, такъ какъ на немъ совершалось богослуженіе) заставили Водовозова прибавить слѣдующее: «Вслѣдствіе мѣстной потребности, какъ напримѣръ, въ западныхъ губерніяхъ, учреждаются въ разныхъ городахъ гимназіи съ латинскимъ языкомъ и естествовѣденіемъ».

былъ, наконецъ, утвержденъ, 19-го ноября 1864 г. На основаніи этого устава, гимназіи должны были имѣть *семилѣтній* курсъ; онѣ дѣлились на классическія и реальныя. Классическія — были и съ двумя, и съ однимъ древнимъ языкомъ и давали право поступленія въ университетъ; въ реальныхъ латинскій языкъ вовсе не преподавался, и ученики, окончившіе въ нихъ курсъ, допускались не въ университетъ, а лишь въ спеціальныя училища [1]).

Считая крайне необходимымъ сближеніе учителей между собою для совмѣстнаго обсужденія спорныхъ вопросовъ воспитанія и обученія, Водовозовъ принялъ дѣятельное участіе въ педагогическихъ собраніяхъ, устроенныхъ съ 1859 г. при второй с.-петербургской гимназіи, по предложенію П. Г. Рѣдкина, гг. Чумикова и Паульсона. Онъ постоянно участвовалъ въ преніяхъ и, кромѣ того, напечаталъ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» (1863 г., № 4) статью: «С.-Петербургскія педагогическія собранія», въ которой болѣе всего протестовалъ противъ рабскаго слѣдованія иностраннымъ образцамъ и требовалъ большаго вниманія къ явленіямъ русской жизни. «Мы думаемъ, — говоритъ авторъ, — что въ русскомъ педагогическомъ собраніи изложеніе иностранныхъ методовъ преподаванія и иностранныхъ курсовъ можетъ быть тогда только допущено, когда мы относимся къ нимъ критически, указывая, что и въ какомъ видѣ изъ всего этого педагогическаго матеріала удобопримѣнимо къ нашимъ школамъ. Но потребности нашего образованія все-таки нельзя иначе узнать, какъ изъ наблюденія нашихъ учебныхъ заведеній въ ихъ настоящемъ состояніи... Множество журнальныхъ статей послужило бы также прекраснымъ матеріаломъ при обсужденіи того или другого педагогическаго вопроса. Наконецъ, разборы русскихъ педагогическихъ сочиненій, обсужденіе такихъ любопытныхъ явленій, какъ, напримѣръ, «Ясная Поляна» Толстого, ближе относятся къ кругу дѣятельности педагогическаго собранія,

---

[1]) Мы уже упоминали, что Водовозову было еще поручено въ 1862 г. составить сводъ мнѣній о губернскомъ училищномъ совѣтѣ, и этотъ трудъ былъ также напечатанъ въ книгѣ: «Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній» (стран. 321—360). Кромѣ того, результатомъ изученія этихъ замѣчаній была статья Водовозова: «Учительскіе совѣты и съѣзды» («Отеч. Зап.» 1863 г. № 1). Въ заключеніе ея авторъ энергически настаиваетъ на предоставленіи частной инниціативѣ возможно широкаго простора въ дѣлѣ устройства училищъ вообще и народныхъ школъ въ частности. «Что касается наблюденія надъ школами,—говоритъ онъ, — то это дѣло необходимо предоставить самому обществу чрезъ участіе его въ училищномъ совѣтѣ».

чѣмъ разборъ нѣмецкихъ теорій... Мы такимъ образомъ, волею или неволею, должны собрать свой матеріалъ для устройства училищъ и вывести изъ него свои частные законы».

Въ педагогическомъ собраніи Водовозовъ вновь поднялъ вопросъ, которымъ онъ самъ такъ много занимался и который имѣетъ громадное значеніе для нашихъ гимназій; въ засѣданіи 2-го октября 1865 г. онъ прочелъ рефератъ «О классическомъ и реальномъ образованіи», гдѣ проводилъ тѣ же принципы, какъ и въ своей статьѣ: «Древніе языки въ гимназіяхъ». Въ слѣдующее засѣданіе, 15-го октября, онъ сообщилъ дополненіе къ реферату, и затѣмъ начались пренія, которыя продолжались въ пяти засѣданіяхъ въ ноябрѣ и декабрѣ 1865 г. и въ январѣ 1866 г., причемъ приливъ гостей въ собраніе все увеличивался.

VI.

Руководительство воскресною школою. — Статьи въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ о народномъ образованіи и книгахъ для народнаго чтенія.— «Разсказы изъ русской исторіи».—Переводы въ стихахъ древнихъ и новыхъ поэтовъ.

Не одному только среднему образованію были посвящены труды Водовозова и въ теоріи, и на практикѣ. Съ самаго начала своей журнальной дѣятельности онъ имѣлъ не мало случаевъ говорить о народныхъ школахъ и назначенныхъ для нихъ руководствахъ и пособіяхъ, но первоначально лишь относительно западной Европы. Еще въ самыхъ первыхъ своихъ статьяхъ—«Замѣтки о современномъ образованіи въ Германіи» и въ подобной же статьѣ о Франціи (1856 г.)—Водовозовъ говоритъ о заграничныхъ иллюстрированныхъ руководствахъ для первоначальнаго обученія, о классной дисциплинѣ, о преподаваніи въ первоначальныхъ школахъ грамматики родного языка. Въ слѣдующемъ году, въ «Письмахъ изъ-за границы» онъ сообщаетъ о нѣмецкихъ первоначальныхъ школахъ, о преподаваніи въ нихъ того или другого предмета, о съѣздахъ учителей, и т. п.; въ началѣ 1858 г. онъ печатаетъ особую статью о приходскихъ училищахъ въ Берлинѣ, гдѣ также останавливается на методахъ обученія различнымъ предметамъ. Эти наблюденія въ Германіи несомнѣнно пригодились Водовозову, когда онъ принялъ горячее

участіе въ дѣлѣ распространенія грамотности среди петербургскаго рабочаго населенія.

«Видя главное зло въ невѣжествѣ народа,—говоритъ Водовозовъ въ одной неизданной статьѣ, посвященной характеристикѣ общественнаго настроенія въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ,—всѣ усердно принялись за его образованіе. По городамъ и особенно въ столицахъ стали открываться во множествѣ воскресныя школы. Въ учителя и учительницы записывались цѣлыми толпами, такъ что было время, когда желающихъ обучать являлось чуть ли не больше, чѣмъ самихъ учащихся. Всякій стремился привлечь какъ можно больше учениковъ и ученицъ, отыскивая ихъ по лавкамъ и мастерскимъ; устроивались литературныя чтенія и концерты для сбора денегъ на школы; вездѣ собирались кружки, чтобы толковать о методахъ обученія, о выборѣ книгъ для чтенія и изданіи такихъ книгъ. Въ то время народная литература обогатилась множествомъ изданій, хотя и не всегда удачныхъ. Нѣкоторыя школы составили себѣ порядочныя библіотеки черезъ пожертвованія... Чрезъ воскресныя школы образованный классъ сближался съ народомъ и знакомился съ его нуждами; случалось, что старались помочь и этимъ нуждамъ, обуздывая, напримѣръ, хозяевъ мастерскихъ, которыя истязали своихъ рабочихъ»...

Появленіе воскресныхъ школъ въ Петербургѣ относится къ первой половинѣ 1860 года. Какъ говорятъ, первымъ лицомъ, подавшимъ здѣсь эту мысль, былъ проф. П. В. Павловъ [1]). Пріѣхавъ изъ Кіева, гдѣ, при содѣйствіи Н. И. Пирогова, уже были открыты воскресныя школы (съ октября 1859 г.), онъ сталъ пропагандировать ихъ и среди петербургскихъ интеллигентныхъ круговъ и, между прочимъ, упрекалъ женщинъ изъ образованныхъ и обезпеченныхъ семействъ, что онѣ не возьмутъ въ свои руки дѣло образованія въ столицѣ. Первая воскресная школа (въ апрѣлѣ 1860 г.) была устроена въ залахъ фехтовально-учебно-гимнастическаго кадра стрѣлковаго Его Величества батальона (въ старыхъ московскихъ казармахъ близъ Семеновскаго моста). Распорядителями и наставниками были военные офицеры разныхъ полковъ [2]). Вскорѣ стали открываться и другія воскресныя

---

[1]) О томъ, что онъ занимался этимъ дѣломъ въ Кіевѣ, см. въ «Сочиненіяхъ Пирогова», т. II. Спб. 1887, стр. 220.

[2]) «Наше Время» 1860 г., № 19.

школы: во II-й гимназіи, подъ завѣдываніемъ А. Н. Энгельгардта, въ I-й гимназіи — на имя О. К. Семеновой, подъ руководствомъ В. И. Водовозова. Современемъ заведены были мѣстами и чтенія по вечерамъ въ воскресные и нѣкоторые другіе дни. Молодежь, и университетская, и военная, а также многія дамы положили на это полезное дѣло не мало труда. Черезъ годъ послѣ открытія первой воскресной школы въ Петербургѣ число ихъ дошло до 25, при содѣйствіи ремесленной управы, военнаго вѣдомства и общественной благотворительности [1]).

Въ январѣ мѣсяцѣ 1861 г. воскресная школа въ I-й гимназіи уже существовала, какъ это видно изъ оффиціальнаго запроса Водовозову директора училищъ с.-петербургской губерніи, 31-го января 1861 г. Изъ обращенія директора училищъ къ Водовозову ясно видно, что именно онъ игралъ наиболѣе дѣятельную роль, какъ въ учрежденіи школы, такъ и въ преподаваніи въ ней: онъ былъ какъ бы директоромъ школы, и ему писали извинительныя письма преподаватели и преподавательницы, если что́-либо мѣшало имъ явиться на урокъ. Въ числѣ преподавателей было не мало его учениковъ.

Довольно стѣснительныя правила относительно воскресныхъ школъ, установленныя администраціею, должны были значительно охладить рвеніе общества, а затѣмъ явилось и нѣкоторое утомленіе отъ того напряженнаго труда, какого требовало это серьезное дѣло, и вотъ Водовозовъ, въ началѣ 1862 года, печатаетъ въ «Отечественныхъ Запискахъ» (т. 140) статью: «Неужели упадутъ воскресныя школы?» Отдавая этому дѣлу много времени и труда, Василій Ивановичъ имѣлъ право упрекнуть за недостатокъ энергіи и постоянства тѣхъ лицъ, которыя, взявшись за обученіе народа, затѣмъ отказались отъ него, и въ то же время счелъ необходимымъ воздать должное усердію многихъ молодыхъ людей. Затѣмъ онъ убѣдительно доказываетъ, что стѣсненія со стороны администраціи чрезвычайно вредятъ увеличенію числа воскресныхъ школъ. Далѣе авторъ указалъ на необходимость составленія новыхъ книгъ для народнаго чтенія, изданія рисунковъ, изображающихъ русскій бытъ, разные виды Россіи, мѣстные обычаи и промыслы, сцены изъ русской исторіи, изъ нѣкоторыхъ повѣстей, сказокъ и проч. «Грамотный народъ,—

---

[1]) *Щебальскій:* «О с.-петербургскихъ воскресныхъ школахъ» («Русская Рѣчь» 1861 г., № 52).

говоритъ авторъ, — съ жадностью читаетъ все, что́ ему ни попадется, а попадаются ему однѣ плохія книжонки московскаго издѣлія. У насъ есть комитетъ грамотности, есть разныя учебныя общества... гдѣ они дѣйствуютъ? какъ сказочные герои, въ какомъ-то далекомъ, тридевятомъ царствѣ. Позаботиться о самыхъ популярныхъ изданіяхъ, составить хоть одинъ дѣльный читальникъ для народа, завести ходебщиковъ по городамъ и селамъ—было бы ихъ дѣломъ».

Еще до поѣздки Водовозова за границу въ 1862 г., нѣкоторыя изъ дѣвочекъ, учившихся у него въ воскресной школѣ, просили дозволенія ходить къ нему на домъ въ будніе дни; В. И. согласился, и къ нему стало являться около восьми дѣвочекъ. Это домашнее обученіе было прервано поѣздкою за границу, а лѣтомъ воскресныя школы были закрыты [1]). По возвращеніи Водовозова, къ нему стало ходить на домъ около десяти ученицъ, и какъ онъ, такъ и его жена (занимавшаяся ранѣе и въ воскресной школѣ) давали имъ уроки цѣлую зиму, то ежедневно, то съ нѣкоторыми перерывами, вслѣдствіе срочныхъ занятій.

Разсмотрѣнію книгъ и руководствъ для народа, уже изданныхъ въ то время, Водовозовъ посвятилъ особую статью: «Русская народная педагогика» («Отеч. Зап.» 1861 г., № 9). Указавъ на то немногое хорошее, что́ было сдѣлано уже въ этомъ отношеніи В. И. не преминулъ обличить фальшь, встрѣчающуюся въ нѣкоторыхъ книжкахъ для школъ и народнаго чтенія. Такъ, напримѣръ, относясь вообще сочувственно къ дѣятельности Погосскаго, авторъ указываетъ и на ея слабыя стороны и строго порицаетъ, между прочимъ, его разсказъ: «Первый винокуръ», въ которомъ представлено, что одинъ изъ слугъ сатаны опредѣляется батракомъ къ мужику и научаетъ его курить вино [2]). Въ 1863 г., въ одной рецензіи, Водовозовъ прекрасно формулировалъ здравыя педагогическія требованія отъ книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ [3]).

[1]) «10-го іюня 1862 г., Государь Императоръ повелѣлъ: «1) немедленно приступить къ пересмотру правилъ объ учрежденіи воскресныхъ школъ. 2) Впредь до преобразованія воскресныхъ школъ на новыхъ основаніяхъ, *закрыть всѣ нынѣ существующія воскресныя школы и читальни*». («Сборникъ постановленій по мин. нар. просв. т. III, стр. 757—758).

[2]) Подобный же разсказъ и съ тѣмъ же заглавіемъ изданъ и графомъ Л. Н. Толстымъ; вотъ какъ трудно покинуть лицамъ, пишущимъ для народа, нелѣпый обычай угощать его чертовщиной!

[3]) «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1863 г., № 5, стр. 90—92 (рецензія на «Книгу для чтенія въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа»).

Съ тѣмъ же пониманіемъ истинныхъ народныхъ нуждъ Водовозовъ затрогивалъ и другія стороны народнаго образованія. Такъ, въ своей статьѣ: «Наука и нравственность. Педагогическія замѣтки» («Библіотека для чтенія», 1863 г., № 5), онъ, между прочимъ, находитъ нужнымъ отозваться на занимавшій многихъ въ то время вопросъ о религіозномъ и нравственномъ развитіи учащихся. «По мнѣнію нѣкоторыхъ духовныхъ журналовъ («Православное Обозрѣніе», «Творенія святыхъ отцовъ», и проч.), все народное образованіе должно лежать на рукахъ духовенства, и правительство, намѣреваясь открыть учительскіе институты, тѣмъ самымъ можетъ поколебать въ народѣ христіанскія начала. Въ примѣчаніяхъ на проектъ устава, г. Вороновъ возражалъ на это мнѣніе, что духовенство уже имѣетъ прямую обязанность обучать дѣтей Закону Божію и исполнять разныя религіозныя требы. Занятія всѣми предметами обученія, необходимыми для школъ, отвлекли бы его отъ этой обязанности; но «Православное Обозрѣніе»,—продолжаетъ Водовозовъ,—въ обученіи народа свѣтскими людьми видитъ какое-то анти-клерикальное направленіе, желаніе повредить религіозному чувству народа. Опасаться этого вовсе неумѣстно, если не признать, подобно г. Беллюстину, всю современную науку исчадьемъ грѣха и нечистаго мудрованія... И между свѣтскими людьми многіе совсѣмъ не чужды самыхъ крайнихъ клерикальныхъ стремленій. Примѣромъ тому можетъ служить г. Щербина, который доказываетъ, что дьячки и пономари самые лучшіе и естественные воспитатели народа; по крайней мѣрѣ, имѣя въ виду ихъ дѣятельность, онъ считаетъ излишнимъ устроеніе какихъ-либо учительскихъ семинарій [1])... Онъ защищаетъ православіе, какъ наше національное начало: это, конечно, дѣлаетъ ему честь; но нельзя не пожалѣть, что защита такого великаго дѣла вышла совсѣмъ неудачная. Г. Щербина ужасается: что если *казенные городскіе* учителя будутъ ѣсть скоромное по постамъ!.. Всякій знаетъ,—замѣчаетъ Водовозовъ, что религія не состоитъ въ одномъ внѣшнемъ исполненіи постовъ, и народъ не до такой степени глупъ, чтобы не понимать этого: онъ говоритъ — «постись духомъ, а не брюхомъ»... Но г. Щербина, вѣроятно, считаетъ народъ въ высшей степени тупоумнымъ, доказывая, что поселяне не

---

[1]) Дѣло идетъ о брошюрѣ поэта Щербины: «О народной грамотности и устройствѣ возможнаго просвѣщенія въ народѣ». Спб. 1863 г.

могутъ иначе представить учителя, какъ въ степенныхъ лѣтахъ, съ окладистою бородою, что они примутъ школу за кабакъ, если изъ оконъ ея услышатъ пѣсню свѣтскаго содержанія, что они, пожалуй, не будутъ отдавать въ школу дѣтей, если въ ней станутъ учить не азъ, буки, вѣди»... Все, что́ говоритъ здѣсь Водовозовъ, имѣетъ и вполнѣ современное значеніе, такъ какъ идеи Щербины нашли теперь новаго и, благодаря измѣненію общественнаго настроенія, болѣе вліятельнаго, а слѣдовательно и болѣе вреднаго защитника въ лицѣ г. Рачинскаго, который впадаетъ въ тѣ же противорѣчія, какъ и покойный Щербина, а именно, требуя передачи народныхъ школъ въ руки духовенства, самъ выставляетъ то печальное нравственное состояніе, въ какомъ находится это сословіе. Указывая, впрочемъ, на фальшь брошюры Щербины, Водовозовъ не скрываетъ того, что́ заслуживаетъ въ ней сочувствія: такъ, онъ находитъ, что Щербина «очень справедливо вооружается противъ постояннаго оффиціальнаго вмѣшательства въ народныя школы, противъ формальной ихъ регламентаціи. Мы всегда были того мнѣнія,—говоритъ В. И.,—что неудачный чиновничій контроль можетъ испортить все дѣло народнаго образованія, которое у насъ только начинаетъ приниматься... Вреда неоффиціальныя маленькія школы не могутъ принести никакого, а въ гоненіи на нихъ вредъ страшный».

Въ статьѣ: «Какая наука нужна народной школѣ», Водовозовъ говоритъ: «Заводя народныя школы, у насъ толкуютъ о грамотности; но это понятіе о грамотности должно быть расширено. Нельзя разумѣть подъ этимъ словомъ одинъ механизмъ чтенія и письма; вы захотите же, чтобъ дѣти понимали смыслъ прочитаннаго... Такъ, въ народную науку, при самыхъ умѣренныхъ требованіяхъ, войдутъ нѣкоторыя существенныя объясненія изъ области естествознанія, географіи, исторіи... Но знанія эти должны имѣть близкое примѣненіе къ народной жизни... Многіе думаютъ, что, знакомя учащихся съ мѣстными промыслами, давая имъ лучшее понятіе о сельскомъ трудѣ, мы повредимъ общеобразовательному характеру школы. Школѣ, конечно, не слѣдуетъ быть обыкновенною мастерскою. Если въ ней дѣтямъ и назначаются разныя работы, какъ, напримѣръ, копаніе грядъ, уходъ за разными растеніями и животными, болѣе легкія мастерства, то цѣль этихъ работъ — не одна житейская польза, а также здоровое развитіе силъ, наглядное знакомство съ пред-

метами науки. По крайней мѣрѣ, садъ, огородъ и поле необходимы при всякой школѣ тамъ, гдѣ есть возможность собирать дѣтей въ весенніе и лѣтніе мѣсяцы». Говоря далѣе о наглядномъ методѣ обученія, авторъ предостерегаетъ противъ слѣпого подражанія нѣмецкимъ образцамъ, гдѣ этотъ методъ направленъ исключительно къ развитію логическихъ способностей слишкомъ утонченною системою упражненій [1]).

Въ другой статьѣ: «Идеалъ народнаго учителя» [2]), указывая кругъ знаній, для него необходимыхъ, Водовозовъ ставилъ въ обязанность учителю помогать народу своими знаніями во всѣхъ его нуждахъ и потребностяхъ.

Вообще, въ этотъ періодъ своей жизни, также какъ и въ слѣдующій затѣмъ, Водовозовъ и теоретически, и практически служилъ дѣлу народнаго образованія; къ сожалѣнію, его практическая дѣятельность въ этомъ отношеніи, въ формѣ руководительства воскресною школою, была прервана запрещеніемъ воскресныхъ школъ. Впрочемъ, въ 1863 г. (или въ 1864 г.), когда при таврической женской первоначальной школѣ, устроенной ранѣе барономъ Коссинскимъ, была учреждена женская учительская семинарія, подъ начальствомъ Е. А. Солодовниковой, то Водовозовъ преподавалъ въ ней (какъ и другіе — безплатно). Слѣдуетъ упомянуть еще, что уже въ 1862 г. Вас. Ив. былъ членомъ комитета грамотности.

Занятія въ воскресной школѣ и изученіе книгъ, изданныхъ для народнаго чтенія, убѣдили Водовозова въ недостаткѣ у насъ хорошей книги для чтенія по русской исторіи и побудили его начать составленіе «Разсказовъ изъ русской исторіи», первый выпускъ которыхъ появился въ 1861 г. Здѣсь чрезвычайно просто и доступно изложены разсказы изъ первоначальной лѣтописи, Слово о полку Игоревѣ, нашествіе Батыя съ описаніемъ жизни и нравовъ татаръ; далѣе слѣдуютъ характеристики Александра Невскаго и Дмитрія Донского, изложеніе народныхъ былинъ, исторія Новгорода и Пскова и, наконецъ, представленъ общій очеркъ состоянія Руси до Ивана III. Книга эта, изданная къ тому же очень дешево, встрѣтила наилучшій пріемъ и въ обществѣ,

---

[1]) «Русь», еженедѣльная газета, 1864 г., № 1.
[2]) Ibid., № 4.

и въ печати [1]). Первый выпускъ «Разсказовъ» выдержалъ 7 изданій, нѣкоторыя по пяти тысячъ экземпляровъ. Второй выпускъ былъ изданъ въ 1864 г. Онъ посвященъ отчасти правленію Ивана III и Василія III, но, главнымъ образомъ, авторъ описываетъ въ немъ правленіе Ивана Грознаго и, между прочимъ, прекрасно знакомитъ съ внутреннимъ состояніемъ Россіи въ это время. Второй выпускъ отличается тѣми же достоинствами, какъ и первый, но, по характеру изложенія, доступенъ лишь ученикамъ постарше и болѣе развитымъ; онъ выдержалъ 5 изданій.

И такъ мы видимъ, что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ обнаруживаетъ необыкновенную энергію. Онъ преподаетъ въ Смольномъ институтѣ и первой гимназіи,— не говоримъ о частныхъ урокахъ; онъ руководитъ воскресною школою и самъ усерднѣе всѣхъ въ ней занимается, участвуетъ въ засѣданіяхъ педагогическаго собранія и протестуетъ противъ излишней отвлеченности рефератовъ, требуя больше вниманія къ явленіямъ русской жизни. Онъ пишетъ, наконецъ, множество статей по литературѣ и по самымъ животрепещущимъ вопросамъ школьнаго дѣла. При всемъ томъ онъ находитъ еще досугъ продолжать свою плодотворную дѣятельность относительно переводовъ выдающихся произведеній иностранной литературы. Въ пятидесятыхъ годахъ вниманіе его было, повидимому, исключительно направлено на литературы классическаго міра, особенно греческую, и на произведенія, связанныя съ этимъ міромъ («Ифигенія въ Тавридѣ» Гете). Но мы уже указали на то, что еще въ 1857 г. Водовозовъ съ величайшимъ сочувствіемъ говоритъ о Гейне въ своихъ статьяхъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», а изъ рукописей его видно, что даже нѣсколько ранѣе онъ усердно занимается переводомъ стихотвореній этого поэта [2]). Затѣмъ, во второй половинѣ пятидесятыхъ годовъ, Водовозовъ продолжалъ переводить Гейне, и нѣкоторые изъ

---

[1]) См. рецензіи въ «Отеч. Зап.» 1861 г., № 10; въ «Журн. Мин. Народн. Просв.» 1861 г., т. 112; въ «Русской Рѣчи» 1861 г., № 85; «Спб. Вѣдомостяхъ» 1861 г., № 225; «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 г. № 230; въ «Учителѣ» 1863 г., стр. 732, и въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы» Спб. 1878 г., стр. 591.

[2]) Къ половинѣ пятидесятыхъ годовъ ихъ было переведено Водовозовымъ около 25; всѣ они остались въ свое время ненапечатанными. Гораздо позднѣе, уже въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ, Водовозовъ вновь пересмотрѣлъ эти переводы и сдѣлалъ въ нихъ нѣкоторыя измѣненія, впрочемъ не особенно значительныя.

его переводовъ были имъ помѣщены въ тогдашнихъ журналахъ. Наконецъ, въ началѣ шестидесятыхъ годовъ, онъ дѣлаетъ новые переводы изъ вышедшаго въ свѣтъ въ 1861 г. посмертнаго изданія сочиненій этого поэта. Но самымъ важнымъ результатомъ изученія произведеній Гейне былъ сдѣланный Водовозовымъ переводъ всей его сатирической поэмы «Германія. Зимняя сказка», напечатанный въ «Отечественныхъ Запискахъ» 1861 г. (№№ 10 — 12) [1]). Отрывки изъ своего перевода Водовозовъ нерѣдко читалъ въ это время, и вотъ что̀ сказалъ онъ, между прочимъ, въ предисловіи къ одному изъ такихъ чтеній: «Въ сатирической поэмѣ Гейне осмѣяны недостатки современнаго ему германскаго общества, его неумѣніе взяться за какое-нибудь практически полезное дѣло. Онъ, конечно, возстаетъ не противъ благородныхъ, идеальныхъ стремленій человѣка, а противъ всякаго безплоднаго блужданія посреди идеаловъ, непримѣнимыхъ къ жизни, противъ той самодовольной мечтательности, въ которой, ничего не дѣлая, мы воображаемъ, что дѣлаемъ очень много, и тѣмъ оправдываемъ свою лѣнь или эгоизмъ». Эта сторона произведеній Гейне должна была особенно нравиться Водовозову, который, какъ мы видѣли, жестоко смѣялся въ это время надъ своимъ прежнимъ идеальничаньемъ или, какъ выражались въ сороковыхъ годахъ, «прекраснодушіемъ». «Съ французскою легкостью и кажущеюся небрежностью», продолжаетъ В. И., «Гейне умѣлъ соединить (въ этомъ произведеніи) истинно германскую глубину мысли и теплоту чувства. Онъ съ намѣреніемъ говоритъ о важныхъ предметахъ какъ будто бы о пустякахъ, потому что его соотечественники ужъ слишкомъ много занимались пустяками, какъ важными предметами». Приведемъ бо̀льшую часть послѣдней главы знаменитой поэмы Гейне.

Ужъ старческій родъ съ лицемѣрьемъ своимъ
Проходитъ теперь, слава-богу:
Онъ вянетъ, болѣзнію лжи пораженъ,
Онъ весь изомретъ понемногу.

И новое племя встаетъ, на обманъ,
На всю мишуру негодуя,—
Свободное сердцемъ своимъ и умомъ:
Ему обо всемъ разскажу я.

---

[1]) Переводы изъ Гейне перепечатаны въ книгѣ «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888.

Ужъ юность растетъ, что пойметъ доброту
И гордость пѣвца, ей роднаго;
Придетъ она грѣться у сердца его
И чувства, какъ солнце живаго.

Какъ свѣтъ мое сердце любовью горитъ,
Какъ огнь цѣломудренно, чисто,
И честные Граціи строили въ ладъ
Звонъ лиры моей голосистой.

То лира, друзья, на которой звучалъ
Когда то, при плескахъ народныхъ,
Отецъ и наставникъ мой, Аристофанъ,
Любимецъ Каменъ благородныхъ.
. . . .

Слегка подражалъ я, въ послѣдней главѣ—
Смотрите ея заключенье—
Комедіи «Птицы»; изъ драмъ старика
Всѣхъ лучше она безъ сомнѣнья.

Еще превосходны «Лягушки». Теперь,
Высокой особѣ въ угоду,
На сценѣ берлинской идти суждено
Нѣмецкому ихъ переводу.

Король очень любитъ піесу: въ немъ вкусъ
Развитъ къ старинѣ этой давней;
Лягушечье кваканье нынѣшнихъ дней
Для древнихъ ужъ было-бъ забавнѣй!

Такъ, любитъ піесу король; но когда-бъ
Въ живыхъ еще знали поэта,
Отправиться въ Пруссію лично ему
Мы не дали-бъ вѣрно совѣта.

Ужъ Аристофану живому бѣда
Какъ плохо пришлось бы: мы скоро
Бѣднягу на сценѣ увидѣли-бъ вновь...
Среди полицейскаго хора.

И черни, на мѣсто того, чтобъ свистъ,
Позволено было-бъ ругаться;
Полиція стала-бъ за милымъ дружкомъ
Вездѣ по пятамъ увиваться.

Король! я не худа желаю тебѣ,
Послушай совѣта благого;
Чти мертвыхъ, пожалуй, но также щади,
Щади ты поэта живого.

Живого поэта въ обиду не дай;
Съ нимъ пламя и грозныя стрѣлы:
Страшнѣе всѣхъ молній Зевеса они,
Фантазіей созданныхъ смѣлой.

Всѣхъ древнихъ боговъ и богинь оскорбляй
Въ обителяхъ вѣчнаго свѣта,
И съ ними того, кто ихъ выше сидитъ,
Но бойся обидѣть поэта.

Конечно, и боги грозятъ за грѣхи
Жестокою карою людямъ;
Достаточно жарко и пламя въ аду:
Кипѣть тамъ и жариться будемъ.

Но есть и святые. замолятъ за насъ:
Дары по церквамъ раздавая,
Служа панихиды, откроемъ себѣ
Мы дверь недоступную рая.

Придетъ, наконецъ, и Христосъ, чтобъ разбить
Ворота кромѣшнаго града,
И пусть будетъ строгъ его судъ, ускользнетъ
Иная душонка изъ ада.

Но есть также адъ и другой: изъ него
Совсѣмъ невозможно спасенье:
Мольбы тутъ напрасны, безсильно ужъ тутъ
Спасителя міра прощенье.

Адъ Дантовъ ты знаешь ли? страшныхъ терцетъ
Громовые, вѣчные звуки?
Ужъ Богъ никакой не спасетъ, если тамъ
Поэтъ васъ осудитъ на муки.

Отъ этихъ поющихъ огней не спасутъ
Ни Богъ никакой, ни святые.
И ты берегись, чтобы въ этомъ аду
Тебѣ не горѣть, какъ другіе.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ перевелъ также начало мистеріи Байрона: «Каинъ» (болѣе двухсотъ стиховъ). Переводъ этотъ при его жизни остался ненапечатаннымъ [1]).

Увлекаясь такими представителями новой европейской литературы, какъ Байронъ и Гейне, Водовозовъ возвращался, отъ времени до времени, и къ нѣкогда столь любимымъ имъ классикамъ: во второмъ изданіи III тома «Русской Христоматіи» Филонова (1865 г.) былъ помѣщенъ сдѣланный имъ стихотворный переводъ драмы Еврипида: «Ифигенія въ Авлидѣ», а въ «Книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи», составленной Н. Мизко (М. 1865 г.) такой же переводъ «Первой пиѳійской оды Гіерону Этнейскому», Пиндара [2]).

---

[1]) См. «Переводы въ стихахъ и оригинальные стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888.

[2]) То и другое перепечатано въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888. Для сборника Мизко В. И. сдѣлалъ сокращенный переводъ разсказа Лукіана: «Правдивая исторія».

VII.

Женитьба и путешествіе за границу въ 1862 г. — Вторники Водовозова. — Послѣдніе годы преподаванія въ гимназіи и выходъ въ отставку.—Литературная дѣятельность въ 1866-70 гг.—Публичныя лекціи о дѣтскихъ садахъ.

Въ апрѣлѣ 1862 г. Василій Ивановичъ женился на своей ученицѣ по смольному институту, Е. Н. Цевловской, и весною, по окончаніи уроковъ въ гимназіи, отправился съ женою за границу. Болѣе полутора мѣсяца Водовозовъ прожилъ въ Брюсселѣ: здѣсь онъ изучалъ бельгійскія школы, а ночью просиживалъ до поздняго часа, просматривая употребляемые въ нихъ учебники; онъ посѣщалъ также и дѣтскіе сады. Потомъ они отправились въ Лондонъ, гдѣ въ это время была всемірная выставка; поселились тамъ въ частномъ домѣ далеко отъ выставки, чтобы было подешевле. Вставалъ Вас. И-вичъ очень рано, и прежде всего отправлялся странствовать по базарамъ и улицамъ, прислушиваясь къ разговорной рѣчи и самъ заговаривая, съ кѣмъ придется. Хотя теоретически онъ хорошо зналъ англійскій языкъ, но такъ какъ прежде ему не приходилось на немъ объясняться, то его не только не понимали, но даже, случалось, — спрашивали, на какомъ языкѣ онъ говоритъ. Это, однако, его вовсе не смущало; всякое препятствіе вообще чрезвычайно возбуждало его энергію и упорство, и онъ дѣлалъ неимовѣрныя усилія, чтобы выучиться разговорному языку и правильному произношенію. Съ этою цѣлью онъ заговаривалъ и съ прохожими на улицѣ, и съ квартирной хозяйкой, и съ ея служанкой. Хозяйка познакомила его съ своей жилицей, знавшей французскій языкъ, и та предложила, чтобы ея дѣти приходили къ нему, когда онъ возвращался домой. Дѣти оказались самыми лучшими преподавателями: старшая, десятилѣтняя дѣвочка сейчасъ же вошла въ роль учительницы и болтала безъ конца; когда В. И. дурно выговаривалъ, она заставляла его чуть ли не по двадцати разъ повторять каждое слово и, оглядывая комнату, отыскивала новый предметъ, чтобы назвать его поанглійски. По совѣту матери этихъ дѣвочекъ, В. И. дѣлалъ также переводы съ англійскаго на французскій и нѣмецкій языки. Эти усидчивыя занятія привели къ тому, что къ концу третьей недѣли онъ порядочно объяснялся по англійски и могъ уже вступать въ серьезные разговоры съ англичанами о литературѣ и политикѣ. Кромѣ упражненій въ языкѣ, много времени отнимали и посѣщенія выставки, такъ что

не оказалось возможнымъ побывать въ англійскихъ школахъ. Проживъ въ Лондонѣ недѣли четыре, они отправились въ Швейцарію, и тамъ Водовозовъ, около мѣсяца, посѣщалъ элементарныя школы; отсюда съѣздили ненадолго въ Парижъ и затѣмъ возвратились въ Петербургъ [1]).

Какъ прежде, такъ и теперь, В. И. былъ всегда въ наилучшихъ отношеніяхъ со своими учениками и вообще съ молодежью. Онъ нерѣдко участвовалъ въ устройствѣ спектаклей и литературныхъ вечеровъ въ пользу бѣдныхъ студентовъ и воспитанниковъ первой гимназіи; на литературныхъ чтеніяхъ онъ всего чаще читалъ отрывки изъ своего перевода «Германіи» Гейне. Литературные вечера вошли въ такой обычай, что иногда его приглашали въ одинъ день участвовать въ двухъ мѣстахъ.

Большинство выпускныхъ учениковъ первой гимназіи пришло къ Водовозову весною 1862 г. послѣ выпуска, и тутъ же онъ пригласилъ ихъ бывать у него съ осени по вторникамъ [2]). На этихъ jours-fixes всегда было очень много молодежи. Квартирка въ Ивановской улицѣ была крошечная въ 15 руб. въ мѣсяцъ; меблировка самая жалкая, для половины гостей не хватало стульевъ, но никто не смущался: сидѣли на кроватяхъ, на подоконникахъ, на какой-нибудь шаткой табуреткѣ, вытащенной изъ кухни, пѣли хоромъ, плясали, читали, импровизировали, болтали о только-что вышедшей статьѣ, о новой повѣсти, о явленіяхъ общественной жизни. За неимѣніемъ средствъ, не было обильныхъ угощеній, за то была задушевность, господствовалъ искренній, откровенный тонъ, и многіе сознавались, что они отводятъ здѣсь душу и просили позволенія на слѣдующій разъ ввести пріятеля или пріятельницу. Прибавленіе семейства [3]) заставило перемѣнить эту квартиру на болѣе обширную, гдѣ была большая пріемная. Здѣсь перебывало много людей, и вторники посѣщались очень усердно. Нѣсколько разъ здѣсь устраивались почти формальныя литературныя чтенія съ какою-нибудь благотворительною цѣлью. Такъ какъ новая квартира только сравнительно со старою могла назваться большою, то литературно-

---

[1]) Результатомъ этой заграничной поѣздки были двѣ статьи: «Педагогическій отдѣлъ лондонской всемірной выставки» («Ж. Мин. Нар. Просв.» 1862 г., № 10), и «Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи» (ibid. №№ 8 и 10).

[2]) Нѣкоторые изъ учениковъ Водовозова бывали у него и ранѣе на вечеринкахъ, посѣщаемыхъ литераторами и педагогами.

[3]) Въ концѣ января 1863 г. у Водовозова родился сынъ Михаилъ.

музыкальные вечера происходили въ ней такимъ образомъ: изъ пріемной выносилась вся мебель, кромѣ стульевъ, число которыхъ увеличивалось, благодаря присылкѣ отъ знакомыхъ. Въ одной изъ маленькихъ комнатъ, сосѣдней съ пріемною, отворяли дверь и ставили туда фортепіано. Въ другой, также маленькой, комнатѣ собирался хоръ, для котораго не было мѣста тамъ, гдѣ находился инструментъ, и такимъ образомъ хоръ пѣлъ подъ аккомпаниментъ фортепьяно, находившагося въ другой кануркѣ. Все это не мѣшало вечерамъ у Водовозовыхъ быть очень многолюдными и оживленными, и публика единодушно заявляла, что ей особенно пріятна такая простота. Чтецы читали за столомъ, поставленнымъ на порогѣ, причемъ хору приходилось отодвигаться въ третью комнату. Чтецами бывали В. А. Слѣпцовъ, П. И. Якушкинъ, В. С. и Н. С. Курочкины, М. И. Семевскій, П. А. Гайдебуровъ и, наконецъ, самъ Водовозовъ. Всѣ эти литературно-музыкальные вечера кончались танцами, и посѣтители обыкновенно просили, если будетъ еще вечеръ, прислать побольше билетовъ, такъ-какъ желающихъ попасть на эти чтенія было чрезвычайно много.

Постоянныя сношенія Водовозова съ молодежью дали ему возможность хорошо изучить, какъ отразилось въ ней движеніе шестидесятыхъ годовъ. Въ одной своей статьѣ, написанной лѣтомъ 1885 г. и еще ненапечатанной, онъ сдѣлалъ въ высшей степени удачную характеристику тогдашняго настроенія общества въ лицѣ болѣе юныхъ его представителей, и эта характеристика прекрасно показываетъ, какъ хорошо понималъ онъ молодежь, какъ умѣлъ ей симпатизировать, и какъ до конца жизни сохранилъ горячую любовь къ молодому поколѣнію.

Описанная въ предыдущихъ главахъ разносторонняя дѣятельность Водовозова не мѣшала ему продолжать съ величайшею добросовѣстностью преподаваніе русскаго языка и литературы въ первой гимназіи. Относительно первой половины пятидесятыхъ годовъ мы привели свидѣтельство о преподаваніи Водовозова одного изъ его учениковъ, г. Авсѣенко; для разсматриваемой же эпохи мы имѣемъ воспоминанія В. Р. Щиглева, учившагося у В. И-ча въ 1858—62 гг. Упомянувъ о преподаваніи Водовозовымъ русской и славянской грамматики въ IV-мъ классѣ, г. Щиглевъ продолжаетъ: «Начиная съ этого класса и благодаря В. И-чу, мы усвоивали характерныя стороны русской рѣчи, хотя никакого «руко-

водства», никакой *казенной* книги у насъ не было... Въ V-мъ классѣ, слѣдуя программѣ, онъ долженъ былъ пройти съ нами риторику,—и онъ прошелъ ее довольно быстро, познакомивъ насъ не безъ нѣкотораго юмора съ «источниками изобрѣтенія», объяснивъ значеніе «фигуръ»... Перейдя къ всеобщей литературѣ, В. И. показывалъ намъ на примѣрахъ сущность поэзіи, прочитывалъ кое-что изъ индійскаго эпоса и, послѣдовательно очертивъ Гомера, Геродота, Софокла, Эсхила, Аристофана, Виргилія, Овидія и др., останавливался долѣе на литературѣ среднихъ вѣковъ. Онъ приносилъ въ классъ соотвѣтствующіе уроку подлинники (латинскіе, греческіе, итальянскіе, французскіе и нѣмецкіе), и прямо, изустно, переводилъ тѣ мѣста, съ которыми ему нужно было насъ познакомить. Тутъ только мы узнали, какимъ лингвистомъ былъ нашъ... учитель. Уваженіе къ нему росло... Урокъ В. И-ча всегда проходилъ безшумно. Не красно̀ говорилъ В. И., онъ и «мыкалъ», и повторялся, и зачастую крикливо произносилъ: «понимаете»?... но его всѣ какъ-то совѣстились, именно *совѣстились*, а не боялись... У него не было между воспитанниками любимцевъ... онъ ко всѣмъ относился одинаково добродушно, справедливо и по чистотѣ своей души, кажется, и не могъ знать, что̀ значитъ «придираться» къ ученику, зудить надъ нимъ, какъ дѣлали другіе педагоги, и этимъ сами развивали въ юношѣ скверное чувство мстительности... Понятно, почему всѣ гимназисты уважали Василія Ивановича... Сколько я помню, никому изъ самыхъ заядлыхъ Митрофановъ и въ голову не могло придти смѣшливо говорить о Водовозовѣ. Въ томъ-то и дѣло, что всѣ невольно чуяли въ В. И-чѣ прежде всего *хорошаго человѣка* и потомъ—*хорошаго учителя*... Много запало тогда хорошаго, человѣческаго, въ молодую душу! А что̀ еще дремало изъ этого хорошаго, человѣческаго на днѣ души, то начинало пробуждаться и рости подъ животворными лучами свѣта, которымъ свѣтилось все существо Василія Ивановича» [1])... Справедливость всего сказаннаго г. Щиглевымъ могу подтвердить и я, какъ ученикъ В. И-ча въ 1863—66 гг. Останавливаться подробнѣе на его преподаваніи я не нахожу нужнымъ, такъ какъ онъ слѣдовалъ въ немъ тому плану и тѣмъ принципамъ, кото̀рые были изложены въ разсмотрѣнныхъ уже его педагогическихъ статьяхъ.

---

[1]) «Русская Старина» 1886 г., № 11, стр. 405—409.

Въ февралѣ 1865 г. администрація с.-петербургскаго округа предписала произвести ревизію учебной части въ первой, второй, ларинской и седьмой гимназіяхъ, въ IV, V и VI-мъ классахъ. Ревизорами по русскому языку и словесности въ первой гимназіи были назначены: членъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія А. Д. Галаховъ и бывшій директоръ училищъ петербургской губерніи Шафрановъ. Они заставляли учениковъ IV-го класса писать подъ диктовку, въ V-мъ классѣ—излагать содержаніе выбраннаго ревизорами стихотворенія, въ VI-мъ ученики представляли сочиненія на данныя темы, преимущественно на русскія пословицы. По окончаніи ревизіи была издана попечителемъ округа оффиціальная брошюра, излагающая ея результаты. Изъ нея видно, что ревизоры остались, во-первыхъ, недовольны орѳографіею учениковъ первой гимназіи (также какъ второй и седьмой, гдѣ производили ревизію по русскому языку тѣ же лица); что касается умѣнія перелагать стихи въ прозу и составлять самостоятельныя сочиненія, а также и устныхъ отвѣтовъ, то всѣмъ этимъ ревизоры указанныхъ трехъ гимназій были неудовлетворены, но въ оффиціальной брошюрѣ, изданной администраціею округа [1]), мы находимъ лишь общую характеристику недостатковъ преподаванія, въ этомъ отношеніи, въ указанныхъ трехъ гимназіяхъ, а не въ каждой изъ нихъ отдѣльно; но что и первая гимназія вызвала недовольство ревизоровъ, видно изъ того, что она не выдѣлена изъ числа другихъ. Между тѣмъ отмѣтки, поставленныя всѣмъ воспитанникамъ первой гимназіи, спрошеннымъ ревизорами, приводятъ вовсе не къ такому печальному выводу. Изъ оффиціальной исторіи первой гимназіи мы узнаемъ [2]), что изъ всѣхъ учениковъ, спрошенныхъ во время ревизіи въ IV—VI классахъ по русскому языку и словесности, удовлетворительныя отмѣтки получили 73% и неудовлетворительныя 27%. Если принять во вниманіе, что ревизія произведена была внезапно, и что ученики вовсе не приготовлялись къ устнымъ отвѣтамъ [3]), то нельзя не при-

---

[1]) «Ревизія с.-петербургскихъ гимназій первой, второй, ларинской и седьмой, произведенная въ 1865 г.» Спб. 1865 г.

[2]) *Д. Соловьевъ.* «Пятидесятилѣтіе с.-петербургской первой гимназіи». Спб. 1880 г., стр. 341—42.

[3]) Мы помнимъ очень хорошо, что преподаваніе въ это время шло своимъ чередомъ, и приходилось не приготовляться къ отвѣту ревизорамъ по всему курсу, а учить текущіе уроки.

знать результатъ ревизіи по русскому языку удовлетворительнымъ, а если сравнить отмѣтки по русскому языку и по другимъ предметамъ, то мы найдемъ его еще болѣе утѣшительнымъ. Въ то время, какъ по русскому языку и словесности удовлетворительныя отмѣтки получили 73% спрошенныхъ учениковъ, только въ трехъ предметахъ количество удовлетворительно-отвѣчавшихъ было болѣе: по закону Божію 82%, по нѣмецкому языку 78 и по французскому — 76%; по всѣмъ же остальнымъ предметамъ количество удовлетворительныхъ отмѣтокъ въ первой гимназіи менѣе чѣмъ по русскому языку и словесности, а именно: по математикѣ 71%, физикѣ 70, исторіи 64, географіи 47 и латинскому языку 46%. На основаніи этихъ цифръ, мы можемъ весьма скептически отнестись къ оффиціальнымъ осужденіямъ гг. ревизоровъ и даже предполагать, что «умыселъ другой тутъ былъ». На эту мысль наводятъ нѣкоторыя мѣста оффиціальнаго отчета администраціи округа, въ которомъ всего болѣе вниманія удѣлено преподаванію русскаго языка и словесности. Здѣсь мы читаемъ: «было бы несправедливо одобрить» и то, сказано по поводу стихотвореній, выученныхъ воспитанниками *по собственному желанію* или по приказанію преподавателя, «что многіе гимназисты, избѣгая Пушкина, пристрастны къ Некрасову, сочиненія котораго «Забытая Деревня», «Пѣснь о Еремушкѣ» и др. выучены ими наизусть. Нѣтъ спора, что Некрасовъ — замѣчательный сатирикъ нашего времени и, какъ таковой, займетъ должное ему мѣсто въ исторіи русской литературы. Но въ V и VI классахъ проходится не исторія литературы, которая въ строгомъ смыслѣ этого слова и не умѣстна въ гимназіяхъ, а теорія прозы и поэзіи. При объясненіяхъ сущности того или другаго отдѣла сочиненій, не только нѣтъ надобности, но и положительно вредно питать юношество ироніей и сатирой или передавать ему политическія и общественныя идеи, до которыхъ ему нѣтъ дѣла, точно такъ же какъ и имъ до него (?)... Что сказано объ ироніи и сатирѣ, въ извѣстной степени прилагается и къ критикѣ. Просматривая классныя тетради одного ученика 5 класса *1 гимназіи*, ревизоры нашли между прочимъ выписки изъ «Писемъ русскаго путешественника», съ указаніемъ погрѣшностей въ мысляхъ, чувствахъ и рѣчи автора, т. е. Карамзина. При сличеніи лѣтописи Нестора съ «Исторіей государства россійскаго», Карамзинъ снова критикуется и съ точки зрѣнія исторической, и съ точки

зрѣнія стилистической. Такая оцѣнка, произносимая школьникомъ съ голоса ли учителя, или по своему собственному разумѣнію, слишкомъ преждевременна. Ему нужны не отрицательные, а положительные примѣры, не уклоненіе отъ законовъ и правилъ, а законные, правильные образцы, не погрѣшности, а достоинства. Едва сдѣлавъ первые шаги въ наукѣ, ничего почти не читавъ, слабый въ теоріи и практикѣ, онъ вдругъ пріучается судить и рядить о такомъ писателѣ, какъ Карамзинъ»... (стр. 37 — 38). Для объясненія этихъ словъ нужно замѣтить, что гг. Галаховъ и Шафрановъ брали у нѣкоторыхъ воспитанниковъ ихъ черновыя замѣтки за учителемъ, этимъ послѣднимъ невыправленныя, и выуживали оттуда несимпатичные для нихъ отзывы, съ торжествомъ отмѣчая при этомъ и попадавшіяся орѳографическія ошибки учениковъ. Критическія замѣчанія относительно «Писемъ русскаго путешественника» и «Исторіи государства россійскаго» Карамзина были дѣйствительно сдѣланы Водовозовымъ, но вовсе не для того, разумѣется, чтобы умалять его великое значеніе, а чтобы указать на различіе современныхъ требованій относительно содержанія и формы сочиненій отъ тѣхъ, которыя предъявлялись писателямъ въ концѣ XVIII и первой четверти XIX вѣка. Въ курсѣ литературы Водовозовъ, конечно, воздавалъ Карамзину все должное, хотя и не сводилъ преподаванія исторіи русской литературы на изученіе только Карамзина и Жуковскаго, какъ это дѣлали нѣкоторые особенно рекомендуемые начальствомъ преподаватели русскаго языка и словесности во второй половинѣ семидесятыхъ годовъ.

Послѣ изложенія тѣхъ выводовъ, къ которымъ пришли ревизоры, авторъ оффиціальной записки говоритъ: «Многіе преподаватели задаются слишкомъ обширными программами и планами. Они воображаютъ себѣ, что читаютъ лекціи въ университетѣ, совершенно забывая, что передъ ними молодые люди, плохо знающіе или почти вовсе не знающіе первыхъ основаній языка и науки. Это замѣчаніе болѣе всего относится къ преподавателямъ русской словесности. Передъ мальчиками, дѣлающими самыя грубыя ошибки въ правописаніи, не умѣющими правильно связать двѣ мысли, они толкуютъ о значеніи Маколея, Бокля, о недостаткахъ Карамзина, Пушкина, объ индуктивномъ и дедуктивномъ методахъ, о синтезѣ и анализѣ, обоюдной между ними зависимости и т. д. Эти господа весьма часто учатъ всему или

очень многому, за исключеніемъ того, для чего они приглашены въ гимназію, т.-е. русскаго языка. Они въ особенности считаютъ себя обязанными налегать на развитіе въ ученикахъ критической способности и забываютъ при этомъ, что критика есть результатъ самаго обстоятельнаго знанія, и что образцы изящныхъ произведеній первоклассныхъ писателей не могутъ подлежать критической оцѣнкѣ юношей, не достигшихъ 18 лѣтъ, неопытныхъ и не усвоившихъ себѣ даже этимологіи... При томъ, критика въ томъ видѣ, въ какомъ она является въ урокахъ русской словесности, преимущественно и, такъ сказать, съ особенною любовью останавливается на произведеніяхъ современной литературы, которой преобладающее стремленіе состоитъ въ изображеніи отрицательной стороны человѣческой природы. Чего же ожидать отъ 17-ти-лѣтняго юноши, вскормленнаго, можетъ быть, въ чистой атмосферѣ нормальнаго семейнаго быта, если оффиціально, подъ авторитетомъ училища, его заставляютъ знакомиться со всею грязью болѣзненной соціальной обстановки и съ отвратительными порожденіями развращенной нравственности?»

Изъ этой цитаты ясно, какой «умыселъ» былъ у гг. ревизоровъ. Преподаваніе Водовозова, какъ ни старались представить его въ ложномъ свѣтѣ, сопровождалось, какъ видно изъ отмѣтокъ самихъ ревизоровъ, успѣхами вполнѣ удовлетворительными, но начальству, очевидно, не нравилось направленіе этого преподаванія. Дѣйствительно, Водовозову случалось говорить на лекціяхъ въ старшихъ классахъ объ индукціи и дедукціи, синтезѣ и анализѣ, — въ этомъ онъ повиненъ, хотя, казалось бы, учитель словесности обязанъ познакомить своихъ учениковъ съ этими терминами. Водовозовъ заботился о томъ, чтобы ученики со смысломъ читали русскихъ авторовъ, а не заучивали только кратенькія характеристики, сдѣланныя учителемъ, какъ это практиковалось другими; но Водовозовъ вовсе не превращалъ своихъ уроковъ въ университетскія лекціи, напротивъ, онъ много упражнялъ учениковъ и въ устныхъ отвѣтахъ, и въ письменныхъ работахъ (конспектахъ, сочиненіяхъ и проч.), и еще менѣе, конечно, думалъ знакомить учениковъ «съ отвратительными порожденіями современной нравственности», если не разумѣть подъ этимъ какое-нибудь невинное стихотвореніе Некрасова; подробное же изученіе сочиненій Некрасова вовсе не вхо-

дило въ его курсъ исторіи литературы (въ нашемъ VII-мъ классѣ онъ закончилъ свой курсъ Гоголемъ).

Читая въ настоящее время всѣ эти обвиненія противъ учителей словесности въ четырехъ гимназіяхъ, невольно удивляешься тому, что находили возможнымъ такъ много словъ «тратить по пустому», гдѣ въ другія времена очень быстро рѣшили бы «власть употребить». Но дѣло въ томъ, что тогда во главѣ министерства еще стоялъ А. В. Головнинъ, отличавшійся, какъ мы уже видѣли, большою широтою взгляда, и пока онъ руководилъ министерствомъ народнаго просвѣщенія, Водовозову нечего было опасаться да и не въ его характерѣ было чего-нибудь бояться: онъ никогда не произносилъ на лекціяхъ никакихъ «либеральныхъ» фразъ, съ величайшею скромностью дѣлалъ свое дѣло, но за то не было той силы въ мірѣ, которая могла бы заставить его вести это дѣло не такъ, какъ предписывала ему совѣсть. Лучшимъ доказательствомъ сказаннаго служитъ то, что въ концѣ того же 1865 г., когда произведена была ревизія и напечатана указанная записка попечителя, Водовозовъ прочелъ въ педагогическомъ собраніи рефератъ противъ классической системы образованія, которая хотя и не въ крайней ея формѣ, была принята, какъ мы видѣли, уставомъ 1864 г. Но А. В. Головнинъ менѣе пяти лѣтъ занималъ мѣсто министра народнаго просвѣщенія. Послѣ 4 Апрѣля 1866 г. направленіе внутренней политики правительства рѣзко измѣнилось, и уже 14 Апрѣля Головнинъ оставилъ свой постъ. 13 Мая на имя предсѣдателя комитета министровъ послѣдовалъ Высочайшій рескриптъ, въ которомъ выражена была воля Государя Императора, «чтобы воспитаніе юношества было направляемо въ духѣ истинъ религіи, уваженія къ правамъ собственности и соблюденія началъ общественнаго порядка, и чтобы въ учебныхъ заведеніяхъ всѣхъ вѣдомствъ не было допускаемо ни явное, ни тайное проповѣданіе тѣхъ разрушительныхъ понятій, которыя одинаково враждебны всѣмъ условіямъ нравственнаго и матеріальнаго благосостоянія народа». Въ циркулярѣ 1-го Іюня того же года, при которомъ былъ препровожденъ этотъ рескриптъ, министръ народнаго просвѣщенія указалъ, что примѣръ уваженія къ закону и преданности правительству учащіеся должны почерпать въ стѣнахъ заведенія. Понятно, что преподаватели, которыхъ не задолго передъ тѣмъ обвиняли, хотя и совершенно несправедливо, въ распространеніи «либеральныхъ со-

физмовъ» (выраженіе оффиціальной брошюры, изданной по поводу ревизіи 1865 г.), которымъ ставили въ вину развитіе въ ученикахъ духа критическаго анализа, хотя бы и по отношенію только къ произведеніямъ литературы, должны были опасаться за свою участь, но совѣсть Вас. И-ча была совершенно чиста, и онъ и не подозрѣвалъ нависшей надъ нимъ грозы, хотя за нимъ водилась и такая вина, какъ рѣзкая борьба съ классическою системою образованія, которую теперь рѣшено было проводить самымъ энергическимъ образомъ.

Въ это время мы, воспитанники VII-го, тогда послѣдняго, класса первой гимназіи, сдавали выпускные экзамены. Разставаясь съ гимназіею, мы задумали почтить какимъ-либо знакомъ уваженія того единственнаго преподавателя, котораго мы не только считали прекраснымъ учителемъ, но и горячо любили, какъ человѣка. У насъ были и другіе хорошіе и добросовѣстные преподаватели (напримѣръ, математики, латинскаго и нѣмецкаго языковъ), но мы знали, что вполнѣ гуманно къ намъ относится только Вас. И—чъ, что только онъ одинъ замолвитъ слово въ педагогическомъ совѣтѣ за каждаго попавшаго въ бѣду, что онъ одинъ готовъ оказать намъ всевозможное содѣйствіе, какъ въ научныхъ занятіяхъ, такъ и въ разныхъ житейскихъ нуждахъ. И вотъ рѣшено было тѣмъ или инымъ способомъ выразить наше сочувствіе этому дорогому учителю. По подпискѣ между воспитанниками старшихъ классовъ собрана была значительная сумма, но мысль поднести какой-нибудь кубокъ или что-либо подобное была отвергнута, и рѣшено было составить маленькую библіотечку изъ книгъ, необходимыхъ для В. И. и, какъ мы узнали, не имѣющихся въ его библіотекѣ. Книги уже были закуплены и даже переплетены, но Василій Ивановичъ, услышавъ объ этомъ, сказалъ, что онъ достаточно вознагражденъ уже однимъ желаніемъ его учениковъ выразить ему свое расположеніе, и отъ подарка отказался. Книги были раздѣлены между участвовавшими въ подпискѣ.

Весною 1866 г. Водовозовъ и его жена твердо надѣялись на поправленіе своихъ средствъ, которыя все же были далеко не въ блистательномъ состояніи. Женѣ его было обѣщано съ осени мѣсто въ образцовомъ пріютѣ вел. кн. Александры Петровны. Они переѣхали даже на другую квартиру, въ Коломнѣ, чтобы было поближе ходить на службу [1]). На

[1]) Кромѣ мѣста въ первой гимназіи, у В. И—ча, были уроки въ Константиновскомъ и Аудиторскомъ училищахъ.

лѣто Водовозовъ уѣхалъ съ женою въ деревню къ ея матери, съ надеждами на улучшеніе матеріальныхъ средствъ. Прожили въ деревнѣ до начала августа. На другой день по возвращеніи въ Петербургъ, В. И. узналъ, что онъ уволенъ изъ гимназіи, а женѣ его объявили, что она не получитъ обѣщаннаго мѣста.

Водовозовъ, впрочемъ, не пришелъ еще въ отчаяніе, такъ какъ надѣялся на частные уроки; въ прежніе годы ему приходилось даже отъ нихъ отказываться, но въ эту зиму и частныхъ уроковъ было очень немного, а на слѣдующій годъ и еще того меньше. Уроки въ Константиновскомъ училищѣ, гдѣ В. И. руководилъ воспитанниковъ въ переводахъ съ французскаго и нѣмецкаго языковъ, продолжались не долго (если только и они не прекратились въ 1866 г.), а изъ аудиторскаго училища, гдѣ Водовозовъ преподавалъ литературу и психологію, его также вытѣснилъ въ 1868 г., если и менѣе опытный, то за то болѣе ловкій въ сношеніяхъ съ начальствомъ преподаватель. Приходилось, такимъ образомъ, все это время перебиваться съ большимъ трудомъ, тѣмъ болѣе, что второй сынъ В. И—ча былъ крайне больной ребенокъ, и постоянно требовались деньги на докторовъ и дорогія лекарства, а платной работы было чрезвычайно мало. Все, что мало-мальски поцѣннѣе, небольшія золотыя и серебрянныя вещицы,—все было продано; работа была чисто случайная: то Водовозовъ получитъ кое-что за статью въ «Учителѣ», то жена принесетъ вознагражденіе за свой литературный трудъ, но всего этого было слишкомъ недостаточно. Когда попадалась работа на 150 — 200 рублей, эти деньги немедленно исчезали въ уплату по лавкамъ, и затѣмъ приходилось снова сидѣть безъ гроша до слѣдующей получки, до новой работы. Въ видѣ отдѣльныхъ книгъ до тѣхъ поръ Водовозовъ издалъ лишь «Разсказы изъ русской исторіи» (вып. 1 и 2), и затѣмъ весною 1866 г. вышла въ свѣтъ «Новая русская литература». Всѣ эти книги, вслѣдствіе своей дешевизны, приносили самый ничтожный доходъ, который къ тому же приходилось получать по грошамъ. Изданіе «Новой русской литературы» обременило Водовозова долгомъ въ 1.000 р. при самыхъ тяжелыхъ матеріальныхъ обстоятельствахъ. Къ счастью Водовозовъ встрѣтилъ въ типографѣ Ф. С. Сущинскомъ, съ которымъ имѣлъ дѣла, самаго добраго и деликатнаго человѣка. Случилось такъ, что какъ разъ послѣ удаленія изъ гимназіи, не зная, въ какомъ положеніи

находится Водовозовъ, Сущинскій пришелъ къ нему получить деньги за печатавшуюся у него «Новую русскую литературу». Водовозовъ откровенно сказалъ, что ему не только не чѣмъ расплатиться въ настоящую минуту, но что даже онъ не знаетъ, когда будетъ въ состояніи это сдѣлать. Ф. С. Сущинскій отнесся съ величайшимъ сочувствіемъ къ постигшему Водовозова несчастію и сказалъ, чтобы онъ никогда не думалъ о долгѣ и выплатилъ его лишь тогда, когда будетъ въ лучшемъ положеніи. Понятно, что до самой смерти Водовозовъ печаталъ свои книги въ типографіи Ф. С. Сущинскаго [1]).

Такъ какъ частные уроки оказывались слишкомъ ненадежнымъ средствомъ для существованія, то главную надежду пришлось возложить на литературно-педагогическіе труды. Въ 1866 г., еще до выхода въ отставку, Водовозовъ издалъ «Новую русскую литературу (отъ Жуковскаго до Гоголя включительно)». Книга эта содержитъ въ себѣ критическіе обзоры литературной дѣятельности Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина, Грибоѣдова, Лермонтова, Кольцова и Гоголя. Авторъ характеризуетъ этихъ писателей по ихъ сочиненіямъ, почему и разсказываетъ подробно, съ объясненіями, содержаніе всѣхъ главнѣйшихъ произведеній, чтобы пріучить читать болѣе внимательно и останавливаться на самыхъ существенныхъ чертахъ того или другого сочиненія. Авторъ не предполагалъ написать научный трудъ; цѣлью его было критическое ознакомленіе, какъ учащихся, такъ и вообще людей, недостаточно еще изучившихъ новую литературу, съ классическими произведеніями названныхъ выше писателей. При составленіи «Новой русской литературы» Водовозовъ не претендовалъ на то, чтобы сказать новое слово о разсматриваемыхъ имъ писателяхъ, но онъ стоялъ на высотѣ современной критики, и въ то же время трудъ его — не компиляція, а результатъ самостоятельнаго, добросовѣстнаго изученія. Книга его отвѣчала настоятельной потребности, такъ какъ въ ней можно было найти въ связномъ изложеніи то, что́ пришлось бы иначе разыскивать въ массѣ критическихъ

---

[1]) Насколько тяжело было матеріальное положеніе Водовозова въ эти годы, видно изъ слѣдующаго примѣра: когда глубокоуважаемый В. И—чемъ, В. Я. Стоюнинъ, также вынужденный покинуть преподаваніе русской словесности въ третьей гимназіи, переѣзжалъ въ Москву, и петербургскіе педагоги устроивали ему прощальный обѣдъ, Водовозовъ не могъ принять въ немъ участія, потому что по цѣнѣ онъ былъ для него недоступенъ.

трудовъ различныхъ авторовъ, начиная съ Бѣлинскаго [1]). Публика съумѣла оцѣнить эту книгу, и въ 1886 г. появилось пятое ея изданіе [2]).

Еще въ 1864—66 гг. въ «Педагогическомъ Сборникѣ», издаваемомъ при главномъ управленіи военно-учебныхъ заведеній, стали печататься статьи Водовозова, подъ заглавіемъ: «Занятія русскою словесностью съ воспитанниками средняго возраста»; въ 1868 г. онѣ вошли въ составъ отдѣльной книги, подъ заглавіемъ: «Словесность въ образцахъ и разборахъ съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ прозы и поэзіи». Здѣсь Водовозовъ показываетъ, какъ слѣдуетъ практически примѣнять тѣ идеи о преподаваніи теоріи прозы и поэзіи, которыя онъ высказалъ еще въ 1859 г. въ «Русскомъ словѣ», въ статьѣ: «Существуетъ ли теорія словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе», и которыми онъ постоянно руководился въ своемъ преподаваніи въ первой гимназіи, въ Смольномъ институтѣ и на частныхъ урокахъ. Книга эта встрѣтила самый радушный пріемъ со стороны лучшихъ органовъ русской журналистики. Въ «Отечественныхъ Запискахъ» [3]) по поводу этой книги говорилось: «г. Водовозовъ давно уже пріобрѣлъ себѣ почетную извѣстность въ нашемъ педагогическомъ мірѣ, а сочиненія его пользуются заслуженнымъ успѣхомъ въ нашей учебной литера-

---

[1]) Авторъ рецензіи на эту книгу въ газетѣ «Голосъ» (1866 г. № 232) признаетъ, что монографіи, въ нее вошедшіе, «составлены очень внимательно, съ знаніемъ дѣла»; особенно нравится ему глава о Крыловѣ: это, по его словамъ, «одна изъ лучшихъ статей о Крыловѣ, какія существуютъ въ нашей литературѣ». Со взглядами Водовозова на Пушкина и Лермонтова рецензентъ во многомъ не согласенъ, однако въ заключеніе онъ говоритъ: «Мы рекомендуемъ книгу Водовозова, какъ полезное чтеніе для всѣхъ, интересующихся исторіею нашей литературы. Статьи о Батюшковѣ, Кольцовѣ и Крыловѣ отличаются несомнѣнными достоинствами; замѣтки автора часто очень вѣрны и бойки, обличаютъ короткое знакомство съ предметомъ и значительную начитанность; изложеніе легкое и живое; языкъ правильный и вполнѣ приличный предмету. Мы увѣрены, что это сочиненіе не останется незамѣченнымъ какъ въ читающей публикѣ, такъ и между тѣми, кто нуждается въ пособіи при изученіи исторіи русской литературы».—Въ 1870 г. появилось его второе, дополненное изданіе, вызвавшее въ высшей степени лестный отзывъ въ «Русской Старинѣ» (1871 г. № 1).

[2]) Во второй половинѣ шестидесятыхъ годовъ В. И. довольно много работалъ въ журналѣ «Учитель», который тогда редактировалъ Резенеръ. Здѣсь появились слѣдующія статьи Водовозова: «Имена уменьшительныя и ласкательныя, увеличительныя и уничижительныя», «Формы предложеній въ русскомъ народномъ языкѣ», «Разборы для упражненія въ языкѣ въ младшемъ возрастѣ» (1866 г.); довольно большая работа: «Поэтическіе образы въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ» (1867 г.) и проч.

[3]) Томъ 176, 1868 г., № 1.

турѣ. По складу своего ума г. Водовозовъ болѣе аналитикъ, чѣмъ синтетикъ... Онъ любитъ нерѣдко останавливаться на мелочахъ, входитъ иногда въ подробности, повидимому, вовсе ненужныя. Это по мѣстамъ дѣлаетъ его сочиненія нѣсколько растянутыми и вялыми. Нельзя сказать, чтобы этого недостатка былъ вполнѣ чуждъ и новый его трудъ. Есть растянутости, есть подробности, на нашъ взглядъ вовсе ненужныя, особенно, если примемъ во вниманіе то, что этотъ трудъ назначается самимъ г. Водовозовымъ для преподавателей, а не для учениковъ. Но вообще слишкомъ дробный анализъ въ сочиненіяхъ г. Водовозова не только не недостатокъ, а положительное достоинство, имѣющее въ основѣ своей то весьма резонное убѣжденіе автора, что только самый строгій, отчетливый и по возможности всесторонній анализъ каждаго встрѣчающагося ученику новаго явленія можетъ развить и пробудить въ немъ самомъ самостоятельную мысль, вооружить эту мысль тонкою дистинкціею дурного и хорошаго, сдѣлать ее чуткою къ каждой фальши... Такой пріемъ г. Водовозова есть истинный кладъ для нашихъ учебныхъ заведеній, гдѣ, и у учителей, и у учениковъ, еще доселѣ царитъ прежнихъ временъ блаженная привычка познавать все гуртомъ, по верхамъ, кое-какъ, по-казацки. Другое неоспоримое достоинство сочиненій г. Водовозова, въ особенности тѣхъ, которыя относятся къ словесности и поэзіи, это трезвый взглядъ ихъ на словесныя и поэтическія произведенія и строгая выдержанность этого взгляда во всѣхъ его частныхъ примѣненіяхъ къ различнымъ явленіямъ прозы и поэзіи... Г. Водовозовъ и поэзію, и поэтовъ подчиняетъ тѣмъ же разумнымъ требованіямъ, которыя обязательны для всѣхъ простыхъ смертныхъ, и насчетъ исполненія ими этихъ требованій неумолимо строгъ. Для него ничего не значитъ ни авторитетъ, ни имя, ни слава. Въ каждомъ поэтическомъ произведеніи онъ ищетъ прежде всего мысли, достоинство же мысли оцѣниваетъ по мѣрѣ той или другой полезности ея въ дѣлѣ общаго развитія. Г. Водовозова ничѣмъ не подкупишь—ни легкимъ, плавнымъ стихомъ, ни звонкою риѳмою, ни обиліемъ остроумія, ни игривостью и шаловливостью фантазіи; онъ остается ко всему безчувственъ, если въ стихахъ нѣтъ разумнаго содержанія». Въ журналѣ «Дѣло» также очень сочувственно отнеслись къ «Словесности» Водовозова: «г. Водовозовъ... составляетъ рѣшительное исключеніе изъ числа современныхъ педагоговъ. Онъ твердо вѣруетъ въ не-

обходимость умственнаго развитія, нашего юношества,—развитія, основаннаго не на внѣшнемъ благонравіи школы, а на свободномъ и раціональномъ ея устройствѣ, и работаетъ, не обращая вниманія ни на какія обстоятельства. Въ то время, когда мнѣнія педагоговъ рѣшительно склонялись на сторону классицизма, онъ въ педагогическомъ собраніи подымаетъ вопросъ о преимуществѣ реальнаго направленія передъ классическимъ. Затѣмъ онъ издаетъ прекрасный курсъ русской литературы отъ Жуковскаго до Гоголя; теперь выпустилъ въ свѣтъ: «Словесность въ образцахъ и разборахъ», гдѣ требуетъ отъ поэта реальнаго направленія, и гдѣ художественное значеніе каждаго произведенія ставитъ въ зависимость отъ его нравственнаго и общественнаго смысла» [1]). Эта книга выдержала четыре изданія [2]).

Въ 1867 или 1868 г. крайняя нужда заставила Водовозова взяться за работу не только плохо вознаграждаемую, но не приносящую даже того утѣшенія, что всякое новое печатное произведеніе увеличиваетъ извѣстность автора. Дѣло въ томъ, что г. Паульсонъ, задумавъ изданіе своей «Первой учебной книжки», предложилъ Водовозову написать для нея или передѣлать съ нѣмецкаго цѣлый рядъ стихотвореній. Водовозовъ доставилъ ему около 30 стихотвореній, болѣе двухъ третей которыхъ, безъ упоминанія его имени, было помѣщено въ «Первой учебной книжкѣ» г. Паульсона (1-ое изданіе вышло въ 1868 г.), а остальныя, нѣсколько позднѣе, во «Второй учебной книжкѣ» (1-ое изд. 1876 г.). Сравнивая «Первую учебную книжку» Паульсона съ черновыми рукописями стихотвореній Водовозова, мы насчитали принадлежащихъ его перу и сохранившихся въ рукописи 22 [3]). Если даже предположить, что это всѣ стихотворенія, написанныя для «Первой учебной книжки» г. Паульсона,—а есть основаніе думать, что ихъ было нѣсколько болѣе, — то слѣдовательно изъ 34 стихотвореній, впервые напечатанныхъ въ этой книгѣ, *двѣ трети* принадлежатъ перу Водовозова. Вотъ

---

[1]) «Дѣло», 1868 г., № 3.

[2]) Въ томъ же 1868 г. появился новый трудъ Водовозова: «Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго, церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго». Книга эта выдержала три изданія.

[3]) «Первая учебная книжка» Паульсона, изд. 1886 г., №№ 17, 19, 30, 34, 35, 42, 69, 71, 75, 82, 85, 99, 100, 104, 105, 106, 108, 113, 122, 124, 128, 131. Во «Второй учебной книжкѣ» №№ 67, 94, 103, 189.

кому въ значительной степени обязанъ г. Паульсонъ успѣхомъ своей книги! [1]).

Въ журналѣ «Народная Школа» 1869 — 70 г. Водовозовъ напечаталъ: «Разсказы о томъ, что̀ у насъ сохранилось по народной памяти и по грамотѣ», гдѣ, въ самомъ простомъ и удобопонятномъ изложеніи, авторъ представилъ очеркъ русской народной литературы, который въ 1870 году былъ изданъ и отдѣльною книжечкою.

Въ декабрѣ 1869 г. Водовозовъ былъ приглашенъ прочесть три публичныя лекціи о дѣтскихъ садахъ, въ залѣ русскаго купеческаго общества для взаимнаго вспоможенія. Предметомъ этимъ Вас. И—чъ занимался давно и изучалъ дѣтскіе сады на ихъ родинѣ, въ Германіи; онъ первый заговорилъ о нихъ въ нашей литературѣ [2]). Относясь въ принципѣ весьма сочувственно къ идеѣ дѣтскихъ садовъ, Водовозовъ еще тогда предостерегалъ противъ излишняго педантизма въ этомъ дѣлѣ [3]). Дѣтскихъ садовъ Водовозовъ касался и въ другихъ статьяхъ, нѣсколько позднѣе [4]). Такимъ образомъ Водовозовъ имѣлъ полное право выступить передъ публикою лекторомъ по этому предмету. 9-го декабря было первое чтеніе, о которомъ въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» одинъ изъ присутствовавшихъ далъ слѣдующій отзывъ: «Вчера, 9-го декабря, въ залѣ прикащичьяго клуба, при собраніи многочисленной публики, В. И. Водовозовъ открылъ рядъ своихъ чтеній о педагогическомъ значеніи дѣтскихъ садовъ. Лекція имѣла положительный успѣхъ, и слушатели благодарили оратора громкими рукоплесканіями. Публика состояла едва-ли не на половину изъ дамъ. Ораторъ

---

[1]) Въ «Отечественныхъ Запискахъ» (1869 г., № 1 и 1870 г., № 3) Водовозовъ напечаталъ «Обзоръ книгъ и руководствъ для общаго образованія»; здѣсь онъ успѣлъ сдѣлать обзоръ только сочиненій по естественной исторіи.

[2]) Въ статьяхъ «Заграничныя письма», въ «Журналѣ для воспитанія» 1857 г., №№ 8 и 9; въ одномъ изъ «Писемъ изъ-за границы» въ «Библ. для Чтен.» 1857 г., т. 144, и «Дѣтскіе сады въ Германіи» въ «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1857 г., № 10.

[3]) «Въ Германіи, — говоритъ онъ, — сколько могъ я замѣтить, соблюдаютъ слишкомъ уже строгую систему въ дѣтскихъ играхъ, заставляя малютокъ долго сидѣть и распѣвать все однѣ и тѣ же пѣсни надъ какою-нибудь сложенною фигуркой. Мысль этого сидѣнія, кажется, состоитъ въ томъ, чтобы утвердить въ памяти урокъ; но оно видимо наскучаетъ дѣтямъ своимъ однообразіемъ, и при томъ дѣятельность ихъ развивается тутъ не свободно, а все съ логической указкой. Это... какъ мнѣ кажется, важный недостатокъ».

[4]) См. «Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи» (Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г., № 8) и «Педагогическій отдѣлъ лондонской всемірной выставки» (ibid № 10).

началъ съ того, что̀ именно слѣдуетъ разумѣть подъ словомъ «дѣтскій садъ»; привелъ тѣ нападки, которые у насъ обыкновенно дѣлаются на это учрежденіе со стороны лицъ, не имѣвшихъ случая ознакомиться съ новѣйшею педагогическою литературою, и выяснилъ, что цѣлью своихъ чтеній онъ поставилъ: поколебать существующіе въ этомъ отношеніи предразсудки и возстановить довѣріе къ общественному «дѣтскому саду»; для той же массы слушателей, которая останется при своемъ прежнемъ убѣжденіи о неудобопримѣнимости этого нѣмецкаго учрежденія на петербургской почвѣ для бѣдныхъ дѣтей отъ 3 до 7-лѣтняго возраста, г. Водовозовъ указываетъ практическія мѣры возможно болѣе дешевой организаціи цѣлесообразныхъ дѣтскихъ игръ дома... Въ теченіе своей первой бесѣды онъ старался объяснить, что «сады» явились за границей не случайно, но были лишь естественнымъ продуктомъ того движенія умовъ, которое въ прошломъ столѣтіи, послѣ продолжительнаго, многовѣковаго сна, повело человѣчество къ пробужденію, къ обновленію жизни... Г. Водовозовъ остановилъ вниманіе аудиторіи на нѣсколькихъ подробностяхъ жизни Песталоцци и Фребеля (особенно мастерскою вышла у него біографія Песталоцци), подробно развилъ главнѣйшую сущность ихъ идей о воспитаніи и заключилъ свое интересное сообщеніе разборомъ вопроса: «слѣдуетъ ли «учить» трехлѣтнихъ дѣтей?» По окончаніи лекціи, ораторъ предложилъ вниманію собравшихся маленькую выставку различныхъ игрушекъ, сфабрикованныхъ пяти-семи-лѣтними дѣтьми во время занятій въ дѣтскомъ саду». Въ другой газетѣ было сказано о лекціи Водовозова, что «выборъ предмета чтеній заслуживаетъ полнаго одобренія и по важности, и по современности затрогиваемаго дѣла», такъ какъ сознаніе полезности «этого прекраснаго учрежденія не проникло въ ту массу публики, для которой дѣтскіе сады могли бы быть особенно полезными», т.-е. въ «классъ людей не настолько достаточный, чтобы имѣть возможность обставить свое молодое поколѣніе хорошими домашними воспитательницами или воспитателями, а потому наиболѣе нуждающійся въ томъ именно важномъ подспорьѣ, которое и представляется дѣтскимъ садомъ».

Около 1870 г. Водовозовъ читалъ также лекціи русской литературы на такъ-называемыхъ аларчинскихъ [1]) курсахъ,

[1]) При пятой мужской гимназіи у Аларчина моста.

устроенныхъ кружкомъ педагоговъ, съ цѣлью подготовлять слушательницъ къ профессорскимъ лекціямъ. Курсами этими завѣдывалъ въ то время г. фанъ-деръ-Флитъ.

Съ преобразованіемъ въ 1869 г. педагогическаго собранія въ педагогическое общество, Водовозовъ сдѣлался его членомъ и постоянно участвовалъ въ занятіяхъ общества, будучи обыкновенно членомъ совѣта.

Въ 1870 г. небольшой кружокъ, задавшійся цѣлью издавать хорошія народныя книжки, обратился къ Водовозову съ предложеніемъ написать какую-либо историческую брошюру для народнаго чтенія. Результатомъ этого была книжечка: «О томъ, какъ сталъ Петербургъ, и откуда пошла русская наука»; здѣсь въ высшей степени просто и наглядно были описаны жизнь и дѣла Петра Великаго. Книжка встрѣтила въ печати весьма радушный пріемъ [1]). Въ томъ же 1870 г. Водовозовъ издалъ небольшую книжку для дѣтей отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, подъ заглавіемъ: «Дѣтскіе разсказы и стихотворенія» съ картинками и вопросами для бесѣдъ, которая вызвала также самые лестные отзывы въ лучшихъ журналахъ и газетахъ [2]). Въ журналѣ «Дѣтскій Садъ» было сказано: «За разсмотрѣніе книги г. Водовозова по-неволѣ берешься съ предвзятою мыслью: напередъ знаешь, что имѣешь дѣло съ человѣкомъ, который честно служитъ обществу какъ педагогъ», и въ заключеніе указано на новый трудъ Водовозова, «какъ на одну изъ лучшихъ книгъ въ нашей бѣдной дѣтской литературѣ». Въ «Отечественныхъ Запискахъ» авторъ замѣтки прежде всего высказываетъ рѣзкое порицаніе современной педагогіи и педагогамъ вообще на томъ основаніи, что «не существуетъ еще науки, на основаніи которой педагогическое искуство можно бы было поставить безошибочно и твердо», и потому «педагогика продолжаетъ идти ощупью», но далѣе говоритъ: «Все сказанное относится, однакожъ, только къ педагогіи и педагогамъ вообще, а никакъ не къ книгѣ, о которой мы говоримъ, и тѣмъ менѣе къ ея почтенному автору. Мы почитаемъ г. Водовозова однимъ изъ лучшихъ нашихъ педагоговъ, вполнѣ

[1]) См. «Русскую Старину» 1870 г., № 7, и «С.-Петербургскія Вѣдомости», № 141.

[2]) См. «Голосъ» 1871 г. № 47, «С.-Петербургскія Вѣдомости» 1871 г. № 13, «Дѣтскій Садъ» 1871 г. № 2, «Педагогическій Листокъ», составляющій приложеніе къ «Дѣтскому Чтенію» 1871 г. стр. 46 — 48, «Отечественныя Записки» 1871 г. № 2.

компетентнымъ въ своемъ дѣлѣ, и о настоящемъ его сочиненіи можемъ сказать то же, что говорили и о прежнихъ его трудахъ, т.-е. оно составлено добросовѣстно и съ знаніемъ дѣла. Если г. Водовозовъ держится принятой нынѣ методы, то не его вина, что не придумано другой, лучшей. Къ тому же, пока это только одно наше предположеніе, что эта метода ошибочна... поэтому, смѣло рекомендуемъ всѣмъ родителямъ книгу г. Водовозова, какъ одну изъ лучшихъ дѣтскихъ книгъ».

Кромѣ изданія отдѣльныхъ книгъ и указанныхъ выше журнальныхъ статей, Водовозовъ напечаталъ еще въ «Отечественныхъ Запискахъ» большую статью: «О воспитательномъ значеніи русской литературы». Тутъ онъ, между прочимъ, съ прискорбіемъ отмѣтилъ новое теченіе въ преподаваніи русскаго языка и литературы въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. «Новая серія педагоговъ, — говоритъ авторъ, — налегла особенно на русскую грамматику и, допустивъ, въ видѣ уступки педагогамъ художественнаго направленія, нѣкоторые поэтическіе образцы изъ новой литературы (главу «Максимъ Максимычъ» изъ романа Лермонтова; «Что̀ ты спишь, мужичекъ» Кольцова и «Ревизоръ» Гоголя, настояла, чтобы разбирать ихъ исключительно со стороны языка и слога, и для вящаго о томъ напоминанія, въ VII-й классъ внесенъ неудобомыслимый высшій курсъ русской грамматики» [1]).

Въ 1870 г. начальница василеостровской женской гимназіи выразила желаніе, чтобы Водовозовъ взялъ на себя въ этомъ заведеніи преподаваніе русской словесности, но это не было разрѣшено высшимъ начальствомъ. Матеріальное положеніе Водовозова было болѣе чѣмъ плохо до изданія въ 1871 г. первой части «Книги для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ».

VIII.

Первая часть «Книги для первоначальнаго чтенія» и ея громадный успѣхъ.— Другіе труды для народной школы въ 1872—74 гг. — Руководительство учительскими съѣздами.—Педагогическія занятія за границей и посѣщеніе нѣмецкихъ школъ въ 1873 г.

Въ первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ Водовозовъ много работалъ на пользу народнаго образованія: и въ пе-

---

[1]) «Отечественныя Записки» 1870 г., № 5, стр. 16.

чати, и въ качествѣ руководителя воскресной школы и преподавателя въ педагогической семинаріи при таврической школѣ; въ концѣ шестидесятыхъ годовъ онъ участвовалъ, какъ мы видѣли, въ составленіи «Первой учебной книжки» г. Паульсона. Все это должно было привести его, наконецъ, къ мысли, составить самому книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Такой трудъ (и подъ этимъ именно заглавіемъ) онъ и сталъ печатать въ 1870 г. въ видѣ приложенія къ журналу «Народная Школа», причемъ за каждымъ рядомъ упражненій слѣдовали и весьма обстоятельныя объясненія для преподавателя. Въ 1871 г. «Книга для первоначальнаго чтенія» (ч. I) появилась въ отдѣльномъ изданіи въ значительно измѣненномъ и дополненномъ видѣ [1]), причемъ объясненія къ ней составили особую «Книгу для учителей». Въ предисловіи къ этой послѣдней авторъ говоритъ: «Тамъ, гдѣ дѣло касалось научныхъ свѣденій, мы излагали предметъ въ извѣстной послѣдовательности и съ полнотою, какая необходима для элементарнаго курса; въ другихъ статьяхъ мы имѣли цѣлью правильное развитіе воображенія, чувства прекраснаго, или нравственнаго чувства». Начиная ознакомленіемъ съ окружающимъ міромъ, авторъ переходитъ къ связнымъ разсказамъ о главнѣйшихъ животныхъ, потомъ постепенно приступаетъ къ изложенію самыхъ необходимыхъ свѣденій изъ ботаники, минералогіи и физики; рядомъ съ этимъ идутъ разсказы о производствахъ и промыслахъ, наиболѣе извѣстныхъ въ Россіи. Въ книгѣ есть еще статьи по географіи и исторіи Россіи, а также значительное число стихотвореній. «Книга для учителей» заключаетъ въ себѣ толкованіе на каждую статью «Книги для чтенія», которыя касаются какъ содержанія статей, такъ и ихъ языка и слога; тутъ же преподаватель можетъ найти и элементарный практическій курсъ русской грамматики.

Новая книга Водовозова встрѣтила самый лестный пріемъ въ педагогической литературѣ. Въ засѣданіи педагогическаго общества (20-го ноября 1871 г.) извѣстный педагогъ С. Миропольскій читалъ статью: «Къ вопросу о книгѣ для чтенія въ нашей народной школѣ» (по поводу книги для чтенія барона Н. А. Корфа: «Нашъ другъ». Спб. 1871 г.)» [2]).

[1]) Около 80% статей, не исключая стихотвореній, принадлежатъ самому Водовозову.

[2]) Она была помѣщена въ болѣе полномъ видѣ въ «Журн. Мин. Нар. Просв.», томъ 159, и затѣмъ перепечатана въ «Семьѣ и Школѣ», въ отдѣлѣ для родителей и воспитателей, 1872 г., томъ I.

Здѣсь г. Миропольскій прямо признаетъ книгу Водовозова лучшею изъ всѣхъ, до тѣхъ поръ изданныхъ, книгъ для первоначальнаго чтенія. Не приводимъ словъ г. Миропольскаго, такъ какъ ниже намъ придется еще остановиться на подробномъ разборѣ этого труда Водовозова, сдѣланномъ тѣмъ же авторомъ.

Педагогическая критика признала книгу Водовозова полезною не только для народной школы, но и для первоначальнаго обученія въ семьѣ. Авторъ рецензіи на эту книгу въ «Педагогическомъ Листкѣ», составлявшемъ приложеніе къ «Дѣтскому Чтенію» (подъ редакціею А. Н. Острогорскаго), говоритъ: «Съ особеннымъ удовольствіемъ привѣтствуемъ мы новый трудъ нашего почтеннаго педагога и, не касаясь значенія этой книги для нашихъ народныхъ школъ, смѣло рекомендуемъ ее каждой матери семейства и каждому начальному классу какой бы то ни было школы. По нашему мнѣнію, это едва ли не самое удачное произведеніе плодовитаго автора. Въ разбираемой нами книгѣ, если и не всѣ, то наибольшая часть разсказовъ подобрана весьма послѣдовательно; въ расположеніи ихъ мы видимъ строго обдуманную систему, основанную не на теоретическихъ только соображеніяхъ, а на дѣйствительномъ практическомъ пониманіи, что́ нужно дѣтямъ и въ какой именно формѣ предлагаемыя свѣденія могутъ быть легко, ясно и съ интересомъ ими усвоены... Вездѣ рѣчь г. Водовозова дышетъ безъискуственною простотою, строгою правильностью (за рѣдкими исключеніями, на которыя мы считаемъ лишнимъ и указывать по ихъ незначительности) и удивительною живостью и образностью, нерѣдко доходящею до поэтической красоты, и намъ кажется, что изъ всѣхъ подобныхъ книжекъ ребенокъ охотнѣе всего будетъ читать именно эту, такъ какъ, кромѣ легкой и вполнѣ доступной формы, она отличается разнообразіемъ и занимательностью содержанія, въ то же время обогащающаго дѣтскій умъ множествомъ практическихъ и развивающихъ свѣденій... Мы смѣло можемъ рекомендовать ее, какъ драгоцѣнное пріобрѣтеніе для семьи и для первыхъ классовъ общеобразовательныхъ училищъ». Относительно «Книги для учителей» критикъ говоритъ, что она «представляетъ весьма обильный источникъ, изъ котораго каждый можетъ почерпнуть столько, сколько кто можетъ взять... тутъ преподающій найдетъ и пространные образцы катехизаціи, и историческія объясненія статей и отдѣльныхъ

предметовъ, и много грамматическихъ упражненій, и основныя правила стихосложенія... и т. д. и т. д.» [1]).

Въ томъ же 1871 г. «Книга для первоначальнаго чтенія» и «Книга для учителей» были одобрены особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія «для начальныхъ народныхъ училищъ». Затѣмъ с.-петербургское педагогическое общество увѣнчало обѣ эти книги денежною преміею имени К. Д. Ушинскаго [2]). Въ 1872 г. вольное экономическое общество, по единогласному присужденію комитета грамотности, также единогласно увѣнчало золотою медалью названныя сочиненія Водовозова.

Въ 1873 г. книги эти были одобрены учебнымъ комитетомъ при св. синодѣ, на основаніи рецензіи г. Миропольскаго [3]).

Подробный критическій обзоръ названныхъ сочиненій Водовозова, сдѣланный г. Миропольскимъ, былъ напечатанъ въ «Семьѣ и Школѣ» 1873 года. Отсылая читателей къ этой статьѣ, гдѣ съ полнымъ безпристрастіемъ разобраны и достоинства и недостатки «Книги для первоначальнаго чтенія» и «Книги для учителей», мы приведемъ изъ нея лишь нѣкоторыя мѣста. Достоинства «Книги для первоначальнаго чтенія», по словамъ критика, даютъ ей «право на почетное мѣсто въ нашей педагогической литературѣ». Относительно «богатства и разнообразія содержанія книги», она «удовлетворяетъ самымъ строгимъ требованіямъ... Идея расположенія учебнаго матеріала... при нѣкоторыхъ недостаткахъ выполненія, представляется оригинальною и вполнѣ педагогическою... Не ограничиваясь составленіемъ собственныхъ статей, вообще мастерски обработанныхъ, составитель даетъ прекрасный выборъ стихотвореній, вполнѣ доступныхъ дѣтскому возрасту,

---

[1]) «Педагогическій Листокъ» 1872 г., № 4, стр. 269—277.

[2]) «Семья и Школа» 1873 г., № 3. Отдѣлъ для родителей и воспитателей, стр. 269.

[3]) Комитетъ постановилъ: «Книгу для первоначальнаго чтенія»—«допустить къ употребленію въ духовныхъ училищахъ, въ воскресныхъ школахъ при духовныхъ семинаріяхъ и въ школахъ церковно-приходскихъ, въ качествѣ руководства при обученіи родному языку», а «Книгу для учителей»—«рекомендовать учителямъ русскаго языка въ означенныхъ училищахъ и школахъ, особенно же учителямъ приготовительныхъ классовъ при училищахъ, какъ полезное дидактическое руководство при употребленіи поименованной «Книги для первоначальнаго чтенія» и вообще преподаванія отечественнаго языка». Св. синодъ утвердилъ это заключеніе учебнаго комитета и объявилъ о томъ указами епархіальнымъ архіереямъ. («Церковная лѣтопись духовной бесѣды» 1884 г., № 5, стр. 79).

содержательныхъ и потому могущихъ служить не только къ развитію вкуса, но и разумнаго нравственнаго чувства. Благодаря внутренней связи разсказовъ, передъ дѣтьми незамѣтно выясняется связь явленій природы; изучая въ живыхъ и полныхъ интереса разсказахъ трудъ человѣка, учащійся начинаетъ понимать достоинство и цѣль честнаго труда въ жизни... Особенно выдающуюся и вполнѣ общеобразовательную черту книги г. Водовозова составляетъ неподдѣльная любовь къ природѣ, которая проникаетъ всю книгу и сообщаетъ ей привлекательный колоритъ. Что касается вообще концепціи, обработки... лучшихъ статей книги, то онѣ представляютъ замѣчательное явленіе въ литературномъ отношеніи... Вообще въ своихъ разсказахъ для дѣтей г. Водовозовъ необыкновенно мастерски владѣетъ русскою рѣчью, при томъ сохраняя всю мѣткость, силу и картинность чисто народныхъ оборотовъ; онъ пишетъ языкомъ вполнѣ литературнымъ, чистымъ, правильнымъ, отнюдь не вдаваясь въ подражаніе дѣтскому лепету или идіомамъ вульгарной рѣчи поселянина. Читая лучшіе разсказы г. Водовозова..., невольно наслаждаешься ихъ художественной формой... Описанія животныхъ, вообще говоря, у г. Водовозова замѣчательно хороши... Матеріаломъ изъ естественной исторіи авторъ съ опытностью и мастерски пользуется для общаго развитія дитяти... Не вдаваясь въ мелочи и подробности, умѣстныя только въ спеціальныхъ трудахъ, авторъ въ то же время умѣетъ избѣжать и общихъ фразъ, которыми многіе педагоги и нынѣ еще любятъ набивать дѣтскія головы; составитель беретъ немного фактовъ, но интересныхъ и характеристическихъ, оттого статьи его занимательны, живы, картинны и читаются безъ всякаго утомленія: достоинства для первоначальнаго обученія столько же важныя, сколько и рѣдкія... Описанія мѣстностей и промысловъ у г. Водовозова также отличаются серьезными достоинствами [1])... Что касается статей историческаго характера, то, за исключеніемъ статьи «Ломоносовъ», всѣ онѣ прекрасно изложены и обработаны; жаль только, что ихъ сравнительно мало... Разсказы общаго содержанія — повѣсти,

[1]) Относительно статей: «Сѣверная полоса», «Средняя полоса» и «Южная полоса Россіи и Сибирь», авторъ критики замѣчаетъ, что въ нихъ «дано слишкомъ много матеріала, названій областей, городовъ и мѣстностей, вообще географической номенклатуры». Это замѣчаніе не разъ дѣлали Водовозову, но онъ обыкновенно отвѣчалъ, что назначаетъ эти статьи не для простого чтенія, а для изученія карты Россіи.

описанія, игры, за показанными... исключеніями, интересны, живы, занимательны и проникнуты здоровымъ духомъ... Что же касается стихотвореній, то выборъ ихъ, за показанными исключеніями, замѣчательно хорошъ... Вообще книга для чтенія г. Водовозова составлена съ отличнымъ знаніемъ дѣла, опытностью и вполнѣ педагогическимъ тактомъ, такъ что, не смотря на отмѣченные... промахи ея и недостатки, нельзя не пожелать, чтобы она широко привилась нашимъ школамъ...»

«Но книга г. Водовозова, — продолжаетъ г. Миропольскій, — пріобрѣтаетъ особенную важность для школы тѣмъ, что къ ней еще приспособлено прекрасное дидактическое руководство для учителей съ подробнымъ изъясненіемъ, какъ пользоваться статьями для чтенія цѣлесообразно, вполнѣ педагогически. «Книга для учителей» сама по себѣ составляетъ капитальное пріобрѣтеніе для нашей педагогической литературы. По богатству содержанія, по мастерской обработкѣ, по обилію упражненій, наконецъ по весьма удачной педагогической системѣ развитія даннаго матеріала, книга эта далеко превосходитъ всѣ опыты, предшествовавшіе ей, и безконечно выше стоитъ книги, напримѣръ, Корфа. Видно, что авторъ не только воспользовался тѣмъ богатымъ матеріаломъ, какой представляетъ для этой цѣли литература заграничная, но и самъ добросовѣстно работалъ надъ своею задачей... Г. Водовозовъ далекъ отъ мысли видѣть въ учителѣ механическаго подражателя даннымъ образцамъ пріемовъ обученія въ книгѣ для учащихъ, какъ это дѣлаетъ, напримѣръ, баронъ Корфъ. Совершенно напротивъ, авторъ разбираемой книги прежде всего имѣетъ въ виду самодѣятельность учителя, и, давая послѣднему массу матеріала и образцы его обработки, онъ только освѣщаетъ тотъ путь, по которому долженъ идти дѣльный наставникъ... Особенно хорошо авторъ изъясняетъ требованія наглядности въ начальномъ обученіи, недостаткомъ чего вообще страдаютъ наши школы... Вообще въ отношеніяхъ своихъ къ учителю г. Водовозовъ является вполнѣ опытнымъ руководителемъ, обладающимъ замѣчательнымъ педагогическимъ тактомъ... Авторъ вездѣ остался вѣренъ *практическому методу*,—эта черта составляетъ лучшую сторону книги. При томъ способѣ обученія родному языку, какой разработанъ г. Водовозовымъ, никакое долбленіе, механическое затверживаніе правилъ невозможно. Это также заслуга для школы нашей, гдѣ до сихъ поръ еще гнѣздятся старые схоластическіе пріемы. Объясне-

нія автора живы, наглядны, просты, доступны для каждаго— условія, весьма важныя для руководства въ начальномъ обученіи. Наконецъ, что касается научной вѣрности грамматическихъ объясненій автора и правилъ, сообщаемыхъ имъ въ книгѣ для учителей, то въ этомъ отношеніи трудъ г. Водовозова слѣдуетъ признать безукоризненнымъ». Указавъ далѣе на нѣкоторые недостатки «Книги для учителей», г. Миропольскій въ заключеніе говоритъ: «Итакъ, книги г. Водовозова, обладая несомнѣнно важными педагогическими достоинствами, въ то же время не свободны и отъ нѣкоторыхъ промаховъ, недостатковъ. Тѣмъ не менѣе, сравнивая эти труды съ тѣмъ, что́ есть у насъ по этой части, нельзя не признать, что они значительно превосходятъ все, что́ до сихъ поръ появлялось въ этой отрасли нашей педагогической литературы. Недостатки книгъ г. Водовозова легко исправимы и устранимы, а достоинства ихъ таковы, что введеніе сихъ книгъ въ наши школы весьма желательно... Но во всякомъ случаѣ, и въ настоящемъ своемъ видѣ разсмотрѣнные труды уважаемаго В. И. Водовозова составляютъ весьма цѣнный вкладъ въ нашу педагогическую литературу и важную услугу для нашей начальной школы» [1]).

Въ 1875 г. «Книга для первоначальнаго чтенія» вызвала новое поощреніе ея автору: ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ присудилъ ему золотую медаль въ 300 руб., установленную въ память гр. П. Д. Киселева этимъ министерствомъ. Это было для Водовозова такою же неожиданностью, какъ и медаль отъ вольнаго экономическаго общества, такъ какъ онъ вовсе не представлялъ своихъ книгъ на конкурсъ въ ученый комитетъ министерства государственныхъ имуществъ, а на нихъ указали сами члены комитета.

Какъ внутреннія достоинства «Книги для первоначальнаго чтенія», такъ и сочувственный пріемъ, оказанный ей въ обществѣ и въ педагогической литературѣ, повели къ тому, что она стала быстро проникать въ народныя школы. Первое изданіе ея вышло въ свѣтъ въ 1871 г. въ 5.000 экз., второе въ 12.000, третье въ 30.000, четвертое изданіе въ 1873 г. уже въ 45.000 экземплярахъ. Послѣдующія изданія печатались по 45.000 экз., а такъ какъ всѣхъ изданій было 17, то, слѣдовательно, «Книга для первоначальнаго

---

[1]) «Семья и Школа», Отдѣлъ для родителей и воспитателей, 1873 г., №№ 4 и 5, стр. 435—444, 452, 457.

чтенія» разошлась до сихъ поръ въ 677.000 экз. Среднимъ числомъ, это составитъ по 42.300 экз. въ годъ, но въ нѣкоторые годы расходъ книги значительно превысилъ этотъ средній уровень: такъ, въ 1876 г. разошлось 62.780 экз., въ 1877 г.—59.400 [1]). Только съ появленіемъ этой книги прекратилось то бѣдственное матеріальное положеніе, въ которомъ находился В. И. со времени удаленія его изъ гимназіи въ 1866 г. И послѣ того, какъ имъ было издано очень много книгъ, дохода съ нихъ, вслѣдствіе ихъ крайней дешевизны, было бы недостаточно для безбѣднаго существованія съ семьей; извѣстное матеріальное довольство, хотя и далеко не въ томъ размѣрѣ, какъ это казалось нѣкоторымъ, доставилъ лишь значительный успѣхъ «Книги для первоначальнаго чтенія». «Книга для учителей» выдержала 5 изданій: въ 1876 году ея разошлось въ годъ 3.800 экз., въ 1877 г.—2.900 экз.

Сгруппировавъ въ одномъ мѣстѣ всѣ необходимыя данныя о «Книгѣ для первоначальнаго чтенія»,—этомъ самомъ выдающемся изъ произведеній Водовозова, котораго одного достаточно, чтобы имя его навсегда осталось въ исторіи русской народной школы, — возвращаемся къ обзору въ хронологическомъ порядкѣ его жизни и сочиненій. Въ 1872 году Водовозовъ издалъ книгу «Древняя русская литература», отъ начала грамотности до Ломоносова, съ приложеніемъ «Очерка народной литературы», подъ названіемъ: «По старой памяти, какъ по грамотѣ» [2]). Вотъ какой отзывъ объ этой книгѣ находимъ въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы», составленномъ особою коммиссіею комитета грамотности, гдѣ отдѣлъ, посвященный литературѣ, редактировалъ извѣстный преподаватель словесности, В. П. Острогорскій: «Вполнѣ полезная и даже необходимая для всякаго народнаго учителя книга эта назначена авторомъ для чтенія взрослымъ, еще мало подготовленнымъ къ серьезному чтенію, и написана просто и занимательно... Первая часть: «По старой памяти»... особенно отличается доступностью изложенія даже и для самого народа, которому поможетъ вполнѣ осмыслить его собственную литературу въ связи съ жизнью. Вторая часть, по изложенію, нѣсколько серьезнѣе,

---

[1]) Въ 1878 году, приготовляя къ печати 12-ое изданіе своей книги, Водовозовъ сдѣлалъ въ ней значительныя измѣненія и дополненія.

[2]) Послѣдній очеркъ, какъ мы уже упоминали, былъ изданъ отдѣльно въ 1870 г.

почему вполнѣ пригодна только для учителя, который можетъ ознакомить съ нею, однако, и народъ, но въ своихъ устныхъ разсказахъ, тѣмъ болѣе, что здѣсь указываются и важнѣйшія событія историческія... Этой книгѣ, какъ единственному и удачному опыту интереснаго изложенія для народныхъ учителей исторіи русской литературы съ обращеніемъ вниманія на бытовую сторону жизни и постепенные успѣхи образованности, желаемъ мы наибольшаго распространенія въ средѣ народныхъ учителей» (стр. 211). Съ этимъ лестнымъ отзывомъ педагога-спеціалиста нельзя не сопоставить тотъ фактъ, что «Древняя русская литература (также какъ и пользующіяся самою почетною извѣстностью «Новая литература» и «Словесность въ образцахъ и разборахъ») не была одобрена ученымъ комитетомъ министерства народнаго просвѣщенія.

Въ 1872 г., съ 15-го іюня по 1-е августа, Водовозовъ руководилъ педагогическими курсами въ Костромѣ. «Желающихъ слушать меня набралось болѣе ста человѣкъ, — писалъ онъ женѣ, по пріѣздѣ въ Кострому, — и будетъ впускъ по билетамъ; тѣхъ же, которые обязательно слушаютъ курсы, т. е. сельскихъ учителей, не болѣе 45». «У меня до семидесяти постоянныхъ слушателей,—писалъ В. И. опять черезъ нѣсколько дней,—и самъ не знаю, какъ справлюсь съ этой громадой: все прибываютъ еще новые. Слушающіе все почти изъ семинаріи, прошедшіе курсъ философіи и богословія, а также 10 женщинъ изъ монастырской школы, и, какъ водится, очень прилежныя». Скоро при курсахъ была устроена маленькая школа. «Сегодня въ первый разъ, — писалъ Вас. Ив. въ новомъ письмѣ, — преподавалъ образцовые уроки дѣтямъ отъ восьми до двѣнадцати лѣтъ, въ присутствіи.... ста слушателей и слушательницъ... У меня лекціи: отъ 9 до 11½ съ дѣтьми, отъ 12 до 2 со взрослыми, а отъ 2 до 3 ч. я предложилъ еще желающимъ заниматься у меня въ комнатѣ опытами по элементарной физикѣ, и желающими оказались всѣ до одного, — однѣхъ дѣвицъ и дамъ, я думаю, человѣкъ съ тридцать; пришлось всѣхъ раздѣлить на партіи. Кромѣ этого, я читаю еще по четвергамъ публичныя лекціи по педагогикѣ, и уже читалъ одну лекцію о физическомъ воспитаніи; да приходится поправлять каждый день по двадцати и болѣе сочиненій, — такъ время-то у меня разобрано по ниточкамъ. Мои педагоги все изъ семинаріи, все больше философы, норовятъ въ

самыхъ простыхъ вопросахъ ткнуть пальцемъ въ небо, да я ихъ свожу на землю; теперь всѣ сознаются въ своемъ малознаніи... впрочемъ между ними много очень смышленыхъ, и большинство кое-что знало о звуковомъ методѣ, хотя и смѣшивало его съ буквослагательнымъ». Въ одномъ изъ писемъ Водовозовъ говоритъ: «Я работаю цѣлый день... Вчера, напримѣръ, до двухъ часовъ я занимался въ маленькой школкѣ и съ учителями, потомъ послѣ обѣда читалъ публичную лекцію, на которой было болѣе 200 человѣкъ народу, потомъ объяснялъ учителямъ магнитизмъ и устройство паровой машины, потомъ пошелъ по сосѣдству въ монастырь показывать обращеніе земли около солнца. Я ввелъ письмо подъ тактъ, которое уже теперь идетъ очень успѣшно, ввелъ занятія ариѳметикой по методикѣ Евтушевскаго, звуковой методъ, наглядное обученіе, отчизновѣдѣніе и экскурсіи. Послѣ уроковъ идутъ пренія, иногда очень оживленныя... Съ учителями я уже нѣсколько разъ ходилъ на экскурсіи и разъ пилъ съ ними чай въ загородномъ трактирѣ, гдѣ до 12 часовъ ночи они распѣвали мнѣ пѣсни... Они меня очень полюбили и хотятъ на разставаньѣ непремѣнно сняться вмѣстѣ, жертвуя на это послѣдніе гроши (они получаютъ всего 15 руб. въ мѣсяцъ, а квартира и столъ здѣсь стоятъ, самое малое, 12 руб.). Они народъ добрый, все семейный и готовы все высказать нараспашку, но любознательность я замѣтилъ очень у немногихъ». Въ другомъ письмѣ Водовозовъ писалъ относительно учителей: «У меня есть отъ каждаго подробныя описанія ихъ школъ и жизни... Всѣ ихъ личности на одинъ складъ, вылиты тѣмъ же семинарскимъ воспитаніемъ... Есть люди очень способные, но всѣ съ ограниченными знаніями и безъ особенной охоты научиться чему-нибудь новому. На мои физическія лекціи записались-было всѣ, какъ оказалось, изъ любопытства; но теперь число ихъ значительно поубавилось. Между тѣмъ женщинъ, здѣшнихъ семинаристокъ и учительницъ, все прибываетъ. Не мудрено: учителя забиты и школою, и жизнью». 19-го іюля В. И. писалъ женѣ: На курсахъ «теперь у меня дѣло идетъ довольно успѣшно: я отъ себя почти и не дѣлаю замѣчаній; сами учителя разбираютъ каждаго. Послѣдняя изъ моихъ публичныхъ лекцій будетъ о дѣтскихъ садахъ, и монастырки заготовили мнѣ плетенокъ, работъ изъ гороху и другіе предметы для выставки. Кромѣ того, я устрою выставку разныхъ самодѣльныхъ пособій для школы: тутъ будутъ и мои

вещи, и нѣкоторыя, сдѣланныя учителями. Къ сожалѣнію, учителя мало отъ меня перенимаютъ, хотя и сочувствуютъ всему, что я имъ предлагаю. Я, напримѣръ, не могъ добиться, чтобы они гдѣ-нибудь добыли и приготовили челюсть лошади, коровы и кошки... Что и наготовлено, то сдѣлали учителя здѣшніе, костромскіе, и одинъ сынъ помѣщика, пріѣхавшій ко мнѣ на курсы изъ Чернигова и усердно занимающійся народнымъ образованіемъ».

Въ предисловіи къ «Книгѣ для учителей», Водовозовъ, указывая на необходимость для учителя сдѣлать свое преподаваніе возможно болѣе нагляднымъ, между прочимъ говоритъ: «вообще мы предполагаемъ въ преподавателѣ особую страсть чертить, рѣзать, клеить, основанную на постоянномъ стремленіи представить совершенно просто и понятно то, что̀ въ наукѣ кажется хитрымъ и мудренымъ». Самъ Вас. Иван. былъ въ высочайшей степени надѣленъ этой страстью и былъ чрезвычайно способенъ ко всѣмъ указаннымъ имъ занятіямъ. Но, зная, что далеко не всѣ народные учителя одарены этой способностью, онъ задумалъ придти имъ на помощь. Въ педагогическомъ обществѣ, въ засѣданіи 22-го апрѣля 1872 г., онъ прочелъ рефератъ «О дешевыхъ пособіяхъ для нагляднаго обученія» [1]), въ заключеніе котораго предложилъ учредить коммиссію, «чтобы пріискивать и обсуждать разные способы нагляднаго обученія, наиболѣе легкіе, наиболѣе дешевые, наименѣе сложные», и «устроить складъ дешевыхъ пособій». Хотя нѣсколько лицъ сочувственно отозвалось на это предложеніе, но, кромѣ Водовозова, попробовалъ работать въ этомъ направленіи лишь Е. С. Волковъ [2]). Само собою разумѣется, что изготовленіе дешевыхъ пособій доставило Водовозову не мало хлопотъ и убытковъ; не для корысти, конечно, оно и было затѣяно.

---

[1]) Стенографическій отчетъ о немъ см. въ «Семьѣ и Школѣ» 1872 г., № 9, приложенія, стр. 65—76.

[2]) Въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1872 г. (№ 141) мы находимъ слѣдующее извѣстіе: «Читателямъ извѣстно, что В. И. Водовозовъ, посвятившій свою дѣятельность на пользу народной школы, представилъ въ педагогическое общество рефератъ о дешевыхъ пособіяхъ. Въ настоящее время, какъ мы слышали, почтенный педагогъ изготовилъ нѣкоторыя изъ этихъ пособій: лупу, микроскопъ и циркуль... Лупа увеличиваетъ въ пять и болѣе разъ, и стоитъ 15 копѣекъ. Микроскопъ, изготовленный г. Водовозовымъ, увеличиваетъ въ 20—30 разъ, сто̀итъ 30 коп. «Циркуль сдѣланъ изъ гусиныхъ перьевъ, весьма удобенъ и дешевъ (5 коп.)». Затѣмъ В. И. изготовилъ еще теллурій — приборъ для объясненія обращенія земли. Г. Волковъ устроилъ астролябію въ 25 коп. и транспортиръ въ 6 коп.

Передъ курсами въ Костромѣ Водовозовъ основательно обдумывалъ свое будущее на нихъ преподаваніе; въ началѣ іюня 1872 г., онъ писалъ женѣ изъ Москвы: «по утрамъ часовъ до двухъ приготовляюсь къ курсамъ, подбираю слова для того, чтобы постепенно знакомить съ буквами: работа египетская... Тутъ я ясно увидѣлъ, какъ несостоятельны всѣ наши азбуки; нѣтъ въ нихъ никакой послѣдовательности, никакой системы, а прибраны буквы и слова на-удачу, какія кому казались вначалѣ болѣе легкими». Въ томъ же году въ педагогическомъ обществѣ, въ засѣданіяхъ 18-го ноября и 2-го декабря, Водовозовъ прочелъ разборъ русскихъ народныхъ азбукъ [1]). Это изученіе азбукъ, существующихъ въ нашей педагогической литературѣ, было подготовленіемъ къ составленію собственнаго труда, который и появился въ 1873 г. подъ заглавіемъ: «Русская азбука для дѣтей». Книга эта была особымъ отдѣломъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія *рекомендована* для начальныхъ училищъ. Въ представленной въ комитетъ рецензіи, на основаніи которой состоялось это постановленіе, было сказано, что «азбука г. Водовозова должна быть причислена къ числу лучшихъ нашихъ азбукъ какъ по мысли, такъ и по выполненію». Азбука Водовозова, составленная по способу письмо-чтенія, не вызвала обстоятельнаго разбора въ педагогической литературѣ. Черезъ нѣсколько лѣтъ по выходѣ ея въ свѣтъ, въ коротенькомъ отзывѣ въ «Систематическомъ обзорѣ русской народно-учебной литературы» было, между прочимъ, сказано: «всматриваясь въ составъ и расположеніе матеріала азбуки г. Водовозова, нельзя не видѣть въ ней подражанія въ очень значительной степени «Родному Слову» Ушинскаго». Какъ бы предвидя подобный упрекъ, Водовозовъ въ изданной имъ въ 1875 г. книгѣ «Руководство къ русской азбукѣ» поясняетъ, въ чемъ заключается отличіе его системы отъ системы упражненій въ наиболѣе употребительныхъ изъ сходныхъ съ его трудомъ азбукъ Ушинскаго, Паульсона и Бунакова. Не имѣя возможности останавливаться на этомъ вопросѣ, какъ слишкомъ спеціальномъ, мы отсылаемъ интересующихся имъ къ указанному сочиненію; здѣсь замѣтимъ только, что, по словамъ самого Водовозова, при составленіи его азбуки, онъ имѣлъ въ виду «рядомъ съ *заграничными*

---

[1]) См. протоколы общества въ «Семьѣ и Школѣ» 1873 г., № 3, Отдѣлъ для родителей и воспитателей.

руководствами этого рода и прекрасный трудъ Ушинскаго», который «много уяснилъ» ему его задачу; авторъ признаетъ, что между его «Азбукою» и «Роднымъ Словомъ» есть сходство въ расположеніи частей, но, «что касается содержанія,—говоритъ онъ,—то въ нашей азбукѣ есть существенныя отличія» («Руководство къ азбукѣ», стр. 14). Возвращаясь къ отзыву объ «Азбукѣ» Водовозова въ «Систематическомъ обзорѣ народно-учебной литературы», замѣтимъ, что, по словамъ автора рецензіи на эту книгу, выборъ матеріала въ ней «вообще сдѣланъ хорошо», хотя «есть и промахи, неудачныя статейки»; бесѣдамъ и упражненіямъ недостаетъ, по мнѣнію рецензента, «единства, связности, цѣльности». Однако общій выводъ тотъ, что «Азбука» Водовозова, хотя и не можетъ равняться съ «Роднымъ Словомъ», однако, принадлежитъ къ дѣльнымъ учебникамъ по обученію чтенію и письму [1]).

Въ томъ же 1873 г. Водовозовъ издалъ еще другую книгу: «Предметы обученія въ народной школѣ. Методика обученія грамотѣ, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ» [2]). Она вызвала рецензію въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» (1873 г. № 246) П—ча, который не вполнѣ сочувственно отнесся къ труду Водовозова, но однако призналъ, что его «книжка доказываетъ близкое знакомство автора съ нашею школою и заключаетъ въ себѣ много весьма полезныхъ педагогическихъ наставленій. У насъ, при теперешнемъ состояніи народной школы, случается не особенно часто видѣть, чтобы учитель ясно сознавалъ тѣ цѣли, которыя ему должно преслѣдовать при обученіи тому или другому предмету, а умѣніе выбрать необходимыя средства, подходящую систему, ведущую къ этой цѣли, встрѣчается еще рѣже. Вотъ съ какой стороны попытка г. Водовозова должна возбудить къ себѣ сочувствіе во всѣхъ интересующихся дѣломъ просвѣщенія въ народѣ». Рецензентъ отдаетъ «полную справедливость «Предметамъ обученія въ народной школѣ», какъ своду, болѣе или менѣе полному, методическихъ положеній, «подкрѣпленныхъ нерѣдко

---

[1]) Азбука имѣла три изданія: 1-е въ 20.000 экз., 2-е въ 10.000, 3-е въ 10.000.

[2]) Содержаніе этого сочиненія слѣдующее: общія понятія о физическомъ, умственномъ и нравственномъ развитіи ребенка; система бесѣдъ и нагляднаго обученія; общія правила первоначальнаго черченія и рисованія; система первоначальнаго обученія грамотѣ; письменныя упражненія и правописаніе; обученіе чтенію; обученіе славянскому языку; законъ Божій; ариѳметика; элементарныя свѣдѣнія изъ географіи; пѣніе и гимнастика; классная дисциплина и распредѣленіе занятій (съ планами уроковъ для совмѣстнаго занятія въ трехъ отдѣленіяхъ); списокъ пособій и книгъ.

весьма дѣльными практическими замѣчаніями», признаетъ, что книга Водовозова «отличается весьма хорошимъ планомъ», но при всемъ томъ обвиняетъ автора «въ небрежности къ своему произведенію», полагая, что «иначе никакъ нельзя объяснить ни весьма чувствительныхъ пробѣловъ, встрѣчающихся въ книгѣ, ни нежеланіе автора доводить иныя мысли до конца»... Къ сожалѣнію, обвиненіе рецензента слишкомъ плохо подкрѣплено, и потому не можетъ не казаться голословнымъ. Впрочемъ, въ заключеніе рецензентъ повторяетъ, что книга Водовозова «далеко не безполезна для народнаго учителя». Въ «Систематическомъ обзорѣ народно-учебной литературы» авторъ коротенькаго отзыва объ этой книгѣ признаетъ, что въ «Предметахъ обученія» заключается «много дѣльныхъ и практическихъ замѣтокъ, свойственныхъ талантливому автору, простой, образный языкъ, иногда мѣткія соображенія», но, по его мнѣнію, «въ цѣломъ, этотъ трудъ далеко не удовлетворяетъ читателя».

На лѣто 1873 г. Водовозовъ принялъ приглашеніе земства александровскаго уѣзда, владимірской губерніи, руководить педагогическими курсами для сельскихъ учителей. Предсѣдателемъ училищнаго совѣта въ этомъ уѣздѣ былъ богатый фабрикантъ Асафъ Ивановичъ Барановъ, который жертвовалъ значительныя деньги на дѣло народнаго образованія. Въ одномъ изъ писемъ къ женѣ Водовозовъ писалъ о немъ, что это милліонеръ фабрикантъ, у котораго на бумагопрядильной фабрикѣ близъ Александрова 5.000 рабочихъ. Онъ устроилъ здѣсь около шести школъ и платитъ учителю въ каждой школѣ по 800 руб. [1]). Веденіе курсовъ въ Александровѣ (которые начались, кажется 20 іюня) не обошлось безъ нѣкоторыхъ непріятностей для Водовозова, свѣденія о которыхъ мы заимствуемъ изъ его писемъ къ женѣ: «Первый мой приступъ здѣсь,—писалъ онъ, —ознаменовался нѣкоторою исторіей. Я, на первой лекціи, желая разузнать учителей, сталъ имъ задавать тѣ и другіе вопросы. Вдругъ одна изъ учительницъ мнѣ замѣчаетъ: «Вы не научно ставите предметъ: человѣка нельзя отличать отъ природы, потому что онъ есть такой же продуктъ ея, какъ и всякое животное»,—а одинъ изъ учителей говоритъ: «Природа не помогаетъ человѣку, а она мо-

[1]) Въ другомъ письмѣ Водовозовъ говоритъ о томъ же лицѣ: «во всѣхъ семи устроенныхъ имъ школахъ есть физическіе кабинеты рублей въ семьдесятъ сер. и много другихъ пособій, есть картины для нагляднаго обученія, и проч. и проч.».

жетъ быть поставлена въ условія, при которыхъ ея силы дѣйствуютъ сообразно съ желаніемъ человѣка», и со всѣхъ сторонъ закидали меня словами: природа, соціально-общественный элементъ, послѣдніе физіологическіе выводы, данныя строгой науки, и проч. и проч.». Указавъ на то, что эти мудрованія... покамѣстъ здѣсь неумѣстны», я,—продолжаетъ Водовозовъ,—обратился къ одному изъ учителей съ вопросомъ, какую цѣль онъ предполагаетъ въ объяснительномъ чтеніи. Онъ отвѣчалъ мнѣ, что цѣль его можетъ состоять въ томъ, чтобы приготовить къ будущей жизни. Послѣ лекціи узнаю, что противъ меня поднялась страшная буря, что учителя въ высшей степени недовольны, зачѣмъ я вздумалъ ихъ экзаменовать; мнѣ стороной объяснили, что я смотрю на нихъ какъ на школьниковъ и третирую какъ дѣтей, что они собрались слушать лекцію, какъ дѣльные студенты, а не подвергаться какому-то полицейскому осмотру и т. д. Вечеромъ я пошелъ гулять и, проходя мимо квартиры учителя, который здѣсь считается наиболѣе развитымъ изо всѣхъ и уже раза два заходилъ къ намъ, услышалъ множество голосовъ и не совсѣмъ лестные обо мнѣ толки. Я нисколько не смутился, вошелъ прямо въ квартиру и, встрѣтивъ здѣсь чуть не половину съѣзда, началъ болтать съ учителями, какъ ни въ чемъ не бывало; потомъ понемногу свелъ разговоръ на мою лекцію, выслушалъ нѣкоторыя, довольно рѣзкія, о ней сужденія, объяснился, поспорилъ съ ними, и кончилось тѣмъ, что мы разстались совершенными друзьями. Слѣдующая моя лекція уже была принята довольно сочувственно». Однако недоразумѣнія не прекратились; вотъ что̀ писалъ по этому поводу Водовозовъ нѣсколько позднѣе: «здѣсь двѣ партіи: одну составляютъ учителя Асафа Ивановича, другую—земскіе. Ты вообрази себѣ, что̀ на провинціи можетъ значить учитель, получающій 800 руб. сер., понюхавшій университетской науки [1]) и въ нѣкоторомъ родѣ прія-

[1]) Въ другомъ письмѣ Водовозовъ упоминаетъ, «что трое изъ преподавателей Асафа Ивановича въ университетѣ были всего одинъ годъ, 4-й былъ одинъ годъ въ медико-хирургической академіи. Изъ кончившихъ курсъ въ университетѣ я здѣсь знаю только двухъ: самого Асафа Ивановича и предсѣдателя уѣздной земской управы, но они оба всегда, когда бываютъ въ Александровѣ, самые внимательные и прилежные слушатели моихъ лекцій...» (Были и еще одинъ-два человѣка, окончившіе курсъ въ университетѣ). «Но кромѣ нихъ («университетскихъ» учителей), у меня есть еще до 20 слушателей. Это ужъ совсѣмъ простой народъ, скромный настолько, насколько скроменъ семинаристъ, получающій 120 руб. въ годъ жалованья: это—земскіе»

тель такого человѣка, какъ Асафъ Ивановичъ—что̀ онъ можетъ значить посреди другихъ своихъ собратій, имѣющихъ 100, 150 руб. содержанія? И вотъ я долженъ былъ исключительно угождать этимъ учителямъ-аристократамъ, исключительно ими заниматься, во всѣхъ своихъ объясненіяхъ исключительно къ нимъ обращаться, чтобы снискать ихъ благоволеніе. Такой уступки я не могъ сдѣлать ни въ какомъ случаѣ, и, чтобы сохранить свое достоинство, они должны были (по здѣшнимъ понятіямъ) нѣсколько мною неглижировать». Упомянувъ о томъ, что часть такъ-называемыхъ «университетскихъ» учителей посѣщала его лекціи и занятія, Водовозовъ продолжаетъ: «Слѣдовательно, ради двухъ-трехъ лицъ мнѣ нужно было себя коверкать. Надо замѣтить, что эти господа имѣютъ своихъ поклонниковъ и между земскими; но теперь я все болѣе дружусь съ остальными учителями, и моя аудиторія постоянно полна, хотя трое изъ барановскихъ устроиваютъ дѣло такъ, что придутъ на лекцію къ Гольденбергу [1]) и уходятъ, когда начнется моя лекція... Изъ женщинъ на курсахъ у меня теперь очень старательно занимаются нѣсколько учительницъ изъ здѣшняго пріюта. Есть и посторонніе слушатели... У меня опять много дѣла съ отъѣздомъ Гольденберга. Я буду заниматься уже по три часа въ день, и теперь по обычаю завелъ у себя мастерскую, приготовилъ очень удачно электрофоръ, призму и проч. Во всякомъ случаѣ я съ недѣлю здѣсь еще навѣрно останусь, а можетъ быть и болѣе»...

Около половины іюля Водовозовъ оставилъ Александровъ. За руководительство этими курсами онъ взялъ только 200 р., т.-е. вѣроятно то, что̀ истратилъ на проѣздъ и житье въ Александровѣ.

Около 1-го сентября 1873 г. Водовозовъ отправился за границу, и вернулся лишь въ половинѣ ноября. Прежде всего онъ проѣхалъ въ Вѣну на всемірную выставку, затѣмъ былъ въ Дрезденѣ, въ Гальберштадтѣ (у извѣстнаго педагога Кера); оттуда черезъ Вѣну онъ направился въ Италію: былъ въ Венеціи, Флоренціи, Римѣ и Неаполѣ. Посѣщая выставку въ Вѣнѣ, народныя гулянья, музеи, замѣчательныя зданія, Водовозовъ большинство своего времени отдавалъ изученію педагогической литературы и посѣщенію школъ. Это вызвало множество интересныхъ замѣтокъ въ его письмахъ къ женѣ,

[1]) Другой руководитель курсовъ—по математикѣ.

извлеченія изъ которыхъ мы считаемъ необходимымъ здѣсь привести: онѣ любопытны и сами по себѣ, и какъ матеріалъ для полной характеристики педагогическихъ взглядовъ Водовозова.

Описывая вѣнскую всемірную выставку, В. И. говоритъ: «педагогическіе отдѣлы я осмотрѣлъ съ полнымъ вниманіемъ, и нашелъ кое-что замѣчательнаго въ американской и шведской школахъ: въ нѣмецкомъ отдѣлѣ тѣ же пособія, какія найдешь и у насъ въ военномъ музеѣ» (въ Соляномъ Городкѣ). Въ другой разъ Водовозовъ писалъ: «У меня теперь много работы: я пересматриваю и записываю книги, помѣщенныя въ разныхъ германскихъ педагогическихъ отдѣлахъ... Книгъ по первоначальному обученію порядочное количество: въ каждомъ изъ отдѣленій есть особая маленькая библіотека. Я уже пересмотрѣлъ ихъ до 200 и цѣлые часы просидѣлъ въ американскомъ педагогическомъ отдѣлѣ... Ну, скажи на милость, гдѣ придется найти собраніе американскихъ книгъ; нельзя же оставить ихъ безъ вниманія... Въ зданіи американской школы я нашелъ всего одну книгу—книгу для чтенія Франклина, употребляемую въ школахъ, принялся ее просматривать и прочиталъ одну книгу все время выставки: такъ она любопытна и оригинальна. И еще зайду, чтобы сдѣлать изъ нея выписки. Нѣмецкія же книги для чтенія чрезвычайно плохи: право, наши несравненно лучше, не исключая Корфа. Системы въ нихъ никакой, Паульсоновская мораль и сентиментальность»... «Вчера и сегодня битыхъ пять часовъ, не сходя съ мѣста, работалъ я въ американскомъ отдѣлѣ, — читаемъ въ слѣдующемъ письмѣ: — Хороши особенно пособія по географіи и естественной исторіи, вездѣ картинки, сдѣланныя чрезвычайно отчетливо и красиво; есть и азбуки, хорошо приноровленныя къ дѣтскому возрасту... Замѣчательнѣе книги для болѣе старшаго возраста: въ нихъ искусно подобраны большею частью отрывки изъ ораторскихъ рѣчей, въ которыхъ разрабатываются всевозможные политическіе вопросы: тутъ есть рѣчи всѣхъ извѣстнѣйшихъ ораторовъ Англіи и Америки. Отрывки взяты самые простые и удобопонятные, и въ которыхъ сущность вопроса выясняется преимущественно съ общечеловѣческой точки зрѣнія, такъ что, помимо мѣстнаго интереса, они имѣютъ и общее воспитательное значеніе. Наглядность, отчетливость, простота въ научныхъ изданіяхъ удивительныя». Будучи въ Вѣнѣ нѣсколько позднѣе, проѣздомъ въ

Италію, Водовозовъ занялся на выставкѣ преимущественно нѣмецкими учебными книгами. «Кромѣ того, что видѣлъ прежде,—писалъ онъ,—ничего не нашелъ. Есть 10 книгъ по моей части — дѣйствительно хорошихъ, остальное — хламъ... Самое богатое собраніе книгъ для чтенія — въ берлинскомъ отдѣлѣ; но что это за мизерность: такъ во всемъ и проглядываетъ, что составляли оффиціальные педагоги. И замѣчательно, что во всѣхъ книгахъ одно и то же: заимствуютъ одинъ у другого — совершенно какъ у насъ. На первомъ мѣстѣ религія и нравоученіе, потомъ нравоучительныя повѣсти какого-нибудь Круммахера, далѣе статьи о Фридрихѣ Великомъ, о битвахъ съ французами, чувствительныя изображенія природы и нѣсколько тощихъ статеекъ о слонѣ, о верблюдахъ—вотъ и все. Порядочныхъ хрестоматій найдется двѣ-три — не больше. По географіи, исторіи, естественной исторіи — большею частью самое мертвое и сухое изложеніе фактовъ, и притомъ иная крошечная книга такъ набита фактами, что развѣ одна нѣмецкая голова можетъ вмѣстить все это... Народная школа въ Германіи слишкомъ долго находилась подъ вліяніемъ консерваторовъ и поповъ, чтобы избавиться отъ рутины».

Нѣмецкія школы производили на Водовозова, въ большинствѣ случаевъ, неблагопріятное впечатлѣніе. Въ концѣ сентября онъ писалъ изъ Дрездена: «Исполняю свой долгъ, посѣщаю школы, а по правдѣ сказать и въ школахъ-то смотрѣть нечего. Я обратился къ извѣстному здѣшнему писателю и педагогу Петерману, директору одной изъ народныхъ пятиклассныхъ школъ... Былъ я на преподаваніи чтенія, письма, географіи. Дѣло шло не лучше, какъ и у насъ грѣшныхъ. Дѣти, правда, вымуштрованы и чрезвычайно внимательны, но что за жалкіе пріемы у учителей, что за сушь смертная. Самъ директоръ велъ урокъ географіи, и представь себѣ: въ продолженіе цѣлаго часа я ничего не слышалъ, кромѣ названій городовъ и чиселъ (числа жителей): все это дѣти задолбили безъ всякихъ статистическихъ сравненій и выводовъ—ну, географія Ободовскаго или еще хуже; во всемъ чистѣйшая, мертвая номенклатура. Только одно пѣніе поставлено превосходно, да уроки нѣмецкаго языка шли довольно живо». На слѣдующій день Водовозовъ писалъ: «Видѣлъ я уже три школы: внѣшнее устройство отличное, учителя попадались очень хорошіе: по крайней мѣрѣ можно сказать, что всѣ они выведены въ одну струнку и всѣ добросовѣстно ведутъ свое

дѣло. Но далеко не то, чего я ожидалъ. Методъ обученія грамотѣ устарѣлый: наши азбуки Главинскаго и Столпянскаго не хуже здѣшнихъ... Просто жалость смотрѣть, какъ тратятъ превосходныя педагогическія силы на одну пустую дрессировку. Здѣсь все вниманіе обращено не на содержаніе знанія, а на одну формальную сторону: и дѣйствительно, эта сторона доведена до необыкновеннаго совершенства; 60 человѣкъ дѣтей въ классѣ — и всѣ внимательны, всѣ заняты, всѣ каждую минуту готовы къ отвѣту... Нѣтъ, хорошаго и здѣсь надо искать и собирать по крупинкамъ. Чтó мнѣ особенно понравилось, такъ это здѣшняя гимнастика: особыя великолѣпныя залы, — и чтó только дѣти въ нихъ выдѣлываютъ — просто поразительно». 2-го октября Водовозовъ писалъ: «Сегодня я ѣду въ Гальберштадтъ къ Керу... Отсюда, изъ Дрездена, я ничего не вынесъ, просидѣвъ цѣлую недѣлю въ школахъ: вездѣ одно и то же... Ну, хваленыя саксонскія школы!... въ классѣ естественной исторіи учитель все толкуетъ и о составѣ соли, о сѣрной кислотѣ, и о различіи мѣди и золота. Дѣти отвѣчаютъ бойко, живо, но вижу, что все это дѣло памяти и необычайнаго вниманія, какія здѣсь найдешь у самаго неспособнаго.— «Я думаю,—замѣтилъ я,—что естественная исторія имѣетъ тогда значеніе, когда пріучаетъ дѣтей къ наблюденію, а учащіеся говорили только съ вашихъ словъ, вовсе не наблюдая предметовъ, о которыхъ шла рѣчь». — «Это (т. е. показываніе предметовъ) относится не сюда, а къ наглядному обученію, отвѣчалъ учитель:—наглядное же обученіе проходятъ въ первомъ классѣ».

Въ Гальберштадтѣ Водовозовъ познакомился съ извѣстнымъ нѣмецкимъ педагогомъ Керомъ. «Добрый, дѣловой нѣмецъ, — писалъ о немъ Водовозовъ; — просидѣлъ я утро въ школѣ и слушалъ его собственныя лекціи, читанныя учителямъ, а остальное время все перечитывалъ его книги... До сихъ поръ новаго нашелъ я мало. Школа при семинаріи устроена лучше, чѣмъ саксонскія; муштровка великолѣпная. Но въ преподаваніи не все мнѣ понравилось». О методикѣ Кера Водовозовъ отзывается неодобрительно: по его мнѣнію, «только отдѣлъ о классной дисциплинѣ превосходно разработанъ, а то все общія разсужденія безъ прямыхъ практическихъ указаній, — ученыя подраздѣленія, основанныя на отвлеченныхъ логическихъ категоріяхъ. Самые важные отдѣлы: о наглядномъ обученіи, о группировкѣ понятій, о системѣ при обученіи письму и чтенію — совсѣмъ schwach». — «Ты спро-

сишь: что̀ же я вынесъ отъ Кера? — писалъ Водовозовъ въ другомъ письмѣ. — Я познакомился здѣсь вполнѣ съ нѣмецкими классными порядками. Учитель не сходитъ съ мѣста, чтобы ученики могли прямо смотрѣть на него, не поворачивая глазъ изъ стороны въ сторону. Ноги у нихъ ровно сложены, руки всегда на столѣ. Чуть учитель замѣтилъ малѣйшее колебаніе головы и туловища у нѣсколькихъ, какъ командуетъ: «Классъ! встать!» — «Классъ! садиться! Ноги вмѣстѣ, руки сложить на столѣ, смотрѣть на меня!»... и глядишь, весь классъ опять выровнялся въ струнку. У Кера занятія идутъ довольно разнообразно: въ продолженіе часа и поютъ, и бесѣдуютъ о предметѣ, и разбираютъ звуки, и пишутъ, и учитель говоритъ по поводу того же предмета стихи или какую-нибудь маленькую повѣсть. Все распредѣлено съ точностью, на каждое занятіе не бываетъ употреблено ни одной лишней минуты, и, пришедши въ классъ извѣстное время, уже знаешь, чѣмъ занимаются... Тамъ, гдѣ послѣ объясненій дается опредѣленное знаніе, напримѣръ: «Гунны пришли изъ Азіи», ученики очень согласно повторяютъ это хоромъ. При наглядномъ обученіи точно также учитель, показывая на картину, спроситъ: отвѣтитъ одинъ, другой, и потомъ при словѣ: «Classe!» всѣ поютъ: «Это оселъ!» Чтобы сократить время, большая часть обращеній къ цѣлому классу дѣлается безъ словъ, знаками. Работаютъ здѣсь учителя съ 7 утра до 6 вечера: преподаваніе въ классахъ... уроки педагогики, уроки пѣнія, конференціи — все это повторяется ежедневно. И самъ Керъ работаетъ не меньше, получая лишь 1.500 талеровъ жалованья... Содержаніе преподаваемыхъ предметовъ и здѣсь довольно сухо. Иной разъ брала просто зѣвота: такъ и хотѣлось бы подсказать учителю, что дѣлать. Изобрѣтательности, самодѣятельной силы никакой: все выправлено, выровнено, заучено. Азбука, какъ я уже говорилъ, преподается довольно разнообразно, но послушаешь разъ, другой — и слушать нечего: все идетъ не далѣе книги, хотя по книгѣ все исполняется превосходно. Зашелъ я въ классъ къ учителю естественной исторіи, который, по здѣшнему обычаю, даже безъ картинъ, объяснялъ различіе лошади и коровы. Дѣло шло вяло и нескладно. Вслѣдъ за мной тотчасъ явился старшій изъ учителей, помощникъ Кера, постоялъ, послушалъ, сильно морща лобъ и сжимая губы, наконецъ, безъ церемоніи, прогналъ учителя съ каѳедры и крикнулъ самъ: «Classe auf! живо!.. Classe sitzen! что ѣстъ лошадь? Классъ живо!

всѣ вмѣстѣ живо: «лошадь ѣстъ сѣно». Живо: что ѣстъ собака? Собака ѣстъ мясо. Всѣ разомъ живо: «Собака ѣстъ мясо!» Дѣло, въ самомъ дѣлѣ, пошло чрезвычайно живо, но послѣ этого урока я уже болѣе не заходилъ въ классъ естественной исторіи. Вотъ поэтому меня и теперь беретъ дрожь, когда подумаю, что и здѣсь придется слышать: «Classe auf!» «Classe sitzen!» Результатъ — что для самаго метода преподованія разныхъ предметовъ я до сихъ поръ не выкопалъ здѣсь ни крупинки».

Поѣздка въ Бременъ къ Любену не состоялось, такъ какъ отъ Кера Водовозовъ узналъ, что Любенъ боленъ и не занимается въ семинаріи. Керъ посовѣтовалъ Водовозову посмотрѣть школу въ Лейпцигѣ, и тамошнее преподаваніе произвело на него гораздо болѣе благопріятное впечатлѣніе; вотъ что̀ писалъ онъ изъ этого города: «Я посѣтилъ нѣсколько школъ въ Лейпцигѣ, и, къ удивленію, не встрѣтилъ здѣсь той муштровки, какъ въ другихъ мѣстахъ, хотя въ классѣ вездѣ соблюдался отличный порядокъ. Учителя здѣсь очень развитые и порядочные люди... Здѣсь въ первый разъ встрѣтилъ я настоящее наглядное обученіе. Въ маленькомъ классѣ учитель такъ прелестно и свободно бесѣдовалъ съ дѣтьми, что нельзя было не заслушаться. Бесѣда шла о бумажномъ змѣѣ и цѣлыхъ три настоящихъ бумажныхъ змѣя были выставлены передъ классомъ. Толковали и объ устройствѣ змѣя, о частяхъ его, и о погодѣ, о разныхъ вѣтрахъ, причемъ учитель очень легко, часто съ помощью шутокъ, которыя чрезвычайно оживляли дѣтей, приводилъ къ серьезнымъ вопросомъ. При этомъ онъ говорилъ имъ стишки, пѣлъ съ ними хорошенькую пѣсню о змѣѣ, сравнивали змѣй съ воздушнымъ шаромъ, который за два дня передъ тѣмъ пускали въ Лейпцигѣ, и проч. Учитель этотъ страстно любитъ дѣтей и изучилъ ихъ превосходно». Онъ «получаетъ 600 талеровъ въ годъ, а частные уроки даетъ за 50, много за 75 коп., и между тѣмъ, сколько я могъ судить изъ разговора, по своему образованію и развитію не уступитъ первѣйшему изъ нашихъ записныхъ педагоговъ. Вообще въ этой школѣ учителя чрезвычайно самостоятельно работаютъ; въ третьемъ классѣ, при объясненіи отчизновѣденія, гдѣ рѣчь шла о Саксоніи, учитель показывалъ имъ самимъ превосходно нарисованную карту Саксоніи, въ сажень величиною, и другое рельефное изображеніе страны, сдѣланное изъ глины. Онъ толковалъ не о рѣкахъ и мѣстечкахъ, а давалъ общія рѣзкія характе-

ристики разныхъ мѣстностей и особенно указывалъ на то, какое вліяніе имѣетъ природа данной мѣстности на нравы и образъ жизни народа,—все это чрезвычайно просто и наглядно».

Изъ Лейпцига Водовозовъ возвратился опять въ Вѣну и оттуда, между прочимъ, писалъ женѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ нѣмецкихъ школахъ: «Въ Германіи они (тѣлесныя наказанія) въ извѣстной мѣрѣ дозволены, но это дозволеніе, какъ я лично убѣдился, ведетъ къ тому, что учителя пользуются имъ безъ всякой мѣры. Однимъ изъ отличныхъ средствъ служитъ камышевка, которую всякій учитель имѣетъ въ рукахъ для указаній. Даже въ классахъ порядочнаго учителя постоянно встрѣчалъ я такую операцію: толкуетъ учитель о томъ и о другомъ, указывая на карты, на картины, вдругъ выдвинется и въ видѣ указанія хлеснетъ невнимательнаго по рукѣ, и очень чувствительно. Такъ какъ учащіеся должны постоянно держать руки сложенными на столѣ, то это чрезвычайно удобно. Второе: учитель вдругъ останавливается, приближается къ виновному: — Was ist das? — затѣмъ краткая пауза. — Du, Dummkopf — и среди мертвой тишины слышится затрещина, которую учитель даетъ по затылку или по уху. Дранье за волосы, за уши также очень обыкновенно. А одинъ учитель даже оттаскалъ при мнѣ маленькую дѣвочку за щеку... Дѣвочка была прехорошенькая, и щечки были у нея такія полныя и румяныя; взялъ онъ двумя пальцами за щеку—и давай таскать во всю челюсть. Дѣти къ этому привычны, и реву я ни разу не слышалъ. Учителя не только не стыдятся такихъ операцій, но нѣкоторые при мнѣ даже съ особеннымъ рвеніемъ показывали, какъ они караютъ строптивыхъ. Одинъ добродушный толстякъ осматривалъ вмѣстѣ со мною на каѳедрѣ упражненія въ письмѣ, которыя дѣти одинъ за другимъ приносили, и давалъ чуть не каждому, въ видѣ легкаго поощренія, хлопокъ по щекѣ или подшлепокъ по задней части головы... Но одинъ изъ учениковъ написалъ худо. Учитель вдругъ откинулъ голову, взглянулъ на него свирѣпо и грознымъ голосомъ сказалъ: «Хочешь ты, чтобы я показалъ господину гостю, какъ у насъ справляются съ такими лѣнивцами? А вотъ какъ!» — и началъ его усердно возить за ухо. Потомъ смягчился и, отдавая тетрадь, уже съ дружескимъ подшлепкомъ по затылку, сказалъ: «Ну, ступай на мѣсто». Все это дѣлалось мимоходомъ, быстро, какъ по заведенному порядку.

Кто не отвѣтитъ, заставляютъ также стоять въ классѣ или оставаться нѣсколько времени послѣ урока. Но у лейпцигскихъ учителей, о которыхъ я тебѣ писалъ, я ничего подобнаго не замѣтилъ».

Пробывъ въ Вѣнѣ недолго, Водовозовъ отправился въ Италію; но его надежды узнать тамъ много любопытнаго не оправдались; напротивъ, то, что онъ видѣлъ во Флоренціи, оставило еще болѣе тяжелое впечатлѣніе, чѣмъ нѣмецкія школы. Водовозовъ имѣлъ рекомендательныя письма и въ Римъ, но наткнулся тамъ на такую массу формальностей для того, чтобы проникнуть въ школы, что, если не ошибаемся, оставилъ это намѣреніе; къ тому же флорентійскій опытъ и не позволялъ ожидать чего-нибудь добраго. Побывавъ въ Неаполѣ, онъ возвратился въ Россію.

Въ концѣ 1873 или въ началѣ 1874 г. Водовозовъ издалъ новую книгу, подъ заглавіемъ: «Элементарные разсказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей» [1]). Мы видѣли, что элементарною физикою авторъ занимался очень много и между прочимъ дѣлалъ рядъ опытовъ на руководимыхъ имъ съѣздахъ учителей. Онъ занимался и химическими опытами, но, не имѣя для этого настоящей лабораторіи, долженъ былъ ограничиваться преимущественно книжнымъ изученіемъ этой науки, а это было нелегко для человѣка, не прошедшаго хорошей естественно-научной школы. Нельзя поэтому не признать неудачною мысль взяться за разсказы по химіи, и къ книгѣ этой педагогическая критика имѣла основаніе отнестись весьма строго. Недостатки книги Водовозова произошли не отъ небрежности съ его стороны, а, во-первыхъ, какъ уже было замѣчено, оттого, что ему не случилось пройти необходимой для этого школы, а, во-вторыхъ, отчасти оттого, что въ интересахъ возможно бо̀льшей популяризаціи онъ допускалъ иногда слишкомъ большія неточности. Вообще, въ концѣ концовъ, слѣдуетъ признать, что разсказы по физикѣ, хотя и не чужды нѣкоторыхъ недостатковъ, но вообще составлены весьма недурно, разсказы же изъ химіи неудовлетворительны. Въ этомъ смыслѣ и составлена рецензія въ «Систематическомъ обзорѣ русской народноучебной литературы».

Еще лѣтомъ 1873 г. атаманъ оренбургскаго казачьяго войска обратился къ Водовозову съ предложеніемъ, чтобы онъ

[1]) Они первоначально печатались въ приложеніи къ «Народной Школѣ» 1872—1873 годовъ.

пріѣхалъ въ Оренбургъ руководить учительскимъ съѣздомъ. «Школьное дѣло у насъ въ войскѣ,—писалъ г. Бобарыкинъ,— начато въ довольно широкомъ размѣрѣ... Въ войскѣ на 250.000 жителей обоего пола имѣется до 450 школъ (около 9—10 тысячъ учащихся)... Учителя наши частью свои казаки, частью семинаристы. Женскихъ школъ около четвертой части, и онѣ идутъ вообще лучше мужскихъ... Учительницы собираются вмѣстѣ съ учителями на съѣздахъ по своимъ отдѣламъ (отдѣлъ — это подраздѣленіе войска). Сборы, напр., въ этомъ году назначены въ шести различныхъ пунктахъ подъ наблюденіемъ разныхъ лицъ». Узнавъ, что Водовозовъ не можетъ пріѣхать въ Оренбургъ въ этомъ году, такъ какъ взялся руководить курсами въ Александровѣ, г. Бобарыкинъ просилъ его пріѣхать хотя бы въ будущемъ году, на что тотъ и согласился.

Курсы эти начались 16-го мая 1874 г. Пріѣхавъ въ Оренбургъ, Водовозовъ писалъ женѣ: «Здѣсь до 30-ти разныхъ училищъ, да народныхъ школъ въ оренбургской губерніи до 400; обученіе обязательное: атаманъ приказалъ, и кончено. Здѣсь, вмѣсто попечителя и инспектора, атаманъ Мясоѣдовъ, добродушнѣйшій генералъ,.. а дѣйствуетъ чрезвычайно энергически. Мнѣ приводили образцы его увѣщаній къ казакамъ: «Сгори все ваше село, провались сквозь землю, а чтобъ ваша школа стояла на мѣстѣ». Мнѣ здѣсь только читать лекціи,— продолжаетъ Водовозовъ,—и ни о чемъ больше не заботиться: къ моимъ услугамъ урядникъ, который вчера явился ко мнѣ на вытяжку и дрожащимъ голосомъ сказалъ: «честь имѣю явиться по приказу его превосходительства къ вашему превосходительству»; съ нимъ 4 казака, да «перламе́нтъ» (какъ выразился Мясоѣдовъ) изъ трехъ дежурныхъ учителей. Учителя все казаки, есть одинъ татаринъ, два попа, и проч. Учительницъ очень много; нѣкоторыя пріѣхали изъ-за 1000 верстъ. Какъ мнѣ показалось, здѣсь все народъ очень добродушный и готовый къ услугамъ». Черезъ недѣлю по открытіи курсовъ, Водовозовъ писалъ: «Дѣлъ у меня куча. Утромъ въ 9 часовъ ужъ я на лекціи, до 2 читаю, съ промежуткомъ 10—15 минутъ; потомъ, едва успѣю пообѣдать въ 5 часовъ, опять лекціи до 7. Слушателей и слушательницъ у меня до 200 человѣкъ; зала всегда полна, и лекціи, при томъ вниманіи, какое мнѣ здѣсь оказываютъ, какъ мнѣ кажется, мнѣ удаются... Дѣвицъ набирается толпа... дамы устраиваютъ здѣсь школы, пріюты, и проч., и каждый день знакомятъ

меня съ новыми лицами, требующими отъ меня наставленій, совѣтовъ и т. д. Но я все откладываю, потому что дѣла до зарѣзу. О лекціяхъ моихъ можно много бы писать, но скажу вкратцѣ. Начались онѣ довольно торжественно. Былъ Бобарыкинъ и всѣ власти. Священникъ служилъ молебенъ и говорилъ рѣчь. Онъ указалъ на заслуги губернатора, который двинулъ все это дѣло впередъ. «И вотъ, не довольствуясь попеченіемъ о ввѣренной ему паствѣ, устраиваетъ онъ педагогическіе курсы, призывая на служеніе благого дѣла почтеннѣйшаго инспектора школъ... И, наконецъ, нынѣ по его почину пріѣзжаетъ къ намъ изъ Петербурга знаменитѣйшій педагогъ» и т. д. «Но, — заключилъ священникъ, — школа призвана на служеніе Господу, что выразилъ и Государь Императоръ въ своемъ рескриптѣ, поручивъ дворянству то дѣло, которое прежде было ввѣрено духовенству, и она должна опасаться гегелевской ереси, этого пагубнаго субститанизма» (sic)... Учителя подаютъ мнѣ сочиненія, часто довольно безграмотныя,—продолжаетъ Водовозовъ,—но на первый разъ я имѣю цѣлью ближе съ ними ознакомиться. Есть, впрочемъ, между ними и довольно способные: изъ 45 человѣкъ съ десятокъ наберется даже отличныхъ». Среди занятій по курсамъ В. И. находилъ время посѣщать нѣкоторые пріюты и школы въ Оренбургѣ и вообще нашелъ, что тамъ «просвѣщеніе двигается довольно живо». Черезъ двѣ недѣли послѣ открытія курсовъ онъ писалъ: «лекціи таки порядочно меня утомляютъ: вѣдь барабаню семь часовъ въ день, да еще сколько приготовленій; одно дѣланье пособій чего стоитъ! Здѣсь, сверхъ ожиданія, работаютъ чрезвычайно прилежно. Семейство генеральши Н., сама съ тремя дочерьми завели у себя цѣлую мастерскую и подѣлали сами своими руками всѣ мои пособія... Зала у меня всегда такъ полна, что становится жарко какъ въ Сахарѣ. Это меня поощряетъ, и я обрѣлъ здѣсь такое краснорѣчіе, что иногда даже самъ удивляюсь. Но работы, работы куча. Избранные мои учителя работаютъ, лѣзутъ вонъ изъ кожи, но, по правдѣ сказать, большая часть изъ нихъ крайне плохи: безграмотность страшная... Есть, однако, нѣсколько и очень способныхъ (между учительницами больше...). Теперь я началъ преподавать въ школѣ; дѣвочки попались очень способныя, и дѣло идетъ довольно живо». Въ другомъ письмѣ Водовозовъ сообщаетъ: «Число посѣтителей у меня все увеличивается. Сегодня самъ Бобарыкинъ съ женою принимали участіе въ преніяхъ вмѣстѣ

съ учителями: обсуждались лекціи, данныя двумя учителями». Нѣсколько позднѣе В. И. писалъ, что начальство упрашиваетъ его пріѣхать и на слѣдующій годъ, и затѣмъ продолжаетъ: «Вчера я устроилъ прогулку за Ураломъ; собралось до ста человѣкъ, да много мѣшалъ намъ дождь и сильный порывистый вѣтеръ... Занимались мы ботаникой въ залѣ загороднаго гулянья. Н. опять сдѣлали отличную астролябію, и мы мѣрили ширину залы». «Здѣсь вообще народъ славный, усердный, только, къ сожалѣнію, мало подготовленный. Школъ открыто множество, ученіе введено обязательное, а учителя какіе попало». Этому, впрочемъ, нельзя и удивляться при томъ ничтожномъ вознагражденіи, которое они получали: были учительницы, получавшія всего 30 руб. въ годъ. Жизнь въ Оренбургѣ, благодаря общему вниманію, радушію и любезности, а также и старательности учителей и учительницъ, оставила въ Водовозовѣ самое пріятное впечатлѣніе. Занятія съ учителями завершились въ концѣ іюня мѣсяца, и 1-го іюля онъ выѣхалъ изъ Оренбурга.

Доѣхавъ до Самары сухимъ путемъ, В. И. спустился на пароходѣ внизъ по Волгѣ до Астрахани, причемъ не только успѣвалъ много бесѣдовать съ народомъ, но даже, со свойственнымъ ему умѣніемъ работать при всякой обстановкѣ, написалъ тутъ же на пароходѣ статью о Волгѣ для второй части своей «Книги для первоначальнаго чтенія». Ради той же книги онъ задумалъ посѣтить Малороссію: 18-го іюля былъ уже въ Харьковѣ, затѣмъ въ Полтавѣ, и тутъ, живя на хуторѣ, успѣлъ написать нѣсколько статей для своего труда. Въ первыхъ числахъ августа Водовозовъ пріѣхалъ въ Кіевъ и присутствовалъ здѣсь на засѣданіяхъ археологическаго съѣзда, продолжая въ то же время работать надъ своею книгою.

IX.

Рефератъ въ педагогическомъ обществѣ: «По поводу вліянія нѣмецкой педагогики на наши школы». — «Руководство къ русской азбукѣ». — Вторая часть «Книги для первоначальнаго чтенія» и послѣдніе литературно-педагогическіе труды.

Осенью 1874 г. въ «Отечественныхъ Запискахъ» появилась извѣстная статья гр. Л. Н. Толстого «О народномъ образованіи», составляющая посланіе автора къ предсѣда-

телю московскаго комитета грамотности. Она вызвана была неудачнымъ исходомъ испытанія въ Москвѣ пріемовъ обученія грамотѣ гр. Толстого сравнительно съ звуковымъ методомъ [1]). Статья посвящена рѣзкой критикѣ новыхъ методовъ элементарнаго обученія, представителями которыхъ гр. Толстой избралъ для своихъ нападокъ Евтушевскаго и Бунакова. По мнѣнію автора, курсъ народной школы долженъ ограничиваться обученіемъ счету и русской и славянской грамотѣ. Въ концѣ статьи гр. Толстой рѣзко нападаетъ на земскія школы, обвиняетъ училищные совѣты въ томъ, что они не благоволятъ къ учителямъ изъ церковнослужителей, между тѣмъ какъ, по мнѣнію автора, одно изъ главныхъ соображеній, которыми слѣдуетъ руководствоваться въ этомъ случаѣ земству, должно состоять въ томъ, чтобы «учитель былъ какъ можно дешевле». По проекту автора, въ большинствѣ школъ учителя могутъ быть таковы, что имъ возможно положить жалованья по 2 руб. въ мѣсяцъ, затѣмъ слѣдуютъ школы съ вознагражденіемъ учителю по 5 руб. и лишь незначительное количество — съ жалованьемъ по 20 руб. въ мѣсяцъ. Защищать эту положительную часть проекта гр. Толстого отказывались даже весьма усердные поклонники его педагогическихъ взглядовъ. Статья гр. Толстого уже принесла и, мы увѣрены, принесетъ еще впредь не мало вреда; она пришлась очень на руку всѣмъ тѣмъ, кому не по душѣ новыя земскія школы, громадная заслуга которыхъ въ дѣлѣ народнаго образованія внѣ всякихъ сомнѣній; а теперь, когда извѣстная партія стремится къ тому, чтобы земскія школы совершенно замѣнить церковно-приходскими, статья гр. Толстого, перепечатанная въ XII томѣ собранія его сочиненій, послужитъ оправдательнымъ документомъ.

Статья гр. Толстого вызвала большой шумъ и въ журналистикѣ, и въ педагогическомъ мірѣ. Въ педагогическомъ собраніи противъ нея выступилъ г. Евтушевскій [2]), а противникомъ послѣдняго явился г. Страннолюбскій. Водовозовъ не принималъ участія въ этихъ преніяхъ, но въ засѣданіи 21-го декабря 1874 г. онъ прочелъ рефератъ: «По поводу вліянія нѣмецкой педагогики на наши школы». Намъ не

---

[1]) Испытаніе производилось, съ одной стороны, по азбукѣ гр. Толстого, съ другой стороны, по книгѣ Бунакова, «Родному Слову» Ушинскаго и «Русской Азбукѣ» Водовозова.

[2]) Отвѣтъ г. Евтушевскаго гр. Толстому напечатанъ отдѣльною брошюрою (С.-Петербургъ 1874 г.).

разъ приходилось указывать на то, что Водовозовъ никогда не былъ безусловнымъ поклонникомъ нѣмецкой педагогики, и никто лучше его не видѣлъ недостатковъ нѣмецкихъ школъ; онъ всегда настаивалъ на необходимости самостоятельно перерабатывать пріемы западныхъ педагоговъ въ примѣненіи къ нашимъ потребностямъ; но когда начались рѣзкія нападки на новые методы, когда дѣло дошло до того, что въ своей азбукѣ гр. Толстой преподносилъ ученикамъ чтеніе безконечнаго ряда слоговъ — «вздры, бстро, бздна, вздра, взгля» и тому подобную безсмыслицу, то Водовозовъ нашелъ нужнымъ и съ своей стороны вступиться за основные принципы новой педагогики, столь легкомысленно осмѣиваемой тѣми, дѣтей которыхъ она избавила отъ старой азбучной долбни.

Оговорившись вначалѣ, что по поводу избранной имъ темы онъ не думаетъ разбирать статьи гр. Толстого, Водовозовъ далѣе сказалъ, между прочимъ, слѣдующее: «У насъ въ обществѣ господствуетъ сомнѣніе: дѣйствительно ли пригодны *вообще* эти новые методы? Не есть ли это только произведеніе нѣмецкаго хитроумія,—тотъ же мертвый формализмъ, но лишь подкрашенный въ свѣжій цвѣтъ самостоятельнаго развитія? И эти сомнѣнія имѣютъ свое основаніе... Если обратить вниманіе на сущность дѣла, новѣйшая нѣмецкая педагогика находится въ самой тѣсной связи съ остальной нѣмецкой наукой, и новые методы обученія представляютъ только примѣненіе къ дѣлу воспитанія того же индуктивнаго метода, которому такъ строго слѣдуетъ наука прежде чѣмъ начать строить дедуктивно». Какія требованія современной науки? «Духъ свободнаго изслѣдованія, критики, взамѣнъ подчиненія авторитету, наблюденіе, изученіе фактовъ, матеріала науки, предшествующее всякому выводу и группировкѣ, строгая логическая послѣдовательность въ переходѣ отъ низшихъ ступеней системы на высшія и въ размѣщеніи фактовъ по рубрикамъ этой системы. Точно также и въ педагогикѣ рѣзко поставленъ вопросъ: учить ли въ томъ смыслѣ, чтобы дѣти, положимъ, сознательно усвоивали готовое, заданное учителемъ, безъ всякаго ихъ участія, или устроить дѣло обученія такъ, чтобы дѣти *путемъ наблюденій и размышленій сами доходили до извѣстнаго знанія*, причемъ преподаватель только облегчалъ бы ихъ трудъ, предлагая факты для наблюденія и направляя вопросами къ общему выводу? Не трудно доказать, что новые методы стремятся удовлетво-

рить этой послѣдней цѣли, согласной и съ требованіями научнаго изслѣдованія. Такъ, въ школы вводятъ наглядныя бесѣды, наглядное обученіе... Общая цѣль его совершенно разумная. Эта цѣль—провѣрить первыя дѣтскія наблюденія, уже сдѣланныя внѣ школы, дополнить и обобщить ихъ согласно первому развитію дѣтскихъ понятій, дать дѣтскимъ понятіямъ, такъ сказать, первую логическую научную установку. Люди, не видящіе этой цѣли въ наглядномъ обученіи (мы разумѣемъ здѣсь лишь начало курса, первый годъ элементарнаго обученія), обыкновенно спрашиваютъ: зачѣмъ учить дѣтей тому, что̀ они отлично знаютъ?.. Замѣтимъ, что здѣсь преподаватель ничему не учитъ, а только даетъ дѣтямъ случай высказывать свои сужденія, исправлять ихъ и приводить въ порядокъ, что́ важно и для упражненія въ языкѣ. Дѣти, конечно, судятъ логически, но ихъ сужденія отрывочны и безсвязны и вообще таковы, что на этихъ сужденіяхъ еще нельзя строить никакого прочнаго знанія. Безъ сомнѣнія сельскій мальчикъ можетъ знать о звѣряхъ, птицахъ и другихъ близкихъ ему предметахъ природы иногда болѣе, чѣмъ его учитель, даже прошедшій полный курсъ естественныхъ наукъ въ университетѣ. Но что-жъ изъ этого? Его знаніе все-таки остается безплоднымъ и нисколько не избавляетъ его даже отъ самыхъ грубыхъ суевѣрій: значитъ, важно здѣсь не количество знаній, а важна ихъ внутренняя связь, *и вся сила заключается въ томъ способѣ, въ методѣ, по которому мы ихъ усвоиваемъ и приводимъ въ порядокъ*... Допустимъ даже, что по другому способу дѣти скорѣе научились бы грамотѣ, ариѳметикѣ и проч., но тутъ дѣло не въ скорости. Учась послѣдовательно, *дѣти незамѣтно усвоиваютъ самый методъ изученія,* а это и есть первое, главное, самое необходимое изъ всѣхъ пріобрѣтаемыхъ ими знаній. Ту же послѣдовательность находимъ мы и въ звуковомъ способѣ письмочтенія»...

«Но отчего же происходитъ,—спрашиваетъ Водовозовъ,—такое недовѣріе къ новымъ методамъ?—Причиною этого, конечно, отчасти безсознательная привычка и приверженность къ старому, служащая помѣхой во всякомъ начинающемся дѣлѣ... Другая, и болѣе важная, причина заключается въ неудачномъ или непослѣдовательномъ примѣненіи новыхъ методовъ, и не только у насъ, но и въ самой Германіи, и не только въ Германіи, но и въ другихъ странахъ... Что касается собственно нѣмецкой педагогики, то дѣйствительно

въ ея примѣненіи можно найти много странностей и нелѣпостей... Недостатки собственно системы нѣмецкой вотъ въ чемъ заключаются: 1) въ неправильной индукціи; 2) въ искуственной, нѣсколько сложной систематикѣ; 3) въ искуственномъ соединеніи различныхъ частей обученія... Заботясь болѣе всего о внѣшней выправкѣ, многіе германскіе педагоги, дѣйствующіе въ школѣ, обращаютъ все обученіе въ какую то капральскую муштровку, причемъ уже нѣтъ и вопроса о томъ, чтобы извѣстная система свободно развивалась въ дѣтскомъ сознаніи,—она разучивается по командѣ: *разъ, два*, какъ отличное средство для умственной дрессировки, направленной къ извѣстнымъ, уже вовсе не педагогическимъ цѣлямъ. Тутъ жизнь съ ея вѣяніемъ и закаломъ кладетъ свою печать на школы и калѣчитъ науку. Но новые методы въ этомъ, конечно, нисколько не виноваты...

«Намъ, однако, скажутъ: если въ самой Германіи есть столько недостатковъ въ примѣненіи новыхъ методовъ, то какъ примѣнить ихъ у насъ, при нашихъ болѣе бѣдныхъ средствахъ? Мнѣ кажется, что примѣнить ихъ у насъ легче, потому что мы такъ крѣпко не связаны старою рутинною системой... Говорятъ, что новые способы болѣе сложны, что неподготовленнымъ преподавателямъ труднѣе ихъ усвоить. Эта сложность, я думаю, значительно уменьшилась бы, если бы у насъ болѣе обращали вниманія на ихъ сущность и строже ихъ держались... Да и что̀ такое простота? Просты ли старые методы? Безконечныя упражненія на слоги, механическое чтеніе и письмо, упражненія въ ариѳметическихъ дѣйствіяхъ по готовымъ правиламъ — не думаю, чтобы все это было просто, когда преподаватели и учащіеся нерѣдко бьются надъ этимъ цѣлые годы безъ всякаго результата. Если *простымъ* считать то, что̀ понятнѣе, логичнѣе, что̀ болѣе согласно съ сущностью предмета, съ дѣтскою и человѣческою природою вообще, то, безъ всякаго сомнѣнія, лишь новые методы можно назвать *простыми*. Въ нихъ, однако, надо отличать... то, что̀ принадлежитъ къ самому методу, отъ того, что̀ относится къ его примѣненію,—отъ той сложности и искуственнаго дробленія, вводя которыя нѣмцы иногда умѣютъ и живую систему обратить въ мертвую логическую схему. Это должны всегда имѣть въ виду преподаватели по новымъ методамъ... Что касается того, что школа должна примѣняться къ условіямъ жизни, къ требованіямъ народа, то врядъ ли это можно понимать такъ, чтобы для этого искажалась основ-

ная научная истина. Я началъ учить по звуковому способу,— мнѣ говорятъ: народъ этимъ смущается,—учите по слогослагательному. Я уступилъ, началъ по слогослагательному,— мнѣ кричатъ: старики требуютъ *азъ, буки, вѣди*... Я начинаю *азъ, буки, вѣди*,—меня осуждаютъ: зачѣмъ я началъ съ русской, а не съ славянской азбуки. Потомъ отъ меня требуютъ, чтобы я сѣкъ дѣтей, отпускалъ во время ученья на домашніе праздники... Спрашивается: гдѣ предѣлъ подобнымъ уступкамъ?.. И что выйдетъ изъ школы, если она пойдетъ на подобныя соглашенія? Надо ужъ быть послѣдовательнымъ: становясь народнымъ въ этомъ смыслѣ, придется поддерживать вѣру въ домовыхъ, въ лѣшихъ, въ кикиморъ. Нѣтъ, я думаю, преподаватель съ самаго начала долженъ оградить себя отъ всѣхъ подобныхъ вторженій... Когда же будутъ видны результаты его занятія, то и разсужденій никакихъ болѣе не будетъ нужно. Тогда довольно указывать на эти результаты: народъ не такъ безсмысленъ, чтобы не понимать своей пользы... Примѣненіе къ жизни вовсе не заключается въ томъ, чтобы слѣдовать старымъ, общепринятымъ мнѣніямъ. Мнѣнія эти могутъ быть лишь случайными наростами, а вовсе не составлять чего-нибудь органическаго въ народной жизни. Съ незначительнымъ измѣненіемъ ея содержанія, они безслѣдно отпадаютъ».

Когда во время преній было упомянуто имя гр. Л. Н. Толстого, то Водовозовъ, между прочимъ, замѣтилъ: «статья Толстого приноситъ... вредъ тѣмъ, что не различаетъ двухъ вещей: плохого примѣненія и самого метода» [1]).

Въ 1875 г. Водовозовъ издалъ книгу: «Руководство къ русской азбукѣ. Практическіе уроки бесѣдъ, звукового раз-

---

[1]) Стенографическій отчетъ объ этомъ прекрасномъ рефератѣ Водовозова см. въ журналѣ «Семья и Школа» 1875 г., № 2 (Отд. для родителей и воспитателей), приложенія, стр. 108—120; пренія по поводу реферата, ibid. стр. 120—127. Въ статьѣ, вызванной въ 1883 г. брошюрою г. Рачинскаго, «Замѣтки о сельскихъ школахъ», Водовозовъ говоритъ: «г. Рачинскій, какъ самобытникъ, разумѣется, не считаетъ полезными для школы какіе-либо нѣмецкіе методы; объ ученыхъ педагогахъ онъ отзывается съ насмѣшкою. Съ легкой руки гр. Л. Толстого, это у насъ вошло въ моду. Не учиться никакимъ методамъ, — чего же лучше! Этого намъ только и надо: мы все отлично производимъ сами изъ себя, безъ помощи скучной науки. Безъ сомнѣнія гр. Толстой былъ очень правъ въ отдѣльныхъ случаяхъ: много было смѣшныхъ и нелѣпыхъ крайностей въ примѣненіи методовъ. Но и въ этихъ крайностяхъ все-таки былъ же какой-нибудь смыслъ, а наши самобытники допускаютъ полный произволъ, и въ концѣ концовъ слѣдуютъ такимъ же «нѣмецкимъ» методамъ, но которые зашли къ намъ лѣтъ 60 тому назадъ и потому считаются «русскими» («Вѣстникъ Европы» 1883 г., № 8, стр. 851).

бора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ занятій». Во введеніи къ этому труду авторъ объясняетъ, что вся послѣдовательная система обученія грамотѣ по методу письмо-чтенія, которому онъ слѣдуетъ, изложены имъ въ книгѣ: «Предметы обученія въ народной школѣ», а во вновь издаваемомъ сочиненіи онъ имѣлъ въ виду практическое примѣненіе этой системы для уясненія преподавателю, какъ руководствоваться его азбукой; здѣсь приводятся преимущественно образцы уроковъ бесѣдъ, звукового разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ занятій.

«Руководство въ русской азбукѣ» вызвало рѣзкую критику въ журналѣ «Дѣло», подписанную псевдонимомъ Н. Языкова, но принадлежащую, какъ это было скоро раскрыто самимъ авторомъ, Н. В. Шелгунову. Статья называется: «Впередъ или назадъ?» и представляетъ разборъ «Новой азбуки» гр. Л. Толстого и «Руководства къ русской азбукѣ» Водовозова. Азбука гр. Толстого разобрана весьма мѣтко и остроумно [1]); но въ тоже время авторъ критики совершенно подпалъ вліянію извѣстной статьи гр. Толстого и потому отнесся отрицательно и къ «Руководству къ русской азбукѣ» Водовозова. «Главная ошибка нашихъ педагоговъ,—говоритъ онъ,—въ томъ, что они отнимаютъ отъ дѣтей всякую самодѣятельность мысли, и переходъ отъ «извѣстнаго» къ «неизвѣстному» доводятъ до такого смѣшного педантизма, что лишаютъ ребенка всякой умственной самостоятельности... Главная ошибка г. Водовозова и подобныхъ ему развивателей—исключительно въ томъ, что они или объясняютъ восьмилѣтнимъ дѣтямъ то, что знаетъ всякій четырехлѣтній ребенокъ, или же требуютъ того, чего не понимаетъ и учитель». На главнѣйшія изъ этихъ обвиненій Водовозовъ уже отвѣчалъ въ указанномъ выше рефератѣ въ педагогическомъ об-

[1]) «Отъ нея,—говоритъ г. Шелгуновъ,—вѣетъ какимъ-то классическимъ стоицизмомъ, сухостью и скукой... Гр. Толстой даже не хочетъ (въ этой книгѣ) писать простымъ народнымъ языкомъ, которымъ такъ хорошо владѣетъ. Гр. Толстой, обличившій педагоговъ и поднявшій ихъ на смѣхъ за нѣмецкій педантизмъ, самъ поступаетъ едва ли не хуже... Онъ даетъ не больше, какъ старинный букварь, необыкновенно монотонный и однообразный, надъ которымъ заснетъ всякій ребенокъ... Гр. Толстой ушелъ больше назадъ, чѣмъ впередъ... онъ, не желая подражать ни Ушинскому, ни Бунакову, ни Водовозову и желая дать *свое*, въ сущности далъ то, что именно и вызвало протестъ противъ старой школы... Азбука гр. Толстого не больше какъ... матеріалъ для механическаго чтенія». Сравн. отзывъ С. И. Миропольскаго объ азбукѣ гр. Толстого въ «Руководствѣ къ преподаванію общеобразовательныхъ предметовъ», т. II, стр. 491—493.

ществѣ: «По поводу вліянія нѣмецкой педагогики на наши школы», а затѣмъ критикъ упускаетъ изъ виду, что если методическое руководство заключаетъ въ себѣ образцы уроковъ, изложенные приблизительно въ той формѣ, какъ они должны быть ведены въ классѣ, то это не болѣе, какъ *примѣры* примѣненія теоріи къ практикѣ, они служатъ автору руководства только средствомъ для болѣе нагляднаго выясненія его воззрѣній на способы преподаванія. Авторъ «Руководства», разумѣется, не думалъ о томъ, чтобы они дословно повторялись въ классѣ; во время преній по его реферату въ педагогическомъ обществѣ, онъ самъ замѣтилъ: «Представьте себѣ, что учитель возьметъ «Предметные уроки» Песталоцци и будетъ руководиться ими сплошь; онъ этимъ доведетъ дѣтей до одурѣнія». Но если и допустить, что въ этой книгѣ Водовозова есть извѣстная доля увлеченія его системою упражненій, то, во всякомъ случаѣ, нельзя не пожалѣть (и къ этому сожалѣнію, вѣроятно, присоединится теперь и самъ уважаемый критикъ), что съ его пера сорвались такія слова: «Теперешняя школа съ ея потребностями—тотъ же былой откупъ. Явился Кокоревъ школьнаго дѣла» (Ушинскій!), «создалъ систему, за нимъ выступило еще три, четыре человѣка — и уловили въ свою сѣть почти всю Россію. Двадцать лѣтъ вы владѣете безраздѣльно своимъ педагогическимъ откупомъ и ведете войну съ здравымъ смысломъ. Но здравый смыслъ—сила непобѣдимая. Онъ можетъ замолчать на время, но потомъ скажется, и царство педагогическаго откупа рухнетъ, наконецъ, точно такъ же, какъ и виннаго. Пользуйтесь пока временемъ, спекуляторы-педагоги, печатайте въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ свои развивающія азбуки, заполняйте ими школы, спѣшите, спѣшите, потому что на горизонтѣ является уже легкое облачко, и скоро оно разростется въ грозную тучу, и очнувшійся здравый русскій смыслъ и практическія требованія жизни сдуютъ васъ со всѣми вашими книжками, такъ что и слѣда вашего не останется» [1]). Такія огульныя характеристики и обвиненія были совершенно во вкусѣ «Дѣла» во время редактированія этого журнала Благосвѣтловымъ.

На статью эту Водовозовъ отвѣчалъ въ «Биржев. Вѣдомостяхъ» 1875 г. (№ 275); здѣсь онъ, между прочимъ, гово-

[1]) «Дѣло» 1875 г., № 9; сравн. «Отвѣтъ г. Водовозову» Н. Шелгунова, ibid., № 11.

ритъ: «Предположимъ, что указанныя мною упражненія были ошибкой, но какъ же изъ этой доли занятій лишь одного перваго года выводить и мою характеристику, и характеристику всей новой школы?.. Вездѣ заставляю я наблюдать самые предметы и въ этихъ предметахъ указывать свойства, согласныя ихъ природѣ, назначенію и употребленію. Слѣдовательно, содержаніе моихъ бесѣдъ чисто реальное. Вопросъ «зачѣмъ?» «почему?» чаще всего въ нихъ встрѣчается, такъ какъ я болѣе всего желаю возбудить въ учащихся это сознаніе цѣли и смысла явленій... Можетъ быть, многое тутъ нужно сократить, измѣнить, переставить, но за пользу представленныхъ мною упражненій я поспорю... Повѣрьте, общее развитіе понятій, которое вы считаете полезнымъ для литератора, для юриста, а не для сельскаго мальчика, болѣе всего и поможетъ успѣху защищаемыхъ вами сельско-хозяйственныхъ знаній... Какъ же вы не понимаете, что въ дѣлѣ воспитанія выборъ матеріала имѣетъ значеніе только въ связи съ *формальною его обработкой?* Можно выбрать много очень хорошихъ предметовъ, и все-таки они будутъ никуда негодны, потому что не умѣстятся въ головѣ ребенка или произведутъ въ ней одинъ безпорядочный хаосъ... Ваше облачко, — говоритъ въ заключеніе Водовозовъ, намекая на рѣзкую выходку критика противъ педагоговъ, — пожалуй, и разростется въ бурю; но что̀ же изъ этого выйдетъ? Подуетъ, поломаетъ кое-что, и опять останется пустота. Пустота, однако, имѣетъ то неудобство, что вмѣсто описываемыхъ вами посредственностей можетъ народить еще худшія».

Предсказаніе Водовозова, къ сожалѣнію, сбылось: труды педагоговъ 60-хъ и 70-хъ годовъ по первоначальному обученію еще тогда желалъ разрушить гр. Л. Толстой и поставить на ихъ мѣсто свою «Новую азбуку», такъ вѣрно оцѣненную и г. Шелгуновымъ; теперь же, что̀ гораздо печальнѣе, желаютъ новыя земскія школы, основанныя на началахъ новой педагогики и уже принесшія такъ много пользы, *замѣнить* церковно-приходскими школами, а не поставить эти послѣднія рядомъ съ земскими. Не поработали ли безсознательно для этого дѣла, рядомъ съ гр. Л. Толстымъ, и неумѣренные поклонники его педагогическихъ взглядовъ? Къ счастью, отрезвленіе отъ угара, причиненнаго статьею гр. Л. Толстого, уже начинаетъ сказываться, и тотъ же Н. В. Шелгуновъ теперь говоритъ: «Въ исторіи народной школы имена ея первоучителей и организаторовъ, какъ

Ушинскій, Водовозовъ, Максимовичъ, Столпянскій, Золотовъ, баронъ Косинскій, баронъ Корфъ, Студитскій, Кочетовъ, Блиновъ, Тихомировъ — сохранятся навѣчно» [1]). Относительно нѣкоторыхъ лицъ авторъ проявляетъ тутъ, быть можетъ, избытокъ снисходительности, какъ прежде, осуждая педагоговъ, обнаружилъ непомѣрную строгость.

Лѣто 1875 г. Водовозовъ провелъ за границей, главнымъ образомъ въ Лондонѣ и Парижѣ. По обыкновенію, посѣщая музеи и разныя достопримѣчательности, бо́льшую часть времени онъ удѣлялъ педагогическимъ занятіямъ. 10-го іюля онъ писалъ женѣ изъ Лондона: «Сегодня я началъ перебирать англійскія педагогическія сочиненія въ кенсингтонскомъ музеѣ: замѣчательнаго въ педагогическомъ отношеніи очень мало, но много оригинальнаго». Въ одномъ изъ слѣдующихъ писемъ В. И. сообщаетъ: въ кенсингтонскомъ музеѣ я успѣлъ просмотрѣть до 500 книгъ по педагогикѣ, но остается еще огромное количество».

Еще въ 1874 г., во время поѣздки въ Оренбургъ и южную Россію, Водовозовъ составлялъ статьи для второй части своей «Книги для первоначальнаго чтенія»; эта часть приняла очень обширные размѣры, и работа надъ нею заняла бо́льшую часть времени автора до 1878 г., когда она появилась въ свѣтъ подъ слѣдующимъ заглавіемъ: «Книга для первоначальнаго чтенія. Часть II. Для старшаго возраста и для взрослыхъ». Она заключаетъ въ себѣ: естественно-историческіе разсказы, разсказы изъ физики, астрономической и физической географіи, разсказы изъ путешествій, описанія различныхъ странъ и племенъ, ихъ населяющихъ; статьи по географіи и статистикѣ Россіи и по русской исторіи. Статьи по всѣмъ этимъ отдѣламъ, за исключеніемъ двухъ отрывковъ изъ «Фрегата-Паллады» Гончарова, принадлежатъ автору. Затѣмъ въ книгѣ есть еще два отдѣла: 1) поэтическіе отрывки въ прозѣ изъ сочиненій Аксакова, Тургенева, Гоголя, Лермонтова, Печерскаго, Щедрина, Островскаго, Толстого, и 2) стихотворенія. Нужно замѣтить, что книга эта издана въ высшей степени дешево: несмотря на ея обширный размѣръ (608 стр. убористой печати) съ 65 рисунками Панова и Васнецова и таблицами чертежей, она сто́итъ всего 80 к., т.-е. по 2 коп. за печатный листъ. Издавая эту книгу, Водовозовъ не только не разсчитывалъ ни на какую выгоду,

[1]) «Очерки русской жизни» въ «Русской Мысли» 1886 г., № 12, стр. 142.

но даже прямо шелъ на убытокъ. Первое изданіе въ 10.000 экз. не покрыло даже расходовъ.

Когда книга эта была представлена авторомъ на разсмотрѣніе въ особый отдѣлъ ученаго комитета министерства народнаго просвѣщенія, она первоначально встрѣтила тамъ радушный пріемъ: «Выборъ статей,—сказано въ оффиціальной бумагѣ, присланной автору,—можно считать хорошимъ, и развѣ только два стихотворенія: «Труженикъ», Хомякова, и «На могилѣ матери», Некрасова, страдаютъ тѣмъ, что въ нихъ изложены слишкомъ безотрадные взгляды на трудъ и на женскую долю въ нашемъ народномъ бытѣ. Статьи самого г. Водовозова изложены хорошимъ языкомъ и читаются легко, кромѣ тѣхъ статей, въ которыхъ слишкомъ много цифръ и разныхъ научныхъ свѣденій, изложенныхъ не для чтенія только, а для подробнаго изученія, напримѣръ: статьи о мануфактурной промышленности въ Россіи, кустарная промышленность, пути сообщенія, внутренняя и внѣшняя торговля Россіи. Эти послѣднія статьи могутъ быть полезны для преподаванія географіи въ народныхъ школахъ, гдѣ особыхъ учебниковъ на этотъ предметъ не полагается. Статьи по естественной исторіи, физикѣ, географіи и этнографіи написаны, вообще говоря, вполнѣ удовлетворительно и содержатъ вѣрныя научныя свѣденія» (далѣе сдѣлано нѣсколько частныхъ замѣчаній). Затѣмъ первая часть присланной автору выписки изъ журнала особаго отдѣла ученаго комитета заканчивается такимъ образомъ: «По мнѣнію ученаго комитета, несмотря на эти частные недостатки, книга г. Водовозова можетъ быть одобрена, какъ книга для чтенія, въ двуклассныя и городскія училища и для библіотекъ всѣхъ другихъ начальныхъ училищъ. Къ достоинствамъ ея слѣдуетъ причислить и очень небольшую цѣну». Но вскорѣ ученый комитетъ, «въ засѣданіи своемъ 26-го февраля, встрѣтивъ нѣкоторыя затрудненія дозволить обращеніе въ народныхъ училищахъ статей по русской исторіи и словесности въ книгѣ г. Водовозова», нашелъ нужнымъ разсмотрѣть ихъ подробнѣе. Въ общемъ, историческія статьи не понравились особому отдѣлу ученаго комитета по своему направленію, и въ заключеніе отзыва о нихъ мы находимъ напоминаніе, что въ программѣ на составленіе русской исторіи для народа на Петровскую премію ученымъ комитетомъ «категорически» выражены требованія, которымъ должны удовлетворять сочиненія для народа по этому предмету. Общій смыслъ ихъ «сводится къ тому,

чтобы отвѣчать простолюдину не на вопросъ: какъ жили наши предки (sic!)», «а на вопросъ: какъ сложилось русское государство и достигло той высоты, на коей стоитъ нынѣ».

Общее заключеніе, къ которому пришелъ особый отдѣлъ ученаго комитета, было слѣдующее: «Составленная г. Водовозовымъ «Книга для первоначальнаго чтенія» (часть II) по отдѣлу естествознанія и географіи могла бы быть одобрена, но заключающіеся въ ней историческіе разсказы такого свойства, что одобренія заслужить не могутъ; посему особый отдѣлъ ученаго комитета полагалъ бы предложить составителю или исключить изъ нея означенные разсказы, или же замѣнить ихъ другими, принявъ въ соображеніе замѣчанія особаго отдѣла ученаго комитета».

Въ 1883 г. вышло второе изданіе «Книги для первоначальнаго чтенія. Часть II». Авторъ сдѣлалъ въ немъ нѣкоторыя измѣненія, сравнительно съ первымъ (напримѣръ, обновилъ статистическія данныя), но такъ какъ онъ не могъ, разумѣется, согласиться съ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета, что книги и статьи для народа по русской исторіи *не* должны отвѣчать на вопросъ: «какъ жили наши предки», то онъ оставилъ историческія статьи своей книги безъ измѣненія [1]); не замѣнены также и непонравившіяся особому отдѣлу ученаго комитета стихотворенія, на одобреніе котораго Водовозовъ уже не представлялъ этого изданія.

Если никакъ нельзя согласиться съ мнѣніемъ особаго отдѣла ученаго комитета относительно историческаго и отчасти стихотворнаго отдѣла второй части «Книги для первоначальнаго чтенія», то все-таки слѣдуетъ отдать ему справедливость, что онъ вполнѣ оцѣнилъ всѣ другіе отдѣлы этой книги. Къ сожалѣнію, нельзя того же сказать о нашей педагогической критикѣ. Она просто просмотрѣла этотъ новый и весьма замѣчательный трудъ Водовозова. Намъ помнится только, что въ одной газетѣ былъ помѣщенъ о немъ пошлый отзывъ, гдѣ въ вину автору умудрились поставить дешевизну

---

[1]) Быть можетъ, требованія ученаго комитета, чтобы книги по русской исторіи для народнаго чтенія отвѣчали исключительно на вопросъ: «какъ сложилось русское государство и достигло той высоты, на коей стоитъ нынѣ», вызвало слѣдующія строки въ статьѣ Водовозова «Что читать народу»: «У насъ объ исторіи для народа сложилось особенное понятіе. Многіе считаютъ тутъ необходимыми риторическія изображенія и особенно псевдо-патріотическія разглагольствованія. Не намъ бы учить патріотизму народъ, который преимущественно на своихъ плечахъ вынесъ всю тягость нашего историческаго развитія» (Вѣстн. Европы» 1886 г. № 7, стр. 439).

книги: она названа была «барскою подачкою народу!» Впрочемъ, въ дополненіи къ «Систематическому обзору русской народно-учебной литературы» (1882 г.) мы находимъ коротенькій отзывъ объ этой книгѣ, гдѣ указывается на разнообразіе въ ней матеріала и тщательную его отдѣлку. «Составитель задался мыслью, — говоритъ рецензентъ, — дать не только дѣтямъ, но и взрослымъ сельскимъ жителямъ, не имѣющимъ подъ руками соотвѣтствующихъ ихъ потребностямъ библіотекъ, книгу, въ которой они могли бы найти, по возможности, самыя разностороннія свѣденія по такимъ отраслямъ знаній, какъ естествовѣденіе, географія, исторія, и въ то же время — чтеніе художественныхъ произведеній въ прозѣ и стихахъ... Вообще, книга г. Водовозова весьма полезна не только для дѣтей, но и для взрослыхъ». Вторая часть «Книги для первоначальнаго чтенія», вслѣдствіе ея неодобренія ученымъ комитетомъ, не имѣла такого распространенія, какъ первая, но, по нашему мнѣнію, этому замѣчательному труду, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, предстоитъ блестящее будущее.

Въ 1882 году Водовозовъ издалъ «Очерки изъ русской исторіи XVIII-го вѣка, съ приложеніемъ очерковъ изъ древнерусской жизни и изъ исторіи до-петровскаго переходнаго времени». Это прекрасное сочиненіе, составленное весьма живо и талантливо, не только по лучшимъ историческимъ изслѣдованіямъ, но и по главнѣйшимъ источникамъ, нашло справедливую оцѣнку въ печати. Вотъ какъ оно характеризуется въ «Русской Мысли»: «Не государство и его формы..., а положеніе народа въ широкомъ смыслѣ—вотъ предметъ «Очерковъ»... Г. Водовозовъ не утомляетъ читателя описаніемъ войнъ, годами, обиліемъ собственныхъ именъ и т. д. О войнахъ онъ передаетъ настолько, поскольку онѣ имѣли значенія для народной жизни и поскольку на ней отражались... Желая, по силѣ возможности, перенести читателя въ изучаемое имъ время, г. Водовозовъ нерѣдко даетъ картину внѣшней и внутренней жизни общества въ описываемый моментъ». Въ заключеніе сказано: «Очерки» представляютъ прекрасное чтеніе, какъ дополненіе школьнаго учебника, но навѣрно они найдутъ себѣ читателей и среди публики, интересующейся прошлою жизнью своего народа». Къ сожалѣнію, эти ожиданія мало оправдались. На одобреніе ученаго комитета Водовозовъ своей книги не представлялъ, и потому въ среднія учебныя заведенія она не проникла, а публика, быть можетъ,

привыкла соединять съ именемъ Водовозова труды болѣе элементарные, чѣмъ данная книга. Между тѣмъ, это положительно одно изъ лучшихъ популярныхъ сочиненій по исторіи Россіи въ XVIII вѣкѣ; болѣе половины его посвящено царствованію Екатерины II, и здѣсь подробно описана коммиссія для составленія новаго уложенія, Пугачевскій бунтъ, дѣятельность Потемкина, паденіе Польши и проч.

Въ концѣ 1882 г. Водовозовъ напечаталъ «Русскія сказки въ стихахъ», которыя были встрѣчены критикою не особенно дружелюбно. Стихъ сказокъ легокъ и гладокъ, но нѣсколько однообразенъ.

Съ 1883 г. Водовозовъ, если не считать повторенія изданій его прежнихъ сочиненій, не издавалъ уже болѣе отдѣльныхъ книгъ; мало появлялось и статей его. Время В. И-ча было занято составленіемъ третьей части «Книги для первоначальнаго чтенія»,—которой ему не удалось докончить,—корректурою, а иногда и дополненіемъ прежнихъ трудовъ. Въ часы досуга, съ 1879 г., онъ очень нерѣдко набрасывалъ то или другое стихотвореніе. «Стихъ ему давался легко,—говоритъ г. Щиглевъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—и многія изъ его стихотвореній, не говоря уже о переводныхъ, написанныя имъ за три-четыре года до смерти, положительно превосходны во всѣхъ отношеніяхъ: по силѣ чувства, образности, содержанію и формѣ». Между прочимъ, онъ написалъ довольно большое произведеніе въ стихахъ («Сказка о старомъ и молодомъ Ильѣ»), съ намеками на многія явленія русской исторіи, и сказку для дѣтей: «Никита и его дочери» (и то, и другое еще не напечатано). Лѣтомъ 1885 г. онъ написалъ статью: «Что̀ читать народу», по поводу книги, изданной подъ тѣмъ же заглавіемъ: статья эта появилась въ печати уже послѣ смерти автора.

X.

Общая характеристика взглядовъ В. И. Водовозова.

Окончивъ подробный обзоръ всей литературной и педагогической дѣятельности Водовозова, мы считаемъ необходимымъ представить въ заключеніе сжатую характеристику его взглядовъ и его личности.

Мы видѣли, какъ много поработалъ Водовозовъ для дѣла

народнаго образованія и теоретически, и практически. Напомнимъ, что онъ энергически протестовалъ въ свое время противъ излишней регламентаціи преподаванія въ народныхъ училищахъ и воскресныхъ школахъ; въ 1863 г. онъ также горячо возражалъ противъ мнѣнія о необходимости отдать народное образованіе въ руки духовенства; въ это же время онъ требовалъ, чтобы курсъ народныхъ школъ не ограничивался усвоеніемъ одного механизма чтенія и письма. Онъ считалъ необходимымъ, чтобы въ курсъ народной школы входили нѣкоторыя существенныя данныя изъ области естествознанія, географіи и исторіи, чтобы учащихся знакомили съ мѣстными промыслами, давали имъ «лучшее понятіе о сельскомъ трудѣ»; для этого необходимою принадлежностью школы должны были быть, по его мнѣнію, садъ, огородъ и поле [1]). Въ шестидесятыхъ годахъ, какъ и позднѣе, Водовозовъ возражалъ противъ крайностей въ подражаніи нѣмецкимъ образцамъ. Указавъ, еще въ 1863 г., разумныя требованія отъ «Книги для первоначальнаго чтенія» въ народныхъ школахъ, Водовозовъ, семь лѣтъ позднѣе, самъ осуществилъ эти требованія, и его трудъ, какъ мы видѣли, былъ встрѣченъ всеобщимъ одобреніемъ. Протестуя какъ противъ мало содержательныхъ, отвлеченно-поучительныхъ разсказовъ въ «Книгѣ для первоначальнаго чтенія», такъ и противъ отрывочнаго, безсистемнаго изложенія научныхъ свѣдѣній, Водовозовъ далъ въ своемъ трудѣ строго обдуманный циклъ элементарныхъ данныхъ изъ области естествовѣдѣнія, исторіи и географіи; не было недостатка и въ статьяхъ, цѣлью которыхъ было «правильное развитіе воображенія, чувства прекраснаго, или нравственнаго чувства». Дѣло учителя было облегчено превосходнымъ руководствомъ съ самыми подробными указаніями, какъ вести преподаваніе. Черезъ 8 лѣтъ послѣ составленія первой части «Книги для первоначальнаго чтенія», появилась ея вторая часть, предназначенная авторомъ для старшаго возраста и для взрослыхъ. Здѣсь авторъ поставилъ себѣ цѣлью охватить болѣе обширный кругъ знаній изъ области естественной исторіи, физики, астрономической и физической географіи, этнографіи и политической географіи; не мало мѣста отвелъ онъ

---

[1]) Что касается собственно земледѣльческихъ и ремесленныхъ школъ, то въ 1883 г. Водовозовъ высказался за то, чтобы онѣ были совершенно отдѣлены отъ школъ грамотности, и чтобы учащіеся вступали въ нихъ уже окончивъ элементарное образованіе. («Новый планъ устройства народной школы», «Вѣстн. Европы» 1883 г. № 8, стр. 852).

также отрывкамъ изъ сочиненій нашихъ лучшихъ авторовъ. Такимъ образомъ, Водовозовъ и здѣсь преслѣдовалъ ту же цѣль, какъ и въ первой книгѣ: съ одной стороны, сообщеніе научныхъ знаній въ извѣстной системѣ, съ другой—развитіе воображенія, чувства прекраснаго и нравственнаго чувства. Будучи всегда противникомъ слѣпого подражанія нѣмцамъ въ дѣлѣ народнаго образованія, Водовозовъ столь же энергически протестовалъ противъ тѣхъ нападокъ на основные принципы новой педагогики, которыя начались съ 1874 г. съ легкой руки гр. Л. Толстого. Защищать эти принципы было тѣмъ необходимѣе, что наши школьные «клерикалы» стали пропагандировать мысль о необходимости отдать всѣ народныя школы въ руки духовенства. Водовозовъ протестовалъ противъ этой мысли въ 1863 г. по поводу статьи Щербины; онъ остался при прежнемъ мнѣніи и 20 лѣтъ позднѣе, когда ревностнымъ ея защитникомъ явился г. Рачинскій [1]). Затѣмъ черезъ два года Водовозовъ вновь возвратился къ этому вопросу въ статьѣ: «Что̀ читать народу», по поводу толковъ о церковно-приходскихъ школахъ. «Мы ничего не можемъ ни возражать, ни приводить въ защиту этихъ школъ,—говоритъ авторъ,—не зная, каковы онѣ будутъ. Намъ кажется, что онѣ не могутъ слишкомъ отличаться отъ обыкновенныхъ сельскихъ школъ. Священникъ, лишь потому, что онъ священникъ, не есть ни врачъ, ни педагогъ: для этого нужны и особое призваніе, и спеціальная подготовка. Съ другой стороны, его прямыя обязанности, особенно при разбросанности сельскаго прихода, должны сильно отвлекать его

---

[1]) Немедленно по выходѣ брошюры г. Рачинскаго: «Замѣтки о сельскихъ школахъ», Водовозовъ обстоятельно разобралъ ее въ особой статьѣ, подъ заглавіемъ: «Новый планъ устройства народной школы» («Вѣстн. Европы» 1883 г. № 8, стр. 843—854). Здѣсь онъ, между прочимъ, говоритъ: «Что наше духовенство отказывается отъ надзора за школой, въ этомъ нельзя видѣть только лѣнь и равнодушіе къ школѣ; въ этомъ есть и своя доля здраваго смысла. Въ самомъ дѣлѣ, какъ священнику, обремененному очень сложными обязанностями, взять на себя еще другія, не менѣе сложныя? И зачѣмъ ему еще нужна школа, когда и безъ того онъ всегда можетъ обращаться съ поученіями и къ родителямъ, и къ дѣтямъ? Овладѣть школой духовенство стремилось лишь тамъ, гдѣ оно искало свѣтской власти. Клерикальный строй старинной католической да и протестантской школъ слишкомъ хорошо извѣстенъ. И вотъ, наши ревнители народа, осуждая Западъ и отыскивая исконныхъ русскихъ началъ, хотятъ навязать народу то, чего, по ихъ же словамъ, у насъ нѣтъ и что̀ въ сильнѣйшей степени господствовало на Западѣ, т.-е. полное подчиненіе школы духовенству. Но авторъ сильно ошибается, когда думаетъ, что этого требуетъ духъ православія. Православные пастыри всегда скромно ограничивали свою дѣятельность чисто религіозной сферой... Нашихъ клерикаловъ надо искать не въ духовенствѣ» (стр. 851).

отъ дѣятельнаго участія въ школѣ. Значитъ, все дѣло будетъ поручено, какъ и нынѣ, какому-нибудь воспитаннику духовной или учительской семинаріи [1]), и дѣятельность священника противъ той, какую онъ и нынѣ можетъ проявить въ сельской школѣ, увеличится развѣ писаніемъ отчетовъ. Собственно говоря, можно бы только радоваться, что число сельскихъ школъ умножится. Но очень жаль, что нѣкоторые ревнители уже съ самаго начала хотятъ посѣять какую-то рознь между этими будущими приходскими и нынѣ существующими свѣтскими школами, ожидая отъ первыхъ всякаго добра и взваливая на послѣднія всякое зло». Упоминая далѣе, что защитники церковно-приходскихъ школъ упрекаютъ школы, устроенныя на началахъ современной педагогики, въ томъ, что въ нихъ даютъ «все знаніе да знаніе, а ничего для сердца, для нравственности», Водовозовъ продолжаетъ: «Во-первыхъ, въ книгахъ для чтенія помѣщаются не одни же знанія, а во-вторыхъ, для развитія сердца и нравственности важнѣе всякой книги живой примѣръ, живое слово. Съ другой стороны, не давая умственнаго развитія чрезъ знакомство съ естественными законами, мы не приготовимъ настоящей почвы и для развитія религіозно-нравственныхъ началъ. Что́ же за религія, затемненная всевозможными суевѣріями! Мы даже не понимаемъ, какъ можно говорить о какой-то особой нравственно-поучительной книгѣ для чтенія, когда въ каждой школѣ есть такая книга, какъ Евангеліе!» [2]).

Кромѣ литературно-педагогической дѣятельности, Водовозовъ служилъ и практически дѣлу народнаго образованія: въ первой половинѣ 60-хъ годовъ—какъ руководитель воскресной школы при 1-й гимназіи и преподаватель учительской семинаріи при таврической школѣ, и въ первой половинѣ 70-хъ годовъ—въ качествѣ руководителя трехъ учительскихъ съѣздовъ: въ Костромѣ, Александровѣ и Оренбургѣ.

Что касается средняго образованія, то, какъ мы знаемъ, Водовозовъ былъ энергическимъ противникомъ классицизма, который, по его словамъ, «сильно вредитъ своею односторон-

[1]) Предсказаніе это сбывается; слѣдуетъ замѣтить только, что образовательный цензъ преподавателей въ церковно-приходскихъ школахъ дѣйствительно оказывается ниже, чѣмъ въ земскихъ.

[2]) «Вѣстн. Европы» 1886 г. № 7, стр. 435—436. Далѣе, въ той же статьѣ, Водовозовъ отвѣчаетъ на вопросъ: какое чтеніе всего пригоднѣе для народа? см. стр. 438—440.

ностью... Въ отношеніи грамматической логики и лингвистическихъ упражненій его съ избыткомъ замѣняютъ новые языки и знаніе родного слова; въ отношеніи содержанія науки, дающей матеріалъ для всесторонняго развитія, — общая литература съ исторіей и естествознаніе съ математикой». Такимъ образомъ, по плану Водовозова, въ составъ гимназическаго курса должны входить слѣдующіе предметы: русскій, французскій и англійскій языки, естественная исторія и физика, исторія, географія, чистописаніе и рисованіе [1]). Относительно преподаванія словесности, Водовозову принадлежитъ огромная заслуга: преимущественно благодаря его трудамъ, изъ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеній было изгнано зазубриваніе опредѣленій, родовъ прозы и поэзіи по тетрадкѣ, продиктованной учителемъ, и замѣнено изученіемъ самихъ произведеній нашей и иностранной литературъ, что̀ и приводитъ къ извѣстнымъ теоретическимъ выводамъ. Своими статьями, книгами и пятнадцатилѣтнею преподавательскою дѣятельностью Водовозовъ содѣйствовалъ также установленію правильнаго преподаванія и исторіи литературы. При оцѣнкѣ поэтическихъ произведеній въ своей «Новой русской литературѣ» и другихъ сочиненіяхъ, Водовозовъ предъявлялъ къ нимъ не одни эстетическія требованія: онъ считалъ необходимымъ, чтобы поэтъ являлся носителемъ лучшихъ идей своего времени, чтобы, «привыкнувъ наблюдать стремленія, надежды, радость и горе своихъ ближнихъ, онъ естественно переносился чувствомъ въ эту общую жизнь»; чтобы «его личная радость, личное горе были невольно обращены къ тому, что способствуетъ или препятствуетъ общему благу». Однимъ словомъ, по мнѣнію Водовозова, поэтъ долженъ проникнуться сознаніемъ, что «его собственныя мечты о счастьѣ, его любовь къ прекрасному, могутъ осуществиться лишь при одномъ условіи: чтобы и счастье другихъ людей было возможно, чтобы и жизнь другихъ людей слагалась по идеѣ красоты и правды». Уже вскорѣ по оставленіи Водовозовымъ гимназіи, онъ отмѣтилъ въ печати грустный поворотъ въ направленіи преподаванія русскаго языка и словесности у многихъ оффиціальныхъ педагоговъ, а именно усиленіе грамматическаго элемента на счетъ литературнаго. Впослѣдствіи онъ глубоко страдалъ и какъ быв-

---

[1]) «Тезисы по русскому языку». «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г., томъ CIX, стр. 31.

шій преподаватель словесности, и какъ отецъ, видя, что его старшій сынъ несетъ все непосильное бремя современной системы средняго образованія вообще и въ частности—нелѣпыхъ пріемовъ преподаванія русскаго языка и словесности въ одной изъ наиболѣе рекомендуемыхъ гимназій. Схоластика въ преподаваніи этого предмета, которая, казалось, навсегда была изгнана, болѣе всего благодаря трудамъ Водовозова, мѣстами вновь возродилась. Въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ сдѣлались возможными такія темы для сочиненій, какъ: «Соль и дружба», «Тюльпанъ и гордецъ» и т. п.; стали писать сочиненія по тѣмъ установленнымъ риторикою вопросамъ, надъ которыми такъ много смѣялся нѣкогда Водовозовъ; преподаваніе русской литературы ограничивалось штудированіемъ Карамзина и Жуковскаго; однимъ словомъ русская словесность, нѣкогда предметъ наиболѣе развивающій и самый любимый учениками, сдѣлался въ нѣкоторыхъ заведеніяхъ столь же нелюбимымъ, какъ и древніе языки [1]). Въ стихотвореніи, написанномъ на смерть сына въ 1879 г., Водовозовъ, между прочимъ, говоритъ:

...«Всѣ твои безполезны порывы,
Бѣдный труженикъ мой, гимназистъ!
Вотъ ужъ полночь. Не спишь ты. Въ печали
Ты склонился къ тетрадкѣ лицомъ:
Упражненія Кюнера сжали
Мозгъ усталый желѣзнымъ кольцомъ.
Ты окончилъ урокъ свой латинскій;
Но приходится, прежде чѣмъ спать,
Сочинить періодъ Карамзинскій,
Хрію въ Пушкинѣ нужно сыскать.
Трудъ печальный, безплодный, постылый,
А сознанье щемитъ твою грудь,
Что есть трудъ, обновляющій силы,
Гдѣ ты могъ бы душой отдохнуть.
Уже за полночь! Вотъ просвѣщенье!
Кровь тревожно стучитъ на вискахъ;
Ты встаешь: на лицѣ истощенье,
Круги красные ходятъ въ глазахъ...» [2])

[1]) Во время преній въ Педагогическомъ Обществѣ по поводу реферата г. Синовскаго, въ концѣ 1876 г., Водовозовъ замѣтилъ, что теперь «слишкомъ много обращаютъ вниманія на языкъ; постоянно слышатся мнѣнія такого рода, что вся цѣль преподаванія словесности заключается собственно въ языкѣ; и вотъ заставляютъ учениковъ составлять фразы по хріямъ, по разнымъ нѣмецкимъ учебникамъ съ цѣлью, какъ будто, довести языкъ до послѣдней степени безобразія, — научить говорить только фразы безъ всякаго содержанія. («Педагогическая Лѣтопись, издаваемая Петерб. Педагогич. Обществомъ», 1876 г. № 4, декабрь, срт. 24).

[2]) Напечатано вполнѣ въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г.

Тою же новѣйшею схоластикою въ преподаваніи словесности навѣяно стихотвореніе Водовозова—«Къ Хріѣ»:

«Скажи ты мнѣ, старушка Хрія,
Какъ ты воскресла и пришла,
Когда словесная Россія
Тебя давно ужъ погребла?
Тебя, бывало, съ злобой желчной
Изобрѣталъ семинаристъ,
Межъ тѣмъ, какъ передъ нимъ немолчно
Лишь розги раздавался свистъ.
Тебя и царственному слуху
Піита бѣдный предлагалъ
И счастливъ былъ, какъ оплеуху
Отъ царской длани получалъ [1]).
Ты въ рѣчи, въ одѣ всѣ удобства
Давала людямъ лгать и льстить;
Зарю ли новаго холопства
Пришла къ намъ нынѣ возвѣстить?...»

Когда вышло въ свѣтъ курьезное руководство къ изученію словесности г. Филонова, одобренное, однако, и немедленно принятое въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ. Водовозовъ собирался писать на него разборъ, но потомъ, отвлеченный другими работами, отказался отъ этой мысли и излилъ свое негодованіе въ стихотвореніи:

«О, юноша! среди твоихъ обузъ
Еще Филоновъ вывалилъ свой грузъ,
Гдѣ сбились въ безобразнѣйшую груду
Обрывки фактовъ, мнѣній отовсюду.
Квинтиліанъ, Шишковъ, Горацій, Гречъ
И Толмачевъ, и Цицерона рѣчь,
И рѣчь митрополита Филарета—
Все тутъ равно полно авторитета.
О, юноша! изъ края въ край пройдешь—
Тутъ хлѣбнаго зерна ты не найдешь,
Ни влаги свѣтлой, какъ въ степи голодной;
Лишь расцвѣли на почвѣ той безплодной
Травой колючей посреди пустынь
«Патріотизмъ», славянщина, латынь...»

Относительно нашего университетскаго образованія Водовозову не пришлось высказаться ни въ печати, ни въ какомъ-нибудь стихотвореніи; но за то постоянныя сношенія В. И. съ молодежью дали ему возможность хорошо изучить, какъ отразилось въ ней движеніе шестидесятыхъ годовъ. Въ одной своей статьѣ, написанной лѣтомъ 1885 г., В. И. сдѣлалъ весьма удачную характеристику настроенія общества

---

[1]) Извѣстный фактъ изъ жизни Тредьяковскаго.

въ шестидесятыхъ годахъ въ лицѣ болѣе юныхъ его представителей; характеристика эта прекрасно показываетъ, какъ хорошо понималъ онъ молодежь, какъ умѣлъ ей симпатизировать и какъ до послѣднихъ лѣтъ жизни съумѣлъ сохранить эту горячую любовь къ молодому поколѣнію. Очертивъ въ названной статьѣ положеніе общества въ эпоху реформъ, В. И. продолжаетъ: «Какъ и слѣдовало ожидать, въ молодежи, и вообще въ людяхъ, еще способныхъ къ развитію, сильнѣе, чѣмъ въ остальной массѣ общества, высказывалось чувство недовольства, выражалась въ болѣе яркихъ чертахъ идея отрицанія. Отрицаніе захватывало и такія вѣрованія, которыя были общимъ историческимъ явленіемъ, но главнѣйше оно было направлено противъ порядковъ и обычаевъ, сковывавшихъ нашу жизнь. Эти порядки и обычаи тѣмъ болѣе возбуждали непріязни, что каждый чувствовалъ ихъ тягость на себѣ и въ себѣ, въ своемъ собственномъ жалкомъ развитіи. Но молодое поколѣніе далеко не ограничилось отрицаніемъ; оно горячо принялось за дѣло самообразованія. При этомъ, въ силу новыхъ воззрѣній, составился и особый курсъ предметовъ, считавшихся необходимыми для жизни. Сюда, во первыхъ, входило естествознаніе — естественная исторія, химія и физіологія, какъ фундаментъ, лежащій въ основаніи всей постройки, что, впрочемъ, соотвѣтствовало и педагогическимъ требованіемъ. Затѣмъ слѣдовали общественныя науки: новѣйшая исторія и политическая экономія. Согласно съ этой программой являлись тогда и переводы иностранныхъ сочиненій, имѣвшія наиболѣе успѣха. Тутъ занимала мѣсто и литература, собственно беллетристика и критика, всегда имѣвшія у насъ большое воспитательное значеніе; но изученіе классиковъ прямо не входило въ программу, какъ и все, что откладывало на долгій срокъ «приготовленіе къ жизни». Искуство не отрицалось безусловно; отъ него только требовали служенія общественнымъ интересамъ, при чемъ разумѣлись ближайшіе интересы знанія и самосознанія: въ виду этого въ живописи, напримѣръ, допускались естественно-историческія иллюстраціи, жанровыя картины, освѣщавшія тѣ или другіе общественные недуги, и проч. Разумѣется, тутъ знанія пріобрѣтались часто урывками, безсистемно: рядомъ съ усвоеніемъ элементарныхъ свѣдѣній, съ чего и слѣдовало бы начинать, многіе, не подготовившись, вдавались въ серьезную, спеціальную науку, при чемъ, обезсиленные, теряли наконецъ и охоту къ знанію. Но что дѣ-

лать? Нужно было учиться, скорѣе учиться, потому что и жизнь торопила.—Это стремленіе къ наукѣ, пусть оно было и одностороннимъ, и слишкомъ порывистымъ, замѣчательно тѣмъ, что отразилось въ общественномъ сознаніи. И нельзя не отдать справедливости доброму намѣренію и усердію тѣхъ самоучекъ, которые выбивались изъ силъ, чтобы стать «наровнѣ съ вѣкомъ». Юноша вмѣсто чтенія романовъ Поль-де-Кока, какъ это было прежде, просиживалъ ночи надъ книгою Льюиса, Фохта. За ботаниками, химиками въ обществѣ просто ухаживали. Кавалеръ приносилъ полевыхъ цвѣтовъ своей дамѣ, ...чтобы разсматривать и пересчитывать съ нею тычинки и опредѣлять, къ какому семейству растеніе относится. Величайшей любезностью было принести въ знакомое семейство бычачье сердце, чтобы показать его клапаны и желудочки и объяснить кровообращеніе, при чемъ обучались и дѣти, и взрослые, и старики, и даже слуги. Молодая хозяйка не столько разбирала доброту купленной курицы, сколько разсматривала, гдѣ въ ней сердце, легкія, печень. Были, конечно, и такіе, что только хвастали клочками кое какъ набранныхъ знаній, щеголяя словами: «химическій анализъ», «мозговой рефлексъ» и проч... Могутъ объяснять всѣ эти порыванія дѣломъ скоропреходящей моды. Тѣмъ не менѣе наука была въ чести, и молодежь, поддержанная общественнымъ вниманіемъ, все болѣе сходилась въ кружки для чтенія рефератовъ по разнымъ научнымъ вопросамъ. Съ болѣе серьезными требованіями, и знанія стали пріобрѣтаться болѣе основательно: устраивались публичныя лекціи, научныя экскурсіи, частныя чтенія для высшаго образованія женщинъ. Образованіе готово было идти правильнымъ ходомъ, само собою, безъ всякихъ предписаній, безъ всякой насильно навязанной системы или программы.

«Но и практическая дѣятельность тогдашняго молодаго поколѣнія заслуживаетъ вниманія. Прежде всякихъ мыслей о томъ, какъ помочь себѣ, какъ лучше устроить свою жизнь, явилась мысль о помощи народу. Видя главное зло въ его невѣжествѣ, всѣ усердно принялись за его образованіе [1])... Многіе, если и не въ школѣ, то на дому искали случая добыть себѣ хоть изъ дѣтей дворника или прачки какого нибудь ученика или ученицу и чуть не ухаживали за ихъ ро-

[1]) Сказанное далѣе о воскресныхъ школахъ было приведено нами выше, въ гл. VI.

дителями ради этого, такъ что встрѣчались забавные случаи; какой нибудь лавочникъ, послѣ многихъ настаиванiй, говорилъ: «Парнишко-то нуженъ мнѣ на дому... хорошо, буду отпускать, если будешь мнѣ платить за это!» Бывали и такiя сцены. Саечникъ стоитъ за лоткомъ на улицѣ и читаетъ ариѳметику, а студентъ тутъ же мимоходомъ объясняетъ ему задачу. Студентъ открылъ этотъ математическiй талантъ и ретиво заботится объ его образованiи во всякомъ удобномъ и неудобномъ мѣстѣ... Въ деревняхъ многiе частные лица соревновали въ устройствѣ школъ для народа... Въ то же время пошли въ ходъ и лучшiе педагогическiе методы, которые молодежь усердно изучала...

«Другой вопросъ, экономическiй», также «выступилъ на сцену... Въ эпоху реформъ, особенно послѣ отмѣны крѣпостнаго права, число людей, занимавшихся экономическими вопросами, значительно увеличилось, потому что и самою жизнью порѣдко были поставлены на очередь такiе вопросы. Стали появляться попытки и практическаго ихъ примѣненiя. Небольшiе кружки сходились между собою, чтобы жить сообща, устраивая нѣчто въ родѣ потребительныхъ артелей, но съ болѣе широкою идеею установить равенство отношенiй и общность нравственныхъ интересовъ. Эти своего рода маленькiя общины съ соцiальной подкладкой однако скоро распадались, такъ какъ окружающая жизнь слишкомъ имъ противорѣчила, внося въ нихъ мелкую борьбу самолюбiй, рознь и смуту. Важнѣе были ассоцiацiи, устроивавшiяся въ пользу народа. Встрѣчались примѣры организацiи обществъ, гдѣ, въ какомъ нибудь имѣнiи, сходились и солидный помѣщикъ, и докторъ, и учитель, и опытный сельскiй хозяинъ и адвокатъ, со спецiальною цѣлiю улучшить жизнь крестьянъ: дать имъ образованiе и лучшiй заработокъ, внести въ среду ихъ новые понятiя о хозяйствѣ и гигiенѣ, оградить ихъ отъ эксплуатацiи кулаковъ и проч. Такiя общества, сколько намъ извѣстно, растаяли въ непосильной борьбѣ съ врагами, болѣе ихъ могущественными и по общественному положенiю, и по капиталу... Изъ того же движенiя вышли потомъ производительные артели, ссудосберегательныя кассы... Романъ Чернышевскаго «Что дѣлать» далъ многимъ мысль завести швейныя, переплетныя и другiя мастерскiя на тѣхъ же экономическихъ основанiяхъ. Большая часть ихъ распалась частiю по невозможности конкурировать съ фирмами, которыя уже

пріобрѣли довѣріе публики, частію по неопытности самихъ основателей...

«Къ числу довольно характерныхъ увлеченій молодежи принадлежала также проповѣдь физическаго труда. Въ нѣкоторыхъ кружкахъ возникла идея самому исполнять всѣ черныя работы: чистить сапоги, мести полъ, ставить самоваръ, и проч., но также и учиться мастерствамъ и сельскимъ работамъ: шить сапоги и платье, дѣлать простую мебель, пахать, косить, и проч. Къ этому присоединилось и ношеніе самой неприхотливой, иногда мужицкой одежды, порою доведенная до грубости простота въ обхожденіи, и проч. Многіе дѣлали это изъ удовольствія, ради оригинальности, многіе по нуждѣ: между учащейся молодежью было не мало бѣдняковъ, которые перебивались изъ копѣйки; не мудрено, что они сами сколачивали какой нибудь стулъ, чтобъ усадить пріятеля, сами шили себѣ сапоги и не понимали никакихъ тонкостей въ обхожденіи. Но тутъ руководило молодежью и желаніе упроститься, стать не только по сочувствію, но и по внѣшнему виду, по занятіямъ, на сторонѣ бѣднаго, рабочаго люда. Какого нибудь особаго, идеальнаго представленія о физическомъ, и въ частности о сельскомъ трудѣ, какъ о средствѣ дать выходъ скучающему, интеллигентному человѣку, въ то время еще не было, потому что и скучать было некогда.

«Въ заключеніе скажемъ еще нѣсколько словъ о женскомъ вопросѣ... Женщину у насъ не столько стѣснялъ законъ, сколько патріархальный обычай, тяготѣвшій надъ нею въ семействѣ и обществѣ. Противъ этого обычая, въ эпоху реформъ, и началась борьба съ особенною силою. Женщина выступила на общественную арену съ того узкаго пути, гдѣ ей предписано было только пяньчить дѣтей, заниматься домашнимъ хозяйствомъ да очаровывать гостей своею любезностью. Она заявляла права на болѣе широкое участіе въ трудѣ, въ общественной дѣятельности, которое могло бы послужить новою опорою и для семьи, — на образованіе, которое сравняло бы ее съ мужчиною. Она даже не искала правъ, а только требовала, чтобы ей дали возможность учиться, и готова была терпѣливо ждать, пока высшее образованіе не откроетъ ей новыхъ путей къ дѣятельности. Такимъ образомъ, вмѣсто прежняго идеала романтической нѣжной барышни, занятой лишь своими чувствами и милой своимъ незнаніемъ, возникъ идеалъ трезвой труженицы, не-

утомимой работницы на аренѣ общественной пользы... Толчекъ этому движенію дала экономическая причина. Съ одной стороны усилившійся чиновничій пролетаріатъ, вслѣдствіе сокращенія штатовъ и закрытія многихъ присутственныхъ мѣстъ; съ другой—безпомощное положеніе бѣдныхъ помѣщичьихъ семействъ, которыя, послѣ отмѣны крѣпостнаго права, лишились поддержки своихъ бывшихъ покровителей и родственниковъ, — все это заставило и тѣхъ, которые смотрѣли съ презрѣніемъ на женскій трудъ, думать о томъ, гдѣ бы найти работу для свободныхъ женскихъ рукъ. Но руководящею мыслію у трудящихся женщинъ все таки было освобожденіе своей личности отъ условныхъ приличій, желаніе добиться самостоятельности путемъ образованія, желаніе самой создать свою будущность. Такимъ образомъ и тѣ, которыхъ родители имѣли средства, уходили изъ дому учиться, если семейная жизнь и обстановка не представляли для этого никакихъ удобствъ. Трудна была жизнь женщины, оторванной отъ семьи, если она и получала изъ дому деньги на свое содержаніе; но каково было тѣмъ бѣднымъ труженицамъ, которые, приготовляясь, напримѣръ, къ будущимъ высшимъ курсамъ, еще пытались пробиваться уроками за грошовую плату... Бѣдняки, чѣмъ могли, помогали другъ другу, — не деньгами, такъ книгами и уроками: въ тѣсной коморкѣ студентъ по цѣлымъ часамъ толковалъ будущей курсисткѣ латынь, математику, удѣляя для своихъ собственныхъ занятій ночное время.

«Но насъ спросятъ: при чемъ же тутъ нигилизмъ и отчего все это движеніе можно назвать (т.-е. называли) нигилистическимъ? Развѣ тутъ на самомъ дѣлѣ не было также отрицанія религіи, брака, даже собственности, вмѣстѣ съ отрицаніемъ авторитетовъ?... Означенная кличка очень не удачна,... въ описанномъ нами движеніи было далеко не одно отрицаніе... Что касается крайностей отрицанія, то онѣ касались болѣе формы, чѣмъ сущности дѣла: юноша, ратовавшій противъ брака,... полюбивъ дѣвушку, такую же отрицательницу, становился отличнымъ семьяниномъ, жертвовалъ всѣмъ для воспитанія дѣтей и выбивался изъ силъ, чтобы доставить семьѣ какой-нибудь достатокъ, тогда какъ его жена не знала покоя ни днемъ ни ночью, бѣгая по урокамъ или исполняя акушерскую обязанность, и всетаки находила время присмотрѣть за дѣтьми и за хозяйствомъ. Отрицатель искуства, отдаваясь природному влеченію, въ концѣ концовъ

занимался музыкой, хотя и признавалъ, что музыка не главное, не существенное дѣло жизни. Тотъ, кто могъ поддерживать споръ о пользѣ сапоговъ въ сравненіи съ Шекспиромъ, если былъ не совсѣмъ глупый человѣкъ, конечно, зачитывался и Шекспиромъ... Многое говорилось только ради поддержанія идеи, что прежде всего нужно дать бѣдному хлѣбъ, устроить трудъ на правильныхъ, экономическихъ началахъ. Причиною страховъ извѣстной части общества передъ новымъ движеніемъ съ одной стороны были отчасти самая новость, неожиданность этого движенія, при рѣзкости формъ, въ которомъ оно выражалось, отчасти и тѣ извращенія, уродства, какія его сопровождаютъ, какъ бываетъ всегда и вездѣ при общественныхъ переворотахъ; съ другой стороны этому содѣйствовали и наши беллетристы сороковыхъ годовъ, представившіе новое движеніе или односторонне, или въ совершенно извращенномъ видѣ...

«Конечно, и въ средѣ молодаго поколѣнія могли появляться люди, пользовавшіеся новыми ученіями для удовлетворенія своихъ мелкихъ страстишекъ: самолюбія, сластолюбія, для обиранія довѣрчивыхъ жертвователей на общеполезное дѣло, какъ были такого же разряда вольтеріанцы, байронисты, романтики. Но при чемъ тутъ какое бы то ни было ученіе? Развѣ ханжи съ постнымъ лицомъ, съ глазами, умильно возведенными къ небу, не дѣлаютъ тоже самое?... Нигилизмъ (будемъ ужъ употреблять это названіе)... напротивъ хвалился своимъ безкорыстіемъ, гордился, какъ знаменемъ, своимъ потертымъ платьемъ и плохимъ пледомъ и считалъ для себя позоромъ взять что нибудь отъ богача не за трудъ, если не могъ самъ отдарить его. Съ людьми, которые не казались ему буржуа и аристократами, другое дѣло: тутъ порою онъ совсѣмъ не церемонился. Были наивные люди, которые могли, непрошенные, придти къ вамъ въ домъ, поселиться у васъ, распоряжаясь всѣмъ, какъ у себя на квартирѣ, надѣвать безъ спросу ваше платье, бѣлье,—все на основаніи общности имуществъ; но такіе люди и сами готовы были отдать все, до послѣдней рубашки, пріятелю...

«Этотъ нигилизмъ вызванъ былъ вѣяніемъ новой жизни, и, какъ явленіе временное, переходное, представлялъ и замѣчательный подъемъ общественныхъ силъ, и всѣ недостатки переходныхъ движеній... Но все это движеніе послужило сильнымъ толчкомъ къ дальнѣйшему, болѣе правильному развитію. Нигилистамъ приписывали множество недо-

статковъ: неряшество, грубость и рѣзкость манеръ, рѣшительный тонъ въ сужденіяхъ и приговорахъ, не оправдываемый ни умомъ, ни образованіемъ, легкомысленное сужденіе о людяхъ по однимъ внѣшнимъ признакамъ, крайнюю нетерпимость во взглядахъ, и проч. Тутъ надо отличать вліяніе среды: многое вовсе не происходило отъ нигилизма, а являлось какъ остатокъ помѣщичьихъ, чиновничьихъ или семинарскихъ привычекъ; кое что составляло уже общее свойство молодежи. Но, конечно, далеко не всѣ отличались этими недостатками. Изъ нигилистовъ... потомъ выработались очень дѣловитые люди на разныхъ поприщахъ, но многіе остались и неудачниками, не справившись со взятою на свои плечи идейною ношею. Они такъ и застыли въ формализмѣ, все рѣшая по однажды принятымъ, готовымъ фразамъ и распредѣляя людей и жизнь по рубрикамъ, какъ по полкамъ. Ихъ можно бы назвать чиновниками нигилизма, вышедшими въ отставку съ нигилистическимъ мундиромъ. Впрочемъ это люди большею частію добродушные, если только не затрогивать ихъ симпатій, и безусловно честные»...

Едва ли мы ошибемся, если скажемъ, что болѣе безпристрастной оцѣнки такъ называемаго «нигилистическаго» движенія еще не было въ нашей литературѣ.

Водовозова очень занималъ вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи. Еще въ 1863 г., въ разборѣ одного нѣмецкаго журнала, посвященнаго изученію Россіи, Водовозовъ выразилъ сочувствіе стремленіямъ женщины къ высшему образованію [1]). Въ 80-хъ годахъ еще теплѣе онъ высказался по этому вопросу въ нѣсколькихъ стихотвореніяхъ: одно изъ нихъ: «Участь женщины», напечатано [2]). Затѣмъ перу Водовозова принадлежитъ довольно большой діалогъ въ стихахъ, подъ названіемъ: «У матери». Дѣйствіе происходитъ въ уѣздномъ городкѣ, въ небогатомъ домикѣ. Старушка проклинаетъ курсы, погубившіе здоровье дочери. Дочь-курсистка защищаетъ необходимость высшаго женскаго образованія. Въ своемъ монологѣ она, между прочимъ, говоритъ:

«Что̀ сплетенъ, дрязгъ!.. Ползетъ змѣею
За клеветою клевета;

---

[1]) «Журн. Мин. Народн. Просв. 1863 г. № 5, отд. V, стр. 104—105.

[2]) См. книгу «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г. Въ другомъ шутливомъ стихотвореніи авторъ изображаетъ пошлаго Донъ-Жуана, который начинаетъ требовать закрытія женскихъ курсовъ, послѣ того какъ своимъ приставаньемъ на улицѣ онъ вызвалъ рѣзкій протестъ со стороны одной курсистки.

Кричатъ озлобленной толпою:
«Погибель! вредная мечта!»
А если куклою нарядной,
Какъ для продажи, на балахъ
Вертится женщина и жадно
Все ищетъ счастья въ женихахъ?
Придетъ ли юноша красивый,
Хоть и поношенный давно,
Или старикъ сластолюбивый,—
Изволь, бери... намъ все равно!
Женой готова быть охотно,
Иль хоть наложницею быть,
Лишь дай безъ дѣла, беззаботно,
Мнѣ для одной забавы жить!
Что жъ? не развратъ, не гибель это?»

Если таковы дѣвушки извѣстнаго круга, то не лучше и пустая свѣтская женщина:

Для сплетенъ, для интригъ, для вздора
Всю душу отдала свою,
Дѣтей бросая безъ призора,
Губя соперницъ и семью;
И если бъ сынъ, той жизни смрада
Не вынося, хотѣлъ вступить
На путь добра,—она бы рада
Родного сына задушить.
Для ней безнравственно, что́ честно;
Святыня, что́ ханжи твердятъ...
Ну что жъ? и это все прелестно?
Не гибель это? не развратъ?
. . . .
Кричатъ, что женщинѣ прилично
Быть доброй матерью, женой,
Жить для семейства... что жъ, отлично!
А средства, какъ ей быть такой?
Чтобъ дѣти всѣмъ сказали смѣло:
«Намъ къ правдѣ путь открыла мать;
Въ лихой бѣдѣ она съумѣла
Семью спасти и поддержать».
О, лицемѣры! вотъ, не всѣ ли
О долгѣ женщины твердятъ,
А дать ей средствъ достигнуть цѣли,
Гдѣ свѣтитъ правда, не хотятъ!»

Указавъ матери на ужасное, безпомощное положеніе народа, молодая дѣвушка продолжаетъ:

«Лекаркой скромною народа,
Въ селѣ учительницей быть,—
Какого лучшаго исхода
Душѣ, мечтающей любить?
Да, то святой призывъ сердечный,
Да, то любовь не на словахъ,—
Живая, радостная вѣчно
Во всѣхъ мукахъ и трудахъ!..»

На служеніе народу, какъ цѣль жизни, и на подготовленіе къ этому путемъ науки Водовозовъ указываетъ и въ одномъ изъ стихотвореній, напечатанныхъ послѣ его смерти:

«Пусть во тьмѣ лицемѣръ и невѣжда
На науку со злобой шипятъ,
Въ ней одной—лучшей доли надежда,
Безъ нея—нищета и развратъ.
Не на прихоть, для нужды народной
Людямъ доброе сѣмя ты сѣй,
Чистый пламень науки свободной
Въ своемъ сердцѣ, какъ въ храмѣ, лелѣй.
. . . .
Если правды согрѣтый лучами
Ты пророчишь намъ лучшіе дни,
Чтó взято у народа вѣками,—
Изъ того хоть частицу верни!..»

Пессимистическія нотки нерѣдко слышатся въ стихотвореніяхъ Водовозова: то указываетъ онъ на общественную апатію въ виду страшнаго голода; то наканунѣ новаго года не видитъ близкаго освобожденія отъ господства темныхъ силъ; то указываетъ, какъ гибнутъ всѣ прекрасные порывы въ столкновеніи съ людскою пошлостью; то съ грустью отмѣчаетъ опасные симптомы грозящей войны и ярко рисуетъ всѣ бѣдствія, какія она принесетъ съ собою; то молитъ судьбу, чтобы она хоть на мигъ обманула «въ мечтахъ горделивыхъ свободой, свѣтомъ разума, искрой горячаго чувства» [1]).

Не красивъ, конечно, общественный строй.

«Гдѣ вянетъ каждый жизни цвѣтъ
Подъ мертвымъ вѣяньемъ мороза,
Гдѣ свѣтлой мысли не привѣтъ,
А оскорбленье и угроза»...

Та же пессимистическая струнка звучитъ еще въ одномъ шутливомъ стихотвореніи на тему—«Кто знаетъ край»:

«Кто знаетъ край, гдѣ сосенки да ели
Качаетъ шумно сѣверный борей,
Гдѣ подъ дождемъ у зябнущихъ людей
И платья всѣ, и чувства отсырѣли?
Туда, туда летѣть, о милый мой,
Намъ незачѣмъ: мы тамъ и такъ съ тобой!
Кто знаетъ край, гдѣ мерзнутъ умъ и шутка,
Пытаясь тщетно оживить народъ,
Гдѣ показать свой носъ на воздухъ... жутко,

---

[1]) «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г. стр. 495—96, 502, 505—506, 511—512, 500—501.

Гдѣ полъ прекрасный весь свой вѣкъ живетъ
Съ разстройствомъ нервъ и болію желудка?
Туда, туда летѣть, о милый мой,
Намъ незачѣмъ: мы тамъ и такъ съ тобой!»...

Но любовь къ родинѣ не позволяла Водовозову впасть въ полное отчаяніе:

«Подъ снѣгомъ родная страна;
А гдѣ-то давно ужъ весна,
И солнце горитъ высоко,
И дышется вольно, легко
Среди аромата цвѣтовъ,
Подъ сѣнью роскошныхъ садовъ.
Пускай,—но родимый нашъ снѣгъ
Сокрылъ ужъ возросшій побѣгъ,
И жизни грядущей полна
Подъ снѣгомъ родная страна»...

Поэтъ видитъ добрые признаки: кое-гдѣ ужъ «мерцаетъ огонекъ»; заблещутъ, наконецъ, «и солнца лучи»:

«Мысль ростетъ, и хоть малъ ея ростъ,
Но безмѣрна корней ея сила» [1])...

Въ одномъ неизданномъ стихотвореніи Водовозовъ говоритъ:

«...Хоть въ морозъ и труднѣе дышать,
Будемъ нашимъ морозомъ счастливы,
Если намъ ужъ тепло не подъ стать.
Тѣмъ тѣснѣй мы въ кружокъ соберемся
Для горячихъ бесѣдъ безъ конца
И отъ холоду крѣпко запремся,
Чтобы въ дверь не проникъ и въ сердца»...

Храня въ себѣ божественный огонь, мы должны, по мѣрѣ возможности трудиться, какъ бы ни были тяжелы окружающія насъ условія,—говоритъ Водовозовъ въ другомъ своемъ стихотвореніи:

«Трудись, мой другъ, отважнымъ будь.
Предъ горемъ не плошай —
И вѣрь, что ты найдешь свой путь
Въ обѣтованный край.
Пускай вся даль закрыта тьмой
И труденъ шагъ впередъ,
Ты знай: своею чередой
Вновь солнышко взойдетъ.
. . . .
Пускай за трудъ твой не сулятъ
Высокой доли честь,
На общей нивѣ все же, братъ,
Твоя полоска есть».

---

[1]) Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г., стр. 509, 511.

Въ одномъ стихотвореніи Водовозовъ указываетъ на извѣстную свободу слова, какъ на необходимое условіе для развитія литературы; сравнивъ литературу съ вѣчно юною дѣвою, онъ выражаетъ желаніе,

«Чтобъ честь всегда была ей дорога,
Чтобъ всѣхъ плѣняла, пышно расцвѣтая,
И чтобы въ ней, ее оберегая,
И маменька была не такъ строга».

Изъ трехъ главнѣшихъ литературныхъ направленій: славянофильства, западничества и народничества, Водовозовъ, по своимъ взглядамъ, ближе всѣхъ былъ къ западничеству, хотя никогда не грѣшилъ излишнею узкостью въ этомъ отношеніи, и какъ въ области школьнаго дѣла, такъ и въ другихъ явленіяхъ, очень хорошо видѣлъ многія темныя стороны западно-европейской жизни. Къ народничеству онъ относился скептически и, сослуживъ всею своею жизнью вѣрную службу народу, добродушно подтрунивалъ надъ тою его идеализаціею, которая замѣтна у нѣкоторыхъ писателей-народниковъ [1]). Но если что̀ ненавидѣлъ Водовозовъ всѣми силами своей доброй души, такъ это славянофильство, или, точнѣе сказать, нео-славянофильство, представителями котораго являлись И. С. Аксаковъ и др. Всего яснѣе отразились взгляды Водовозова на нео-славянофильство въ его стихотвореніи, написанномъ въ началѣ 1881 г., подъ заглавіемъ: «Былое и настоящее. Элегія стараго славянофила». Приведемъ бо̀льшую часть этого стихотворенія, не вполнѣ отдѣланнаго и потому ненапечатаннаго, но любопытнаго по своему содержанію:

«Въ былые дни нашъ другъ славянофилъ
Въ поддёвкѣ, въ сапогахъ смазныхъ ходилъ;
Заглянетъ въ хату къ мужику порой
И лобъ свой креститъ истово рукой;
На лавку сядетъ, морщась, пьетъ квасокъ
И мужичка онъ въ губы чмокъ, да чмокъ.

---

[1]) Въ 1880 г., въ одномъ изъ писемъ ко мнѣ, Водовозовъ говоритъ объ общинномъ землевладѣніи: «Мы вотъ всѣ крѣпко стоимъ за общину, видя въ ея развитіи кое-какой зачатокъ лучшаго общественнаго устройства. И мы не грѣшимъ, отвлекая отдѣльные факты отъ общей обстановки жизни. А зачѣмъ же ругается надъ нами исторія, представляя, что эта форма народной жизни отлично уживалась рядомъ со всякой эксплоатаціей народа, что сами эксплоататоры находили ее столь удобною для себя, что даже всячески содѣйствовали ея распространенію, и, наконецъ, эта форма имѣла еще безцѣнное свойство укрывать и сглаживать до послѣдней возможной степени грубыя черты народной бѣдности. Что̀ же дѣлать, если такъ было? Община тутъ не виновата. Однако можетъ быть, чего-нибудь недостаетъ и въ общинѣ».

«Я русскій, братцы, русскій!» онъ кричитъ.
— Что жъ? добрый баринъ! пусть его чудитъ!
. . . .
Хоть и ругнуть Европу былъ не прочь,
Простякъ, онъ не считалъ грѣхомъ помочь
И либералу, съ западникомъ пить,
Иль Герцена къ намъ въ гости попросить.
Не видѣлъ, молодежи доброхотъ,
Онъ въ мясникахъ московскихъ весь народъ;
Самъ въ православьи твердый, какъ гранитъ,
Не гналъ людей на покаянье въ скитъ.
Хотя порой и залеталъ онъ въ высь,
Все жъ говорилъ Россіи: «Не гордись,
Не вѣрь льстецамъ... опутана ты зломъ,
И всякой скверны ты полна кругомъ».
Теперь не то . . . .
. . . .
И въ пиджакѣ нашъ другъ славянофилъ
Обычай свой отцовскій измѣнилъ.
Теперь не вздѣнетъ онъ поддёвки вновь,
Россійскій квасъ ему сталъ нездоровъ,
И разгонять россійскую тоску
Ужъ не пойдетъ онъ въ хату къ мужику;
Не будетъ поселянамъ въ простотѣ
Давать онъ цѣлованье о Христѣ...
Зачѣмъ? Онъ сердце русское найдетъ
И въ кулакѣ, и въ немъ почтитъ народъ!
Скорѣй пойдетъ онъ на блестящій пиръ,
Гдѣ засѣдаетъ другъ его, банкиръ,
. . . .
Иль пышныхъ фразъ и нѣжныхъ чувствъ букетъ
Онъ понесетъ въ славянскій комитетъ.
. . . .
За то, какъ онъ своимъ величьемъ гордъ:
Пивалъ онъ медъ съ Ильей-богатыремъ,
Ловилъ Жаръ-птицъ съ Иваномъ-дурачкомъ,
Въ избушкѣ съ Бабою-ягой живалъ,
Какъ «русскимъ духомъ пахнетъ», тамъ узналъ.
Да, русскій духъ прозрѣлъ лишь онъ одинъ,
Народныхъ думъ избранный властелинъ.
О, сколько тайнъ открылось тутъ ему,
Дотолѣ неизвѣстныхъ никому:
Что чтитъ всегда начальство нашъ народъ,
Что молится, говѣетъ каждый годъ,
Что для него всего нужнѣй «уѣздъ»...
Еще узналъ ли, что онъ также ѣстъ?
Нѣтъ, не совсѣмъ! Еще нельзя сказать,
Чтобъ не любилъ народъ нашъ голодать.
Иначе бъ какъ на тернистомъ пути
Великій крестъ смиренія нести?
Нѣтъ, этого вопроса не рѣшилъ
Еще вполнѣ нашъ другъ славянофилъ.
Народъ! легко намъ о тебѣ скорбѣть!
Хвалы тебѣ—брящающая мѣдь!
Въ самодовольствѣ сытомъ, все о томъ,
Какъ ты великъ въ страданьи, мы поемъ;

Не протянувъ спасительной руки,
Плетемъ мы жертвѣ гибнущей вѣнки.
Кто жъ крылья дастъ недвижному уму?
Кто броситъ свѣтъ въ твою нѣмую тьму?..»

При своемъ отвращеніи къ нео-славянофильству Водовозовъ, разумѣется, не могъ сочувствовать и тѣмъ идеямъ, которыя проводилъ Достоевскій во второй половинѣ своей дѣятельности. Извѣстная рѣчь Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ въ Москвѣ вызвала энергическій протестъ Водовозова въ двухъ письмахъ ко мнѣ, изъ которыхъ привожу нѣкоторыя мѣста. Празднество это вообще ему не понравилось: «Мнѣ стало ужасно грустно,—писалъ В. И.,—и даже взяла злость. Что же это? И ни одного, почти ни одного простого, сердечнаго слова о такомъ сердечномъ поэтѣ и страдальцѣ за идеалъ любви и красоты, какъ Пушкинъ! Цѣлое море фразъ, въ которомъ, среди мутныхъ волнъ, не различишь ни личности Пушкина, ни простого здраваго смысла. Ахъ, въ такія минуты увлеченія и познается народъ,— и выходитъ, что мы народъ любвеобильный, но очень плохо мыслящій». Переходя нѣсколько далѣе къ Достоевскому, Водовозовъ продолжаетъ: «Сумашедшее ликованіе, съ какимъ принята была рѣчь Достоевскаго, право, заставляетъ сильно опасаться за санитарное состояніе общества. Говорятъ, что у него искренность убѣжденія. Какой же маніакъ не искрененъ?.. Представьте только себѣ такую картину: буду ужъ говорить слогомъ вашихъ ораторовъ. Поэтъ, какъ Ифигенія, отъ алтарей, оскверненныхъ кровавыми человѣческими жертвами, отрываетъ ликъ своей богини; черезъ холодный, разсчетливый развратъ аристократическихъ салоновъ, чрезъ все дикое звѣрство аракчеевской ватаги, онъ проноситъ этотъ божественный ликъ и, наконецъ, самъ сгораетъ на кострѣ за свою богиню. Окруженный дикой ордою свѣтскихъ шалопаевъ, самъ онъ доходитъ въ своей борьбѣ до звѣрскаго остервененія (это буквально). Понятно, что и на ликѣ богини, на ея свѣтлой одеждѣ, остались пятна, клочья, слѣды отъ прикосновеній нечистыхъ рукъ той свѣтской и казарменной толпы, черезъ которую влекли ее. Но все это, напоминая о вынесенной борьбѣ, приводитъ лишь въ умиленіе передъ чудной, хотя немного утратившей свой идеальный блескъ, красотою. И вотъ, не говоря ни слова о борьбѣ, возводить эти пятна, клочья, лохмотья въ самую сущность красоты, видѣть въ нихъ все совершенство богини Пушкина, составлять изъ нихъ

идеалъ народнаго самопознанія, да еще мало этого—ставить такой идеалъ въ образецъ всей Европѣ, всему человѣчеству! Ну, не есть ли это самый неистовый бредъ? Что это такое всеобъемлемость, всевоплощеніе Пушкина? Съ одной стороны, это не болѣе, какъ отраженіе идей вѣка, съ другой—свидѣтельствуетъ и о шаткости почвы, на которой стоялъ онъ. Пушкина, пожалуй, можно сравнивать съ Ломоносовымъ: онъ началъ собою самостоятельную изящную литературу, какъ тотъ положилъ начало русской наукѣ. Но отчего не обратили вниманія на слѣдующій фактъ? Художественная простота, пониманіе жизненной правды являются уже прежде Пушкина, у Батюшкова и Жуковскаго, разумѣется, въ предѣлахъ ихъ таланта. Значитъ, эта всевоплощаемость (ужасно глупое слово!) была у насъ лишь отголоскомъ общаго обращенія литературы къ жизни. Гете и Шиллеръ, обозрѣвающіе въ своихъ произведеніяхъ чуть ли не весь историческій міръ, и Байронъ, который отзывался на всѣ вопросы современной жизни, ужъ, конечно, обладали большею всевоплощаемостью, чѣмъ Пушкинъ. Но Пушкинъ—хоть, можетъ, и поверхностно—зналъ ихъ; онъ читалъ и Вольтера, онъ друженъ былъ съ декабристами. Всего этого было слишкомъ достаточно, чтобы направить такой сильный талантъ на новую дорогу. Весь вопросъ въ томъ, насколько общечеловѣческія начала, выработанныя вѣкомъ, были имъ примѣнены (или по обстоятельствамъ возможно было примѣнить) при возсозданіи идеаловъ изъ русской жизни. Полонскій говоритъ въ своемъ стихотвореніи о Пушкинѣ:

«Другъ свободы, неповинный
Въ лжи и злобѣ нашихъ дней!»

«Нѣтъ, очень повинный, когда Достоевскій опрадываетъ имъ свое скопческое блужданіе среди призраковъ, Катковъ—свою катковскую непоколебимость при жалобныхъ крикахъ оскорбленнаго общества, а женскія учебныя заведенія ликуютъ, видя у него для себя идеалъ въ Татьянѣ и Капитанской Дочкѣ! Безъ сомнѣнія, Пушкинъ открылъ русскую душу. Но какая это душа? Иной разъ это, пожалуй, орелъ, смѣло рвущійся изъ клѣтки, или голубица, воркующая надъ своими птенцами, а иной разъ напоминаетъ и муху, которая пищитъ, ползая съ оборванными крыльями.

«Даръ напрасный, даръ случайный
Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана,
Иль зачѣмъ судьбою тайной
Ты *на казнь обречена?*»

«И на это нѣтъ отвѣта: сколько ни пищи, все будешь ползать! И вотъ, Достоевскіе лѣзутъ на башню, становятся одною ногою на самый шпицъ, и оттуда, балансируя, кричатъ, что мы такимъ ползаньемъ облагодѣтельствуемъ все человѣчество!... Во всякомъ случаѣ, Пушкинское торжество ужъ, конечно, отраднѣе всякаго другого, и, пожалуй очень умилительно, что Шиллеровское

«Seid umschlungen Millionen»

возвѣщается изъ Москвы, этого средоточія русскаго кулачества».

Упомянувъ затѣмъ о празднованіи Пушкинскаго дня въ Петербургѣ, Водовозовъ приводитъ слѣдующее стихотвореніе, набросанное имъ по поводу всѣхъ этихъ празднествъ:

«Поэтъ! тебя вѣнчаютъ лицеисты,
Профессора, директора,
Начальники всѣхъ вѣдомствъ и юристы,
И всѣ «разбойники пера».
Но гдѣ же обаянье грезы,
Какую въ жизни создалъ ты?
Гдѣ вдохновеніе и слезы
Тобой воспѣтой красоты?»

Въ другомъ письмѣ Водовозовъ говоритъ о рѣчи Достоевскаго: въ ней «мало даже того поэтическаго эмфаза, на который я разсчитыталъ, да и идеи всѣ цѣликомъ взяты изъ катехизиса Филарета». По поводу чрезмѣрнаго превозненесенія Достоевскимъ Пушкинской Татьяны, Водовозовъ замѣчаетъ, что поэтомъ «въ Татьянѣ выставлена одна трогательная черта: отреченіе отъ призрачныхъ паденій для смиреннаго исполненія долга. Но возведши въ идеалъ одну эту черту, Пушкинъ лишь немногими намеками даетъ намъ угадывать дѣйствительное положеніе Татьяны. Борьба изъ-за любви къ Онѣгину тутъ еще далеко не все; тутъ дѣло совсѣмъ не въ томъ, измѣнитъ или не измѣнитъ Татьяна мужу. Если она дѣйствительно тяготится окружающею ее пошлой обстановкой, то, и не измѣняя мужу, можетъ создать для него такую муку, хоть бы своимъ вѣчно скрываемымъ страданіемъ, что старикъ генералъ, наконецъ, скажетъ: «Да убирайся ты, матушка, со своими нюнями... поѣзжай хоть на воды!» Если же она, исполняя великосвѣтскія приличія, чтобы поддержать достоинство мужа, въ этомъ уже нашла себѣ полное успокоеніе, то нѣтъ причинъ, почему бы считать ее идеаломъ изъ идеаловъ. «Другому отдана — и буду вѣкъ ему вѣрна». Вѣдь это напоминаетъ Савельича, который

пишетъ своему барину: «твой холопъ, рабски ноги цѣлую, а о барскомъ дитяти ужъ я позабочусь». Да Савельичъ еще выше, идеальнѣе Татьяны. Для него ужъ совсѣмъ не было никакого ни выхода, ни выбора, и все-таки онъ умѣетъ сохранить безконечно нѣжное, человѣчное чувство въ отношеніяхъ къ своему питомцу, для котораго всѣмъ жертвуетъ. «Смирись и ищи въ самомъ себѣ правду». Да, эти смиренные люди носятъ въ сердцѣ своемъ правду, только вотъ бѣда: эта правда все-таки не ихъ собственная, не ими отысканная и сознательно выработанная. Правда эта уже висѣла тутъ въ видѣ прибитаго на столбѣ казеннаго объявленія, а они только приложили къ ней свое сердце. «*Отдана*—и вѣрна». Чего же болѣе?»

Нѣсколько позднѣе, въ неизданномъ обширномъ произведеніи въ стихахъ, подъ названіемъ: «Сказка о старомъ и молодомъ Ильѣ», Водовозовъ такимъ образомъ иронически подражаетъ рѣчи Достоевскаго на Пушкинскомъ праздникѣ:

«Нищій духомъ, блаженъ ты всегда!
Всякій гнетъ мы снесли, господа,
Но съ любовью... О, да, умудрись
Ты, скиталецъ-гордецъ, и смирись!
Погляди на народъ: всѣмъ какъ свой,
Былъ ли онъ хоть когда самъ собой?
И служилъ онъ другимъ весь свой вѣкъ,
Потому онъ и всечеловѣкъ;
Пусть онъ бѣденъ, пусть ѣстъ хоть бы мохъ,—
Крестъ нести какъ иначе бъ онъ могъ?
Рухнетъ Западъ, исчадіе тьмы,
Средь развалинъ останемся мы.
Цѣлокупнымъ смиреньемъ своимъ
Всеевропу въ себѣ воплотимъ.
Да, мы альфа-омега всего;
Кромѣ насъ, уже нѣтъ ничего!

Послѣ прочтенія «Бѣсовъ» Достоевскаго, Водовозовъ писалъ мнѣ: «Этотъ романъ богатъ внѣшними событіями и, сравнительно съ другими романами Достоевскаго, читается легко. Но впечатлѣніе ужасно скверное, даже не по причинѣ великопостной тенденціи автора. Тутъ эта аллилуія съ постнымъ масломъ еще не высказывается замѣтно, а виденъ только своеобразный монашескій нигилизмъ, безпощадно оплевывающій все, что привыкъ въ жизни считать хорошимъ: родственное чувство, любовь къ прекрасному, всякія общественныя стремленія, философію, искуство и науку, даже вѣру въ народъ и вообще въ здравый смыслъ русскаго человѣка. Положимъ, авторъ имѣлъ въ виду показать, какъ

все это исказилось подъ вліяніемъ противнаго ему либерализма; но вѣдь тутъ нѣтъ и никакихъ проблесковъ хотя бы аскетической идеи, нѣтъ и намека на какое-нибудь, хотя бы и гадательное, добро».

То же отрицательное отношеніе Водовозова къ проповѣди Достоевскаго выразилось и въ стихотвореніи, написанномъ въ январѣ 1881 г. по поводу смерти автора «Братьевъ Карамазовыхъ».

«И нашелъ ты страданью исходъ
Въ гордой мысли, что цѣлый народъ
Дышетъ тою же вѣрой спасительный гнетъ,—
Что покорно страдать онъ привыкъ
И смиреніемъ этимъ великъ.
. . . .
Но какъ страненъ всѣмъ голосъ твой былъ,
Выходившій какъ стонъ, изъ могилъ!
И не понятъ, озлобленъ душой,
Среди шумной толпы одинокъ,
Всѣмъ, кто съ гордой за правду борьбой
Къ свѣту шелъ, ты проклятье изрекъ» [1])...

Понятно, что ученіе гр. Л. Толстого о непротивленіи злу было такъ же несимпатично Водовозову, какъ и проповѣдь Достоевскаго.

XI.

Характеръ и образъ жизни Водовозова.

Юный душою до самой своей смерти, Водовозовъ былъ, какъ извѣстно, по своей внѣшности, старообразенъ: лысина явилась у него еще въ Варшавѣ, когда ему было всего 22—24 года. Борода очень шла къ нему, и вообще его открытое, добродушное лицо невольно привлекало всякаго. На видъ онъ могъ показаться очень болѣзненнымъ: плоскогрудый, одна нога нѣсколько короче другой, блѣдный, страшно близорукій, онъ производилъ впечатлѣніе человѣка слабаго здоровья; въ дѣйствительности же В. И. никогда не хворалъ. Вѣроятно, своему демократическому происхожденію онъ былъ обязанъ замѣчательно здоровыми нервами: онъ могъ спать, каковъ бы ни былъ шумъ около него, могъ работать при самой неудобной обстановкѣ, углубившись въ себя и совершенно не обращая вниманія на все, происходящее вокругъ. Способность

---

[1]) Напечатано вполнѣ въ книгѣ «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г., стр. 497—499.

писать въ самомъ неудобномъ положеніи была у него изумительная. Бывало, переѣзжаютъ съ дачи, на возы уложатъ всю мебель, и дачныя комнаты остаются совершенно пустыми, но если В. И. задумалъ писать въ тотъ день, онъ не отложитъ этой работы и на нѣсколько часовъ: притащитъ со двора какой-нибудь обрубокъ, усядется на него, и пишетъ, обмакивая перо въ пузырекъ съ чернилами, стоящій тутъ же на полу. И все написанное такимъ образомъ выходитъ такъ же четко, какъ и всегда. Способность сосредоточиваться при всякихъ условіяхъ и, такъ сказать, совершенно отрѣшаться отъ окружающаго міра, была причиною сильной разсѣянности Водовозова, доходившей до того, что иногда онъ отправлялся изъ гимназіи домой безъ шапки.

Слишкомъ полагаясь на свои физическія силы, В. И. велъ весьма нездоровый образъ жизни, къ которому привыкъ еще во время преподаванія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Уставши днемъ на урокахъ, онъ ложился послѣ обѣда спать, вставалъ около 9 часовъ вечера и затѣмъ работалъ до 4—5 часовъ ночи, близко наклоняясь, вслѣдствіе крайней близорукости, къ книгѣ или рукописи и затягиваясь изъ длиннаго чубука. Тотъ же образъ жизни онъ продолжалъ вести и тогда, когда, будучи уже совершенно свободнымъ отъ всякихъ уроковъ, могъ бы совершенно измѣнить прежній порядокъ. Такая жизнь не могла, разумѣется, не отразиться на его слабомъ зрѣніи, и кончилось тѣмъ, что уже лѣтъ за десять до смерти онъ утратилъ возможность работать однимъ глазомъ. За то В. И. ежедневно выходилъ на воздухъ, а къ общественнымъ гуляньямъ и вообще многолюднымъ сборищамъ чувствовалъ положительную слабость: когда открывались балаганы, его нерѣдко можно было встрѣтить въ толпѣ народа; 1-го мая онъ непремѣнно отправлялся пѣшкомъ въ Екатерингофъ. Лѣтомъ В. И. велъ болѣе правильный образъ жизни: обыкновенно не спалъ послѣ обѣда, много гулялъ, возился цѣлый день въ садикѣ, гдѣ самъ разводилъ цвѣты, которые страстно любилъ, посѣщалъ увеселительныя заведенія, куда его всего болѣе привлекала возможность потолкаться въ разношерстной толпѣ. Отличаясь большими способностями къ различнымъ ручнымъ работамъ, онъ съ величайшею готовностью брался починить столъ или поправить замокъ, если въ томъ оказывалась надобность. Въ день рожденія жены онъ самъ обыкновенно устраивалъ на дачѣ иллюминацію и, закупивъ все нужное для фейерверка,

пускалъ его собственноручно. Его любимымъ дачнымъ мѣстопребываніемъ было Парголово или деревни за шуваловскимъ паркомъ (особенно Заманиловка); тутъ онъ зналъ каждый уголокъ парка, каждую излучину рѣченки, впадающей въ парголовское озеро, и по ея берегамъ любилъ водить гостей, позволившихъ себѣ усомниться въ достоинствахъ парголовскихъ окрестностей. Когда жена Водовозова уѣзжала съ дѣтьми въ деревню къ матери, или однажды проводила лѣто для улучшенія здоровья младшаго сына за границей,—В. И. поселялся одинъ на задворкахъ перваго Парголова, совсѣмъ въ полѣ, въ крестьянской избѣ, безъ особой прислуги (обѣдать онъ ходилъ къ сестрѣ) и проводилъ время въ чтеніи, гуляньѣ, купаньѣ и ухаживаніи за цвѣтами. Такъ, напримѣръ, въ 1880 г. онъ писалъ женѣ: «Я завелъ у себя клумбу съ цвѣтами... Въ комнатѣ тоже наставилъ на окна резеду, петуніи, ландыши и герань... Хочешь знать, какъ провожу я время? Встаю около 8—9 часовъ и прежде всего черпаю въ сѣняхъ воду, чтобы умываться и заваривать кофе, потомъ зажигаю спиртъ и усаживаюсь за приготовленіе кофе. Булку покупаю обыкновенно съ вечера. Кофе я уже навострился готовить какъ нельзя лучше. Тутъ хозяйка приноситъ мнѣ сливки, мететъ комнату и проч. Напившись досыта, я самъ аккуратно перемываю стаканы, кофейникъ, и все прибираю и устанавливаю на полкѣ. Послѣ этого, очистивъ столъ, сажусь читать, писать. Это занятіе иногда прерывается борьбой съ кошкой и курами. Такъ какъ я еще не устроилъ оконъ и не дерзаю отпирать ихъ, то для освѣженія комнаты оставляю открытыми двери: тутъ-то и заходятъ ко мнѣ незваные гости. Особенно назойливъ пѣтухъ, котораго ничѣмъ не выживешь: заберется подъ шестокъ и доставай его оттуда. Послѣ обѣда время проходитъ въ небольшой прогулкѣ, въ чтеніи, въ приготовленіи чая».—«Я начинаю сживаться со всѣмъ этимъ,—писалъ Водовозовъ въ томъ же году, нѣсколько позднѣе, послѣ Пушкинскаго праздника,—и такимъ образомъ вполнѣ олицетворяю собою идеалъ русскаго человѣка Достоевскаго: «Смирись и ищи въ самомъ себѣ правды». Да, я нашелъ ее, эту правду, и въ коровкѣ, которую доятъ въ сараѣ противъ моего крыльца, и въ цыплятахъ, которыхъ постоянно гоняю изъ моего сада, чтобы они не портили цвѣтовъ, и въ двухъ котахъ, одномъ черномъ, а другомъ бѣломъ... Все это совершенная правда, и я со всѣмъ этимъ свыкся, сдружился, значитъ, эта правда во

мнѣ, и я нашелъ ее, а такъ какъ я не мудрствую лукаво, доказывая, что коты и цыплята, вмѣстѣ съ бабами и коровами, должны усвоить лучшія начала гражданственности,— значитъ, я и смирился. И я не знаю, почему бы за все это я не заслуживалъ такихъ же лобызаній и вѣнковъ, какъ Достоевскій. И я заслужу ихъ; мнѣ стоитъ только во всеуслышаніе объявить:—Господа! вы ищете правды гдѣ-то далеко, далеко,—можетъ быть, въ Дрезденѣ, въ Парижѣ, въ Лондонѣ,—а посмотрите, какъ живу я: около меня бѣгаютъ цыпляточки... тутъ коровка стоитъ задумчиво, тамъ два кота... Вы скажете: пустяки. Нѣтъ, постойте, вѣдь это все русское... иной русскій человѣкъ, можетъ, и всю жизнь ничего больше не зналъ, кромѣ котовъ и коровъ, и доволенъ своею долей. И я доволенъ, не ищу другой правды. Господа! только русское сердце способно такъ любить все, что ни случится: и цвѣты подъ окномъ, и кучку навоза рядомъ съ ними. Если же такова всеобъемлемость русской души...—Но меня уже прерываетъ громъ рукоплесканій»...

Суровыя матеріальныя условія, въ которыхъ прошла большая часть жизни Водовозова, пріучили его къ умѣренности: по желѣзной дорогѣ онъ всегда ѣздилъ въ 3-мъ классѣ, за границей также тратилъ очень мало. Впрочемъ, и въ послѣдніе 15 лѣтъ жизни средства Водовозова были не таковы, чтобъ можно было особенно кутить. Несмотря на то, что имъ было напечатано множество книгъ, доходъ съ нихъ, вслѣдствіе ихъ дешевизны, былъ такъ невеликъ, что еслибы не первая часть «Книги для первоначальнаго чтенія», то Водовозову нельзя было бы даже оставить частные уроки. «Книга для первоначальнаго чтенія» дала возможность прожить конецъ жизни безбѣдно, но вовсе не принесла тѣхъ средствъ, какія ему приписывали.

Водовозовъ отличался весьма ровнымъ, спокойнымъ характеромъ; къ людямъ онъ относился съ величайшимъ добродушіемъ: «Я ни разу не слышалъ, — говоритъ г. Щиглевъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Водовозовѣ,—чтобы онъ жаловался на жизнь... Но да не подумаетъ кто-нибудь, что Вас. И—чъ смотрѣлъ на міръ черезъ розовыя очки... Нѣтъ, онъ зналъ, что такое жизнь, онъ хорошо зналъ исторію и отлично видѣлъ все неустройство въ соціальномъ отношеніи. Онъ понималъ человѣка, правильно оцѣнивалъ его поступки, но самъ не любилъ заводить рѣчь о той или другой личности. Василію Ивановичу слишкомъ ясно представлялся внутренній

образъ Ивана и Петра... онъ видѣлъ, какъ на ладони *подоплеку* ихъ и не могъ «сердиться» на этихъ людей: онъ все прощалъ и вообще философски-невозмутимо смотрѣлъ на тѣ житейскія дрязги, которыя людей съ другимъ характеромъ... заставляютъ ссориться, сплетничать и пакостить другъ другу. Стремленія задрать кого-нибудь, вступить въ острословную полемику и вообще погарцовать передъ кѣмъ-нибудь—такого стремленія не было въ В. И-чѣ. Если ему говорили, что вотъ такое-то «перо» задѣло его... В. И., улыбаясь, обыкновенно, говорилъ:—«ну, что-жъ... ну, пускай его тѣшится! Все это пустяки. Охота объ этомъ говорить!»—Да, тихъ, скроменъ и молчаливъ былъ В. И., но настоящая, разумно-боевая сторона его жизни проявилась во *всей* дѣятельности его, какъ писателя-педагога-гражданина» [1]).

Дѣйствительно, В. И. въ высшей степени добродушно относился къ критикѣ его сочиненій: если его задѣвали, онъ скоро забывалъ объ этомъ. Это отчасти происходило отъ того, что онъ весь добросовѣстно отдавался дѣлу, отчасти отъ того, что въ немъ никогда не было мелочнаго самолюбія. Эта черта была хорошо извѣстна лицамъ, его знавшимъ, и нѣкоторые безцеремонно ею пользовались. Когда «Книга для первоначальнаго чтенія» стала быстро расходиться, одинъ педагогъ, встрѣтивъ Водовозова въ педагогическомъ собраніи, сказалъ:—«Слыхалъ я, какъ прекрасно идетъ ваша книга: этакъ вы черезъ нѣсколько лѣтъ настоящимъ богачемъ сдѣлаетесь! Нынче выгодно писать книги для первоначальнаго чтенія. Вотъ, знаете, и я задумалъ написать такую книгу. Я нахожу многія статейки въ вашей «Книгѣ для первоначальнаго чтенія» чрезвычайно удачными, и помѣщу ихъ у себя. Не правда ли, вы не будете въ претензіи?—и, не дожидаясь отвѣта, прибавилъ:—не только же вамъ съ Ушинскимъ богатѣть, нужно и другимъ попользоваться!»—«Конечно,—добродушно отвѣчалъ В. И.:—отчего не помѣстить, если считаете полезнымъ, только бы книга была хорошая!»—А вотъ другой случай.—Извѣстный педагогъ, баронъ Корфъ, отличавшійся въ противоположность Водовозову, крайнимъ самомнѣніемъ и самохвальствомъ, будучи въ Петербургѣ, пріѣхалъ къ В. И-чу съ визитомъ и, между прочимъ, сказалъ: — «Я нахожу, что ваша «Книга для первональнаго чтенія» годится лишь для старшаго возраста, а вотъ вамъ

---

[1]) «Русск. Стар.» 1886 г., № 11, стр. 414—415.

моя книга («Нашъ Другъ»)—вы сами увидите, что ею лучше занять младшій возрастъ, а ваша книга можетъ служить для чтенія послѣ школы. Считаю долгомъ предупредить васъ, что я буду такимъ образомъ относиться къ ней, когда потребуютъ моей рекомендаціи». Это было сказано въ то самое время, когда въ педагогическомъ собраніи г. Миропольскій подвергъ книгу Корфа самой безпощадной критикѣ и поставилъ ее неизмѣримо ниже книги Водовозова. — Когда Корфъ ушелъ, всѣ выразили удивленіе его безцеремонности, но В. И. сталъ защищать его, утверждая, что если онъ высказываетъ вещи, которыя другіе говорятъ лишь за глаза, то это только свидѣтельствуетъ о его порядочности.

Вся нравственная личность Водовозова оказывала самое благотворное вліяніе на тѣхъ, кому удалось съ нимъ познакомиться; по смерти его И. М. Красноперовъ писалъ мнѣ: «Въ Василіѣ Ивановичѣ я встрѣтилъ такого человѣка, который успокоилъ мою взволнованную душу, научилъ меня смотрѣть на людей съ ихъ недостатками болѣе снисходительно, отыскивать прежде всего во всякой человѣческой душѣ «искру Божію».—«Прежде всего надо быть чѣмъ нибудь полезнымъ ближнему», говорилъ В. И. «Въ трудѣ, *хорошемъ* трудѣ вы всегда найдете себѣ облегченіе и спокойствіе»... «Онъ былъ вѣчно юнъ душою», продолжаетъ г. Красноперовъ, «чрезвычайно отзывчивъ на всякое доброе, прекрасное дѣло»...

Многіе учителя и учительницы въ народныхъ школахъ и учительскихъ семинаріяхъ, а также и учителя гимназій обращались къ Водовозову за совѣтомъ устно и письменно, и всѣмъ онъ отвѣчалъ съ величайшею готовностью. Нуждающимся жертвовалъ и свои книги.

Мы уже не разъ указывали, какъ любили В. И-ча его ученики; литературная дѣятельность создала ему гораздо болѣе обширный кругъ почитателей: въ 70-хъ годахъ университетскіе студенты не разъ присылали Водовозову почетные билеты на устроиваемые ими вечера. Въ свою очередь, В. И. до самой смерти сохранялъ живое сочувствіе къ молодежи и всѣмъ ея лучшимъ стремленіямъ. Когда, въ первой половинѣ 70-хъ годовъ, образовался получившій потомъ шутливое названіе «трезвой философіи» кружокъ для чтенія научныхъ рефератовъ, въ которомъ изъявили готовность участвовать, кромѣ молодежи, нѣсколько извѣстныхъ писателей и профессоровъ, Водовозовъ не только принялъ въ немъ постоянное участіе, но и предложилъ въ числѣ другихъ свою

квартиру для чтеній. Затѣмъ, на его вторникахъ, до самой его предсмертной болѣзни, бывало много молодежи, и В. И. не отставалъ отъ нея въ веселой шуткѣ и болтовнѣ, покуривая свою складную трубочку, а также усердно участвовалъ и въ танцахъ, которыми обыкновенно даже самъ дирижировалъ. В. И. танцовалъ еще на Рождествѣ 1885 г.! Когда затѣвалось пѣніе, онъ не прочь былъ и подпѣвать, хотя и не имѣлъ голоса (музыки В. И. не понималъ и не любилъ ея). Для хороваго пѣнія онъ написалъ шутливое продолженіе извѣстной пѣсни «Настоечка двойная»: тутъ поминались и ревнители славянщины, и «морфій классицизма», и русскій писатель, нашедшій «счастье лишь въ кутузкѣ», и излагалась русская исторія въ связи съ тѣмъ, что распивали на Руси въ то или другое время. За ужиномъ Водовозовъ нерѣдко импровизировалъ шутливые стихи на славянскомъ языкѣ, въ которыхъ всего чаще задѣвалъ славянофиловъ, а иногда и другихъ несимпатичныхъ дѣятелей литературы и науки. Попробовалъ В. И. устроить у себя и спектакль, въ которомъ принималъ самое дѣятельное участіе, но способностей актера онъ не обнаружилъ.

Любя молодежь, Водовозовъ чрезвычайно любилъ и дѣтей. «Въ толпѣ дѣтей,—вспоминаетъ г. Щиглевъ,—онъ чувствовалъ себя особенно хорошо. Не могу забыть одной школьной елки, которую устроила учительница въ городской школѣ для дѣвочекъ (на Рождествѣ 1884 г.). Эта учительница была лично знакома съ В. И-чемъ и, зная, что онъ любитъ дѣтей и *способенъ* ихъ повеселить, пригласила его на эту елку. Явившись туда пораньше, г. Щиглевъ уже нашелъ В. И-ча «въ дѣлѣ: среди большой классной комнаты, освобожденной отъ столовъ и скамеекъ, подъ звуки заграничной гармоники и визгливаго хора дѣвочекъ, В. И. велъ какой-то не то хороводъ, не то полонезъ—и какъ велъ!.. съ чувствомъ, съ увлеченіемъ... Онъ серьезно командовалъ, махалъ, то одной, то обѣими руками, присѣдалъ, когда это было нужно для уравненія своего роста съ ростомъ своей дамы; надо было видѣть восторгъ и полнѣйшее наслажденіе скачущихъ вокругъ него тридцати или сорока дѣвочекъ!» [1]) Водовозовъ былъ въ этой школѣ не только на праздникахъ: онъ пріѣзжалъ иногда и во время уроковъ, занимался съ дѣтьми, читалъ имъ свои сказки въ стихахъ, и т. п. За то и дѣти вспом-

[1]) «Русск. Стар.» 1886 г., № 11, стр. 415.

нили о немъ, когда онъ былъ уже серьезно боленъ: на Пасхѣ 1886 г. они прислали ему яйцо вмѣстѣ съ трогательнымъ письмомъ, въ которомъ желали ему скораго выздоровленія.

Въ 1879 г. Водовозову пришлось пережить тяжелое горе: его старшій сынъ скончался отъ чахотки. Въ предыдущемъ году отецъ и мать возили его за границу, и онъ совершенно поправился, но осенью ему опять сдѣлалось хуже, и весною 1879 г. шестнадцати-лѣтній юноша умеръ на рукахъ матери, на хуторѣ, близь Полтавы. Горе В. И-ча выразилось въ двухъ прекрасныхъ стихотвореніяхъ, напечатанныхъ уже по смерти автора [1]).

XII.

Болѣзнь и смерть.

За два года до смерти В. И. сталъ замѣтно и быстро худѣть и хирѣть; но это вовсе не обнаруживалось упадкомъ силъ, а выражалось лишь еще бо́льшимъ истощеніемъ и безъ того съ виду уже истощеннаго организма. Несмотря на то, теперь, какъ и прежде, онъ легко и безъ всякой одышки взбѣгалъ по высокой лѣстницѣ, ежедневно работалъ до 4—5 часовъ ночи, ложась отдохнуть послѣ обѣда на часа полтора или два. Первый острый приступъ болѣзни, которая свела его въ могилу, обнаружился ночью на 1-е января 1886 г. и выразился рвотой. Когда, спустя нѣкоторое время, рвота повторилась, былъ призванъ врачъ, который нашелъ лишь общее истощеніе и упадокъ силъ и полагалъ, что такое состояніе больного — естественный результатъ его лѣтъ и постоянной, упорной умственной работы. Онъ надѣялся, что Водовозовъ поправится мѣсяца въ полтора, если только будетъ поддерживать легкую діэту. Съ тѣхъ поръ общее исхуданіе все увеличивалось и рвота появлялась періодически, однако, кромѣ тяжелыхъ минутъ позыва на нее, В. И. не чувствовалъ никакой боли. Какъ ни трудно было домашнимъ уговаривать В. И-ча прибѣгать къ врачебной помощи, которой онъ не придавалъ никакого значенія, докторъ въ концѣ концовъ, сталъ чаще посѣщать его, но лишь въ мартѣ заявилъ, что подозрѣваетъ тяжкую и опасную болѣзнь, оговариваясь, что

---

[1]) См. въ книгѣ «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г., стр. 493—495.

еще не вполнѣ увѣренъ въ этомъ. Тутъ только у больного появился замѣтный упадокъ силъ: онъ часто и днемъ сталъ ложиться на диванъ, но работать не переставалъ. Стояли прекрасные дни, и докторъ потребовалъ, чтобы онъ ежедневно гулялъ. Но въ первый же разъ, когда В. И. вышелъ на воздухъ, онъ почувствовалъ слабость, мѣшавшую ему не только подниматься на лѣстницу, но и спускаться; тогда докторъ приказалъ выносить его въ креслѣ на воздухъ. Послѣ перваго такого путешествія В. И. сталъ серьезно страдать, что ему приходится «на людяхъ» подниматься и спускаться по лѣстницѣ. Усилившаяся слабость и измѣненіе погоды очень скоро заставили прекратить прогулки. Докторъ, лечившій В. И-ча, и профессоръ Боткинъ, призванный на консиліумъ, категорически заявили, что спасти больного нѣтъ никакой возможности, что у него ракообразная опухоль въ желудкѣ и пищеводѣ. Больной не подозрѣвалъ грозившей ему опасности, такъ какъ ракъ, къ счастью, не сопровождался мучительными болями, какъ это нерѣдко бываетъ. Правда, частая рвота нѣсколько дней сряду, съ особенно-мучительными на нее позывами, заставили его настолько жестоко страдать, что въ это время, повидимому, у него впервые мелькнуло сомнѣніе въ выздоровленіи. Это были самые тяжелые дни за всю его болѣзнь. Но и тутъ, отъ времени до времени, присущій ему юморъ не оставлялъ его. Однажды послѣ мучительно долго продолжавшагося приступа, съ мертвенно-поблѣднѣвшимъ лицомъ, дрожащимъ голосомъ и со слезами на глазахъ, онъ произнесъ экспромтомъ слѣдующее стихотвореніе:

Проходила весна молодая
Съ лучезарнымъ вѣнцомъ на челѣ,
Къ свѣтлымъ днямъ благодатнаго мая
Пиръ веселый готовя землѣ.
Къ ней и я, истощенный и хилый,
Обратился съ мольбою моей:
Дай и мнѣ обновляющей силы,
Животворнымъ дыханьемъ повѣй!
—Ахъ, отстань,—мнѣ весна отвѣчаетъ,—
Я дрожу въ лихорадкѣ сама:
Съ юга солнце меня пригрѣваетъ,
Сзади, съ сѣвера, треплетъ зима!

Что у него тутъ впервые мелькнула мысль объ опасности, видно изъ того, что въ это время, въ болѣе покойныя минуты, онъ началъ знакомить жену съ своими издательскими дѣлами, которыми до сихъ поръ занимался всегда самъ.

Наконецъ, рвота прекратилась, и черезъ два-три дня В. И. своимъ бодрымъ видомъ обманулъ окружающихъ, которые стали надѣяться на его выздоровленіе, думая, что доктора ошиблись. Но слабость и поразительная худоба все увеличивались: теперь онъ совсѣмъ не могъ двигать ногами, не могъ поворачиваться съ боку на бокъ. Самымъ мучительнымъ въ его положеніи было то, что, вслѣдствіе страшнаго исхуданія, ему было крайне больно лежать: подкладываніе гуттаперчевыхъ круговъ плохо этому помогало. Но ни увеличивающаяся слабость, ни полное отсутствіе аппетита не смущали болѣе В. И-ча: то и другое онъ считалъ естественнымъ результатомъ продолжительной рвоты, столь ослабившей его, и возлагалъ надежду на весенніе теплые дни, когда онъ надѣялся перебраться на дачу, а затѣмъ, нѣсколько оправившись, немедленно уѣхать за границу. Теперь онъ былъ твердо увѣренъ, что выздоровѣетъ, и только два обстоятельства постоянно смущали его: что онъ не можетъ работать, и что своею болѣзнью, какъ онъ выражался, взбудоражилъ весь домъ. Хотя голова его была по прежнему свѣжа, но руки оказывались слишкомъ слабыми: онъ могъ еще держать ими разные предметы, но пальцы плохо повиновались и перо выпадало изъ рукъ, когда онъ начиналъ что-нибудь набрасывать. Тѣмъ не менѣе, онъ продолжалъ уже ранѣе начатыя занятія съ 15-лѣтней дѣвочкой, служившею въ домѣ, и съ мальчикомъ прачки, приходившимъ къ нему. Не было возможности отговорить его отъ этихъ занятій, которыя видимо его утомляли; до послѣдняго дня жизни онъ занимался съ учениками, разсказывалъ, заставлялъ повторять, показывалъ картинки и глобусъ, придерживая его своими слабыми, дрожащими руками. Вѣчно дѣятельный, постоянно въ работѣ, съ утра до поздней ночи, онъ не могъ выносить праздности и въ послѣднія минуты.

Зная, какъ В. И. не любитъ безпокоить кого-нибудь ночью, домашніе рѣшили, еще мѣсяца за два до смерти, дежурить по ночамъ у него или въ сосѣдней комнатѣ. Величайшее вниманіе со стороны служащихъ въ домѣ людей въ высшей степени трогало его; дѣйствительно, они чрезвычайно любили и уважали его, и съ полнѣйшею готовностью по очереди ухаживали за нимъ по ночамъ.

Въ послѣдніе дни жизни у Водовозова явилось какое-то особенное умственное возбужденіе. Онъ говорилъ, что стоитъ ему забыться на нѣсколько минутъ, и передъ нимъ сразу

выясняется та или другая работа. Газеты и статьи въ журналахъ, которыя ему читали, онъ цѣлыми страницами запоминалъ слово въ слово и говорилъ, что долженъ былъ дѣлать иногда большія усилія, чтобы сдерживать себя и не произносить ихъ въ слухъ безъ всякаго повода.

Послѣднюю ночь В. И. провелъ безпокойно: забываясь на нѣсколько минутъ, онъ громко начиналъ стонать. Въ 6 часовъ утра онъ отказался отъ молока, которое ему обыкновенно приносили въ это время, однако пересталъ стонать и тихо, покойно лежалъ съ закрытыми глазами; но когда черезъ часъ жена нагнулась къ нему и спросила, какъ онъ себя чувствуетъ, онъ открылъ глаза и шопотомъ отвѣчалъ: «нехорошо... очень скверно». Затѣмъ черезъ полчаса больной снова открылъ глаза со словами: «поверните меня на другой бокъ, положите мнѣ руку на подушку». Когда это было исполнено, онъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами. Вдругъ кровь мгновенно притекла къ его щекамъ, но въ слѣдующую затѣмъ минуту по лицу разлилась мертвенная блѣдность. Онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака жизни, не произнесъ болѣе ни звука, ни одного стона не вырвалось изъ его груди, никакой судороги не пробѣжало по лицу, не дрогнулъ ни одинъ мускулъ. Водовозовъ умеръ, 17-го мая 1886 г., безъ агоніи, мгновенно.

Похоронили Водовозова 19-го мая на Смоленскомъ кладбищѣ, рядомъ съ его старшимъ сыномъ, умершимъ въ 1879 г. На могилѣ произнесъ рѣчь сослуживецъ покойнаго по смольному институту и первой гимназіи, извѣстный педагогъ Д. Д. Семеновъ; между прочимъ, онъ сказалъ въ ней: «Вѣчная память тебѣ, Василій Ивановичъ! Вѣчную память сохранятъ о тебѣ милліоны русскихъ дѣтей, которыя учились по твоей «Книгѣ для чтенія»!.. Вѣчную память сохранятъ о тебѣ и учителя, которымъ ты преподалъ лучшія начала обученія родному языку! Вѣчную память сохранятъ о тебѣ и многочисленные твои ученики и ученицы, которые, благодаря твоему вліянію, продолжаютъ честно трудиться на жизненномъ поприщѣ!»

Въ этотъ же день въ «Новостяхъ» появилась теплая замѣтка В. П. Острогорскаго, посвященная памяти Водовозова. «Сегодня,—сказано въ ней,—хоронятъ одного изъ послѣднихъ немногихъ нашихъ старыхъ учителей словесности, благороднѣйшихъ и образованнѣйшихъ идеалистовъ сороковыхъ годовъ; эти люди въ своемъ преподаваніи не гнались только за одной

сухой передачей формальныхъ знаній, но развивали въ молодежи эстетическій вкусъ, любознательность и горячую любовь ко всему высокому и прекрасному, воспитывали въ юношѣ человѣка... Множество поколѣній его учениць и учениковъ съ трогательною благодарностью вспоминаетъ о своемъ добромъ учителѣ-поэтѣ, которому они обязаны тѣмъ, что вышли «изъ мягкихъ юношескихъ лѣтъ въ годы суроваго мужества», сохранивъ въ душѣ добрыя стремленія, вѣру въ науку и человѣка и любовь къ родинѣ, почерпнутыя изъ его, полныхъ жизни и интереса, уроковъ и бесѣдъ». Водовозовъ «внесъ въ нашу учебную литературу такіе капитальные труды, какъ «Словесность въ образцахъ и разборахъ» или «Новая русская литература», которые, вмѣстѣ съ трудомъ В. Я. Стоюнина, окончательно уничтожили прежнюю схоластику въ преподаваніи родного языка и дали словесности, какъ учебному предмету, свѣтъ и жизнь. Литературная дѣятельность» Водовозова, «выразившаяся въ цѣломъ рядѣ прекрасныхъ книгъ... продолжалась непрерывно... до самой его смерти. Рѣдкій учитель, честный, добросовѣстный и разносторонне-образованный литераторъ, покойный Василій Ивановичъ всю жизнь свою, сорокъ лѣтъ которой онъ посвятилъ педагогіи и литературѣ, оставался симпатичнѣйшимъ, сердечнымъ и отзывчивымъ на все благое человѣкомъ, разливавшимъ вокругъ себя тихій свѣтъ любви къ человѣку, родинѣ, литературѣ и наукѣ во всѣхъ его окружавшихъ, особенно въ молодежи, такъ его любившей. Для этой-то молодежи, предъ которой впереди цѣлая жизнь, покойный явилъ собой высокій образецъ, какъ нужно, несмотря ни на какія невзгоды, оставаться твердымъ до конца, не покладая рукъ и не опуская головы, работать энергически, съ вѣрой въ благотворное значеніе честнаго труда и въ преклонныхъ лѣтахъ, послѣ всѣхъ житейскихъ бурь, продолжать любить свою родину и чутко отзываться сердцемъ своимъ на все, что проситъ у сердца отвѣта. Такія цѣльныя поэтическія личности, до сѣдыхъ волосъ благородно трудящіяся съ вѣрой въ лучшее будущее, въ нашемъ обществѣ чрезвычайно рѣдки, почему и утрата такихъ людей особенно тяжела».

СПИСОКЪ СОЧИНЕНІЙ
В. И. ВОДОВОЗОВА.

I.

Оригинальныя сочиненія.

1) Замѣтки о современномъ образованіи въ Германіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г. т. XC (№ 5) и XCI (№ 7), отд. IV, стр. 1—30.

2) Замѣтки о современномъ образованіи во Франціи. Статья 1-я. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г. т. XCI, отд. IV, стр. 31—66.

3) «Ифигенія» Гёте. (Статья). «Библіотека для чтенія» 1856 г. т. CXXXVIII—CXXXIX (№№ 8 и 9), стр. 99—158, 1—33.

4) О преподаваніи русскаго языка и словесности въ высшихъ классахъ гимназіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г., ч. XCII (№ 11), отд. VII, стр. 88—98.

5) Замѣтки о состояніи англійской литературы въ первую половину 1856 г. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г., т. XCII (№ 12), отд. IV, стр. 61—98, 1857 г., т. XCIII (№ 2), отд. IV, стр. 1—42.

6) «Антигона», трагедія Софокла. (Статья). «Библіотека для чтенія» 1857 г., т. CXLII (№ 3), отд. II, стр. 35—78, т. CXLV (№ 9), отд. II, стр. 1—38.

7) Замѣтки о современной литературѣ въ Германіи. «Библіотека для чтенія» 1857 г., т. CXLI (№ 1), отд. VII, стр. 1—30, CXLII, отд. VII. стр. 158—183; CXLIII, отд. VII, стр. 75—103.

8) Заграничныя письма въ редакцію «Журнала для Воспитанія» 1857 г. т. II, №№ 8 и 9, стр. 163—170, 256—266.

9) Дѣтскіе сады въ Германіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1857 г. № 10.

10) Письма изъ-за границы. Письмо I—IV. «Библіотека для чтенія» 1857 г., т. CXLIV—CXLVI, №№ 7—10, отд. VII, стр. 99—107, 213—223, 82—96, 205—228.

11) Анакреонъ. «Современникъ» 1857 г. т. LXIV (№ 8), отд. II, стр. 127—156. (Здѣсь приведены 3 стихотворенія Анакреона и «Гимнъ Афродитѣ» Сафо въ стихотворномъ переводѣ автора статьи).

12) Критическая статья о книгѣ: «Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Петербургскаго университета. Выпускъ первый. Спб. 1857 г.» «Библіотека для чтенія» 1857 г. т. CXLVI (№ 11), отд. V, стр. 1—40.

13) Приходскія училища въ Берлинѣ. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1858 г. ч. XCVII (№ 1), отд. IV, стр. 1—22.

14) Женевское озеро. «Подснѣжникъ» 1858 г., № 4, стр. 56—78.

15) О Донъ-Кихотѣ Сервантеса и въ особенности о второй части его романа. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1858 г., ч. XCIX (№ 9), отд. V, стр. 1—26.

16) Существуетъ-ли теорія словесности и при какихъ условіяхъ возможно ея существованіе. «Русское слово» 1859 г. № 4, отд. III, стр. 1—17.

17) Рецензія на книгу: «Исторія русской словесности. Лекціи Степана Шевырева. Ч. III, М. 1858 г.» «Русское слово» 1859 г. № 4, отд. II, стр. 59.

18) Критика на книгу Ѳ. Буслаева: «Опытъ исторической грамматики русскаго языка. М. 1858 г.» «Русское слово» 1859 г. № 5, отд. II, стр. 42—61.

19) Старчество (съ педагогической точки зрѣнія). «Русское слово». 1859 г. № 8.

20) Письмо изъ Парижа. «Русское слово» 1859 г. № 8.

21) Письма изъ Франціи. «Русское слово» 1859 г. № 9.

22) Письмо изъ Ліона. «Библіотека для чтенія» 1859 г. т. 156 (№ 8), стр. 1—10.

23) Итальянскія письма. «Библіотека для чтенія» 1859 г. т. 157 (№ 9), стр. 1—30.

24) Туринъ и Миланъ. «Русское слово» 1859 г. № 10, отд. III, стр. 82—111.

25) Рецензія на книгу: «Сочиненія В. Бѣлинскаго, ч. 1—4, М. 1859 г.», «Русское слово» 1859 г. № 12, отд. II, стр. 63—74.

26) Послѣднія пѣсни народнаго поэта (Беранже). «Разсвѣтъ» 1860 г. т. VI, № 5, стр. 199—220.

27) Проектъ новаго устава для училищъ низшаго и средняго разряда. «С.-Петерб. Вѣдом.» 1860 г. № 102.

28) Критическая статья по поводу книги: «Записки Г. Р. Державина. Съ примѣчаніями П. Бартенева. М. 1860 г.». «Русское слово» 1860 г., № 10, отд. II, стр. 17—31.

29) Критика на книгу «Очеркъ исторіи русской поэзіи А. Милюкова. 2-е изданіе. Спб. 1858 г.». «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1860 г. т. CVIII, № 12, отд. III, стр. 147—174.

30) Разсказы изъ русской исторіи. Выпускъ первый. Спб. 1861 г. 8° V и 184 стр. (книга эта выдержала 7 изданій въ 1884 г.).

31) Тезисы по русскому языку. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г. т. CIX (№ 1), стр. 41—71.

32) Нибелунги (статья). «Разсвѣтъ» 1861 г. т. IX (№ 1), отд. I, стр. 1—40.

33) Женскіе типы въ греческой поэзіи. Статья первая. Павзикая и Пенелопа. «Разсвѣтъ» 1861 г. т. X (№ 4), отд. I, стр. 5—40.

34) Критика на книгу Ѳ. Буслаева «Историческіе очерки русской народной словесности и искуства Спб. 1861 г.» «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г. ч. CX (№№ 5 и 6), отд. III, стр. 59—82, 97—124.

35) Древніе языки въ гимназіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г. т. CXI (№ 8), отд. I, стр. 105—120.

36) Русская народная педагогика. «Отечеств. Зап.» 1861 г. т. CXXXVIII (№ 9), отд. I, стр. 93—126.

37) Кольцовъ, какъ народный поэтъ (матеріалъ для лекціи въ высшемъ курсѣ). «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1861 г. т. CXII (№№ 10 и 11), отд. II, стр. 1—35. (Статья эта вошла въ составъ книги: «Новая русская литература»).

38) Неужели упадутъ воскресныя школы? «Отечеств. Записки» 1862 г. т. 140 (№ 2).

39) Народное и общественное значеніе Крылова. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г. ч. CXIV и CXV (№№ 4—7), отд. II, стр. 71—88, 132—143, 145—171, 51—64. (Статьи эти вошли, хотя и не вполнѣ, въ составъ книги: «Новая русская литература»).

40) Письма о народномъ образованіи въ Бельгіи. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г. ч. CXV и CXVI (№№ 8 и 10), отд. I, стр. 170—189, 45—64.

41) Педагогическій отдѣлъ лондонской всемірной выставки. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г. № 10.

42) О педагогическомъ значеніи басенъ Крылова. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1862 г. т. CXVI (№ 12), отд. II, стр. 71—94.

43) Учительскіе совѣты и съѣзды. «Отечеств. Записки», 1863 г., т. CXLVI (№ 1), отд. I, стр. 147—156.

44) Правда въ пословицахъ. «Солдатская Бесѣда», 1863 г., № 2, стр. 7—15.

45) Рецензія на книгу: Russische Revue Zeitschrift zur Kunde des geistigen Lebens in Russland, herausgegeben von Dr. Wilh. Wolfsohn. Leipz. 1862—63 г. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г., т. CXVIII, № 5, стр. 101—105.

46) Сводъ мнѣній о классическомъ и реальномъ образованіи въ книгѣ: «Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій и прогимназій». Спб., 1863 г., стр. 23—64.

47) О губернскомъ училищномъ совѣтѣ въ книгѣ: «Своды замѣчаній на проектъ устава общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній по устройству гимназій и прогимназій». Спб., 1863 г., стр. 324—360.

48) С.-Петербургскія Педагогическія Собранія. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г., т. CXVIII (№ 4), отд. III. стр. 60—76.

49) Наука и нравственность. Педагогическія замѣтки. «Библіотека для Чтенія», 1863 г. № 5, отд. I, стр. 1—20.

50) Рецензія на книгу А. Галахова: «Исторія русской словесности древней и новой». Т. I, Спб. 1863. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г., т. CXX (№ 10), отд, V, стр. 1—15.

51) Критическая статья по поводу книги Н. И. Костомарова: «Сѣверно-

русскія народоправства во времена удѣльно-вѣчеваго уклада». 2 тома. Спб. 1863 г. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г. ч. CXX (№ 12), отд. V, стр. 41—55.

52) Критика на книгу для чтенія въ народныхъ училищахъ виленскаго учебнаго округа. Вильно, 1863 г. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1863 г. № 5.

53) Секретныя воспоминанія институтки. «Отечеств. Зап.» 1863 г., т. 147, 149, 150.

54) Разсказы изъ русской исторіи. Выпускъ 2-й, 1864 г. 8°. 317 стр. (Книга эта имѣла пять изданій; 5-е изданіе—1884 г.).

55) Какая нужна наука въ народной школѣ. «Русь», 1864 г., № 1.

56) Идеалъ народнаго учителя, «Русь», 1864 г., № 4.

57) Можно ли воспитывать безъ розогъ. «Русь», 1864 г., № 14.

58) Риторика въ литературѣ и жизни. «Отеч. Записки», 1864 г., № 7, стр. 5—27.

59) Занятія русскою словесностію съ воспитанниками средняго возраста. «Педагогическій Сборникъ», 1864 г. № 3, стр. 190—212, 1865 г. № 4, 1866 г. № 2, стр. 174—192, № 4, стр. 296—313, № 8, стр. 607—626. (Статьи эти вошли въ составъ книги «Словесность въ образцахъ и разборахъ»).

60) Новая русская литература. (Отъ Жуковскаго до Гоголя включительно). 1866 г., 374 стр. (Книга эта имѣла пять изданій, 5-е—въ 1886 г.).

61) Имена уменьшительныя и ласкательныя, увеличительныя и уничтожительныя. «Учитель», 1866 г., стр. 406.

62) Форма предложеній въ русскомъ народномъ языкѣ. «Учитель», 1866 г., стр. 543.

63) Разборы для упражненій въ языкѣ въ младшемъ возрастѣ, «Учитель» 1866 г., стр. 607 и 708.

64) Поэтическіе образы въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ и пословицахъ. «Учитель» 1867 г., стр. 17—31, 57—72, 118—135, 209—214.

65) Предостереженіе и совѣтъ эстетикамъ. «Гласный Судъ» (газета), 1867 г. № 214.

66) Критическій фельетонъ о «Дымѣ» И. С. Тургенева. «Гласный Судъ», 1867 г. № 221.

67) Словесность въ образцахъ и разборахъ съ объясненіемъ общихъ свойствъ сочиненія и главныхъ родовъ прозы и поэзіи. Спб. 1868, 8°, 407 стр. (Книга эта имѣла 4 изданія; 4-е—въ 1885 г.).

68) Практическая славянская грамматика съ примѣрами и упражненіями на правила древне-славянскаго языка, новаго церковнаго и древне-русскаго лѣтописнаго. Спб. 1868 г. (Книга эта имѣла 3 изданія).

69) 22 стихотворенія въ книгѣ *Паульсона.* «Первая учебная книжка». 1-е изданіе 1868 г.

70) Практическія занятія грамматикою. Логическія основанія рѣчи. «Учитель» 1869 г. № 4, стр. 114—123.

71) Образецъ разсказа для крестьянскихъ дѣтей. О собакахъ. «Народная Школа» 1869 г. № 3, стр. 11—18.

72) Обзоръ книгъ и руководствъ для общаго образованія. «Отечеств.

Записки» 1869 г., т. 182 (№ 1), стр. 1—58; 1870 г. т. 189 (№ 3), стр. 1—46 (былъ изданъ отдѣльный оттискъ).

73) Рецензія на «Руководство для историческаго изученія замѣчательнѣйшихъ произведеній русской литературы». Вл. Стоюнина. Спб. 1869 г. «Библіографъ» 1869 г. № 1, стр. 25—31.

74) Рецензія на книгу: «Учебная русская христоматія съ толкованіями. Составилъ Н. Полевой. Спб. 1869 г.». «Библіографъ» 1869 г. № 1, стр. 38—41.

75) Рецензія на книгу: «Теорія словесности». Е. Бѣлявскаго. М. 1869 г. «Библіографъ» 1869 г. № 1, стр. 41—42.

76) Рецензія на книгу: «Первые разсказы изъ естественной исторіи. Германа Вагнера. Перев. Висковатова. Спб. 1869 г.». «Библіографъ» 1869 г. № 1, стр. 42—43.

77) Рецензія на книгу: «Картины изъ жизни насѣкомыхъ. Составилъ А. Ганике. Спб. 1869 г.» «Библіографъ» 1869 г. № 1.

78) Рецензія на «Сочиненія И. С. Никитина съ біографіей, состав. Де-Пуле, Вор. 1869 г.» «Библіографъ» 1869 г. № 1, стр. 45—51.

79) Разсказы о томъ, что у насъ сохранилось по народной памяти и по грамотѣ. «Народная Школа» 1869 г. №№ 5—9, 11 и 12; 1870 г. №№ 1—4, 6 и 11.—Отдѣльно изданы подъ заглавіемъ: «По старой памяти, какъ по грамотѣ. Очеркъ русской народной литературы». Спб. 1870, 104 стр.

80) Дѣтскіе разсказы и стихотворенія для дѣтей отъ 8 до 12 лѣтъ, съ 11 картинками и вопросами для бесѣдъ. Спб. 1870. (Эта книга имѣла два изданія; 2-е—1876 г.).

81) О воспитательномъ значеніи русской литературы. «Отечеств. Записки» 1870 г. т. 190 (№ 5), стр. 87—125.

82) О томъ, какъ сталъ Петербургъ и откуда пошла русская наука. Жизнь и дѣла Петра В. Спб. 1870 г.

83) Книга для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть первая. Спб. 1871 г. (Книга эта имѣла 18 изданій; послѣднее въ 1887 г.)

84) Книга для учителей, заключающая объясненія на «Книгу для первоначальнаго чтенія въ народныхъ школахъ. Часть первая». Спб. 1871 г. (Пять изданій; послѣднее въ 1879 г.).

85) Элементарные разсказы изъ физики и химіи для народныхъ учителей съ чертежами въ текстѣ. Спб. 1873 г. (Первоначально эти разсказы печатались въ «Народной Школѣ» 1872—73 гг.).

86) Древняя русская литература. Отъ начала грамотности до Ломоносова съ приложеніемъ «Очерка народной литературы» подъ названіемъ: «По старой памяти какъ по грамотѣ». Спб. 1872 г. 350 стр.

87) Кольцовъ. «Народная Школа» 1873 г. № 6, стр. 44—56.

88) Русская азбука для дѣтей. Спб. 1873 г. (Три изданія; послѣднее—въ 1879 г.).

89) Предметы обученія въ народной школѣ. Методика обученія грамотѣ, ариѳметикѣ и другимъ предметамъ. Спб. 1873 г. (Два изданія; 2-е—въ 1875 г.)

90) Скрытыя силы. «Семья и Школа», 1873 г. №№ 2 и 3.

91) Руководство къ русской азбукѣ. Практическіе уроки бесѣдъ, звуко-

ваго разбора, черченія, письма и чтенія въ первый годъ занятій. Спб. 1875 г. 161 стр.

92) Четыре стихотворенія во «Второй учебной книжкѣ» Паульсона 1876 г.

93) Книга для первоначальнаго чтенія. Часть вторая. Спб., 1878 (2-е изданіе 1883 г.).

94) Отвѣтъ на статью «Впередъ или назадъ» («Дѣло», Сентябрь 1875 г.) «Биржевыя Вѣдомости» 1875 г. № 275.

95) Очерки изъ русской исторіи XVIII вѣка. Съ приложеніемъ «Очерковъ изъ древне-русской жизни и изъ исторіи допетровскаго, переходнаго времени». Спб. 1882 г. 548 стр.

96) Русскія сказки въ стихахъ съ картинками. Спб. 1883 г.

97) Цвѣтокъ (Стихотвореніе). «Родникъ» 1883 г. № 4.

98) Коля въ Италіи. «Дѣтское Чтеніе» 1883 г. № 7, стр. 14—44.

99) Новый планъ устройства народной школы. (По поводу книги: «Замѣтки о сельскихъ школахъ С. Рачинскаго. Печатано по распоряженію г оберъ-прокурора святѣйшаго синода. Спб. 1883 г.»). «Вѣстникъ Европы» 1883 г. № 8, стр. 843—854.

100) Что читать народу? «Вѣстникъ Европы» 1886 г. № 7, стр. 425—440

101) Посмертныя стихотворенія (23). «Русская Старина» 1886 г, № 11, стр. 425—446. Перепечатаны въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г., стр. 493—512.

II.

Лекціи и рефераты.

102) Рефератъ въ Педагогическомъ Собраніи 2 и 15 Окт. 1865 г. «Древніе языки въ гимназіяхъ». Тезисы и указанія на пренія см. «Учитель» 1865 г. стр. 755—756, 916—917; 1866 г. 112, 153—155.

103) Три публичныя лекціи о дѣтскихъ садахъ. (Неоконченное изложеніе ихъ см. въ ст. «Дѣтскіе сады, по поводу 1-й лекціи В. И. Водовозова». «Сѣверная Пчела» 1869 г. №№ 74 и 75).

104) О дешевыхъ пособіяхъ для нагляднаго обученія. Рефератъ въ Педагогическомъ Обществѣ 22 Апр. 1872 г. Стенографическій отчетъ см. въ «Семьѣ и Школѣ» 1872 г. № 9. Приложеніе: «Засѣданія С.-Петерб. Педагогическаго Общества», стр. 65—76.

105) Разборъ русскихъ народныхъ азбукъ. Рефератъ въ Педагогическомъ Обществѣ въ Ноябрѣ и Декабрѣ 1872 г. Содержаніе его изложено въ протоколахъ Общества въ «Семьѣ и Школѣ» Отдѣлъ для родителей 1873 г. № 3, стр. 289—291.

106) По поводу вліянія нѣмецкой педагогики на наши школы. Рефератъ, прочитанный въ засѣданіи Педагогическаго Общества 21 Декабря 1874 г. Стенографическій отчетъ о немъ см. въ «Семьѣ и Школѣ» 1875 г. № 2 (Отдѣлъ для родителей), приложеніе стр. 108—120; пренія по поводу Реферата Ibid. стр. 120—127.

107) Замѣтки о начальномъ преподаваніи въ нѣмецкихъ школахъ. Рефератъ въ Педагогическомъ Обществѣ 1874 г. См. указаніе на него въ «Педагогической Лѣтописи, издав. Спб. Педагогическимъ Обществомъ», 1876 г. №№ 1—3, стр. 13.

III.

Переводы.

108) Антигона. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческаго. «Журн. Мин. Нар. Просв.» 1856 г. т. XCI (№ 9), отд. II, стр. 275—339. — Отдѣльное изданіе «Антигоны» въ «Классной Библіотекѣ», изд. Исакова, вып. 9-й. Спб. 1877 г.—Перепечатано въ книгѣ «Переводы въ стихахъ и оригинальныя стихотворенія В. И. Водовозова». Спб. 1888 г. стр. 149—206.

109) Ифигенія въ Тавридѣ. Трагедія Гёте. «Журн. Мин. Нар. Просв.». 1857 г. № 5. Отдѣльное изданіе въ «Классной Библіотекѣ», вып. 10-й Спб. 1874 г.—Перепечатано въ книгѣ «Переводы въ стихахъ В. И. Водовозова» Спб. 1888 г., стр. 321—398.

110) Двѣ оды Пиндара. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1858 г. № 4.— Перепечатаны въ книгѣ «Переводы въ стихахъ», стр. 39—52.

111) Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Переводъ съ греческаго. «Журн. Мин. Нар. Просв.», 1859 г. ч. CI (№ 1), отд. II, стр. 1—100. Перепечатано въ Хрестоматіи «Филонова т. III, изд. 2-е и слѣдующихъ изданіяхъ и въ книгѣ «Переводы въ стихахъ....», стр. 53—148.

112) Двѣ сатиры Горація. Переводъ съ примѣчаніями. «Журн. М. Н. Просв. 1859 г. CII, отд. II, стр. 1 — 20. Перепечатаны въ книгѣ «Переводы въ стихахъ....», стр. 294—309.

113) Рейнъ (и «Германіи» Гейне). «Русскій Вѣстникъ» 1860 г. т. 30. стр. 430—431.

114) Невольничій Корабль (изъ Гейне). «Русское Слово» 1861 г. № 3. стр. 84—88. Перепечатано въ книгѣ «Переводы въ стихахъ....», стр. 476—480,

115) Изъ Гейне: «Какъ бьетъ во мнѣ юность горячимъ ключемъ....» «Русское Слово» 1861 г. № 7, стр. 146. Перепечатано въ книгѣ «Переводы въ стихахъ....», стр. 490.

116) Восхожденіе на Мёнхъ (извлеченіе изъ сочиненія граф. Доры д'Истріи.). «Разсвѣтъ», 1861 г. № 9.

117) Германія. Зимняя сказка Генриха Гейне. «Отеч. Зап.» 1861 г. №№ 10 — 12. Перепечатана въ книгѣ «Переводы въ стихахъ...», стр. 413—475.

118) Ифигенія въ Авлидѣ. Трагедія Еврипида въ «Русской Хрестоматіи» А. Филонова, т. III, изд. 2-е. Спб. 1865 г. и въ послѣдующихъ изданіяхъ. — Перепечатана въ книгѣ: «Переводы въ стихахъ...», стр. 207—289.

119) Первая пиѳійская ода Пиндара Гіерону Этнейскому въ «Книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи», составленной Н. Мизко. М. 1865 г., стр. 96 — 104. Перепечатана въ книгѣ «Переводы въ стихахъ...», стр. 30—39.

120) Сокращенный переводъ разсказа Лукіана «Правдивая исторія» въ «Книгѣ для чтенія при изученіи исторіи древней классической поэзіи», состав. Н. Мизко. М. 1865 г., стр. 353—367.

121) 22 стихотворенія Гейне въ «Русской Старинѣ» 1887 г. № 8, стр. 433 — 440. Перепечатаны въ книгѣ «Переводы въ стихахъ...», стр. 480—489.

122) Переводъ 40 стихотвореній Анакреона впервые напечатанъ въ книгѣ «Переводы въ стихахъ...», стр. 6—29.

123) Переводъ 11 стихотвореній Катулла впервые напечатанъ тамъ-же, стр. 290—293.

124) Переводъ двухъ сатиръ Горація (3-й сатиры I книги и 7-й сатиры II книги) напечатанъ тамъ-же., стр. 309—320.

125) Переводъ начала мистеріи Байрона «Каинъ» см. тамъ-же., стр. 401—412.

126) Переводъ стихотворенія Беранже «Комета 1832 г.» см. тамъ-же, стр. 411—412.

IV.

Главнѣйшія статьи и замѣтки о В. И. Водовозовѣ.

(послѣ его смерти).

1) *В. Острогорскій.* Памяти В. И. Водовозова. «Новости» 1886 г. № 136.

2) *А. Скабичевскій.* Жизнь, сочиненія и педагогическіе взгляды В. И. Водовозова. «Новости» 1886 г. № 146.

3) Фельетонъ въ газетѣ «Herold» 1886 г. № 141.

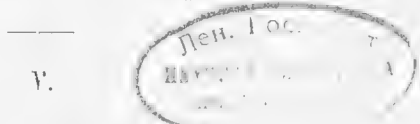
4) *А. Скабичевскій.* Голосъ изъ могилы В. И. Водовозова о томъ, что читать народу. «Новости» 1886 г. № 184.

5) *М. Семевскій.* В. И. Водовозовъ. «Русская Старина» 1886 г. № 6.

6) *В. Острогорскій.* В. И. Водовозовъ. «Дѣло» 1886 г. Іюнь, № 2.

7) *В. Щиглевъ.* В. И. Водовозовъ (Воспоминанія). «Русская Старина». 1886 г. № 11, стр. 405—424.

8) *Н. Титова.* К. Д. Ушинскій и В. И. Водовозовъ. Изъ воспоминаній институтки. «Русская Старина». 1887 г. № 2, стр. 471—494.

V.

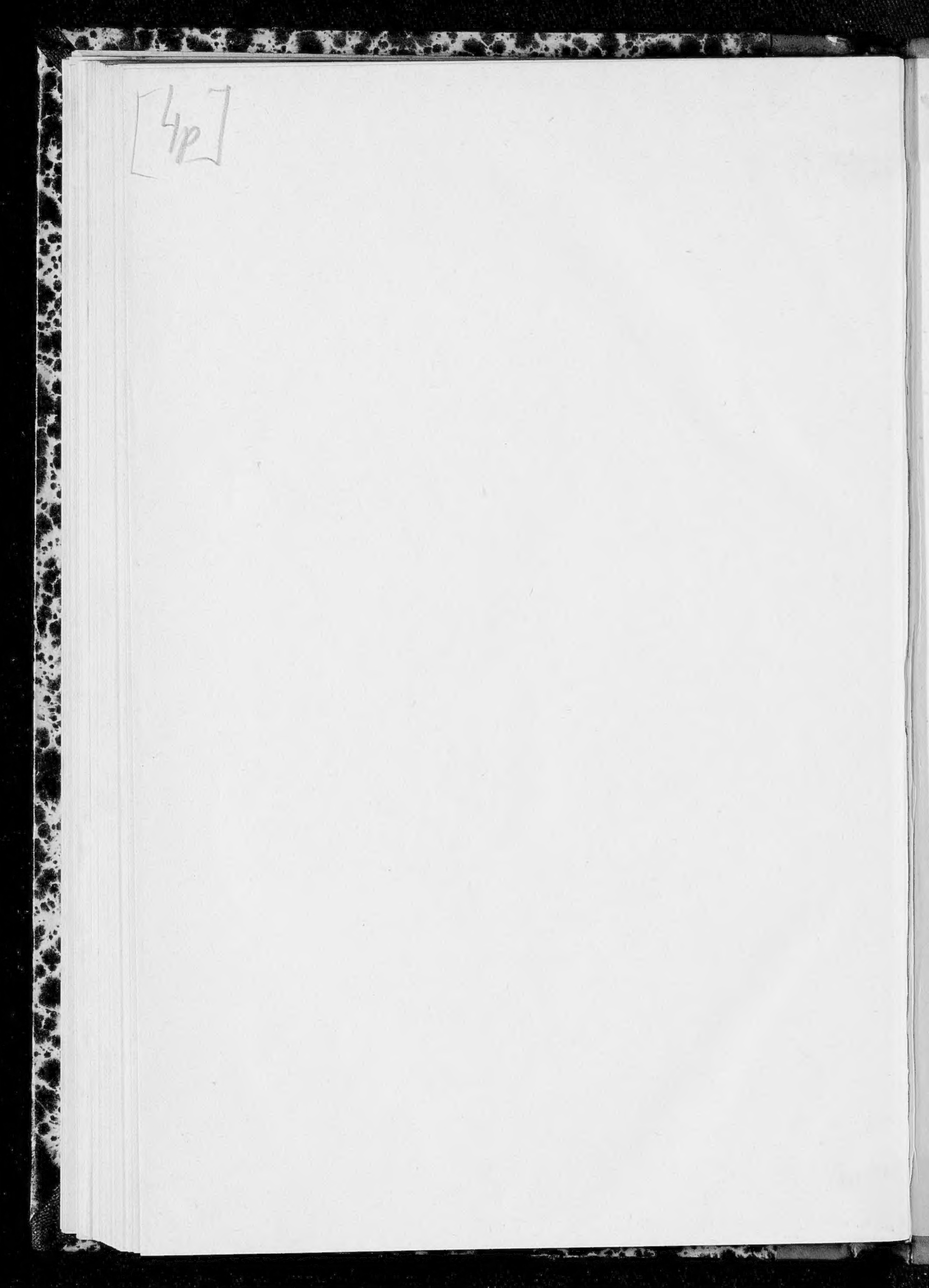
Портреты В. И. Водовозова.

1) Въ «Народной Школѣ» 1874 г. № 9.

2) Во «Всемірной Иллюстраціи» 1886 г. № 907.

3) Въ «Русской Старинѣ» 1886 г. № 11 (гравюра на мѣди Мѣркина).

ОГЛАВЛЕНІЕ.

[4p]

